

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ ПРИГРАНИЧНОЕ СРАЖЕНИЕ 1941

Первая битва
Великой Отечественной

Подлинная история великих войн

Алексей Исаев

**Приграничное сражение
1941. Первая битва
Великой Отечественной**

«Яуза»

2020

УДК 929.731
ББК 63.3(2)43

Исаев А. В.

Приграничное сражение 1941. Первая битва Великой
Отечественной / А. В. Исаев — «Яуза», 2020 — (Подлинная
история великих войн)

ISBN 978-5-00155-129-4

К 75-летию Великой Победы! Радикальное переосмысление катастрофы 1941 года. Новый взгляд на Приграничное сражение, ставшее прологом самого страшного разгрома в советской истории. Убедительные ответы на самые острые, спорные и болезненные вопросы: На чьей стороне было в июне 41-го количественное и качественное превосходство? Благодаря чему Люфтваффе удалось так быстро захватить господство в воздухе? Кто виноват в трагедии Западного фронта? Почему крупные массы танков Киевского особого военного округа не смогли остановить немецкие танковые клинья в районе Броды – Дубно? Что именно стало главным фактором разгрома Красной Армии – утрата связи, недостаточная выучка войск или фатальные ошибки командования? И можно ли вообще было в сложившейся ситуации избежать катастрофы? Вероломство немецких диверсантов и сокрушительные атаки гигантов КВ под Рассейняем, ожесточенная борьба за переправы и сеющие смерть волны бомбардировщиков, упорная оборона и отчаянные контрудары, оглушительные поражения и тактические победы Красной Армии – книга ведущего военного историка восстанавливает полную картину июньской трагедии 1941 года, опираясь на недавно рассекреченные материалы отечественных архивов и немецкие оперативные документы, большая часть которых вводится в научный оборот впервые.

УДК 929.731
ББК 63.3(2)43

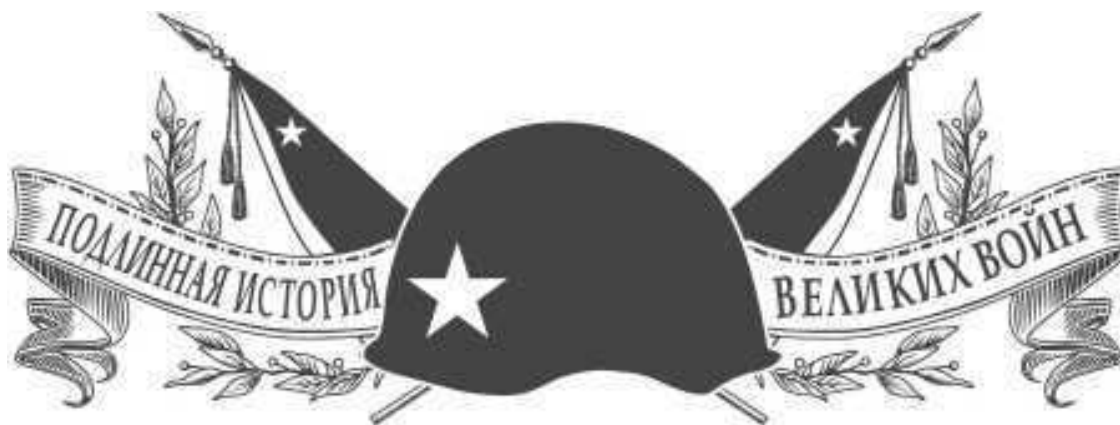
ISBN 978-5-00155-129-4

© Исаев А. В., 2020

© Яуза, 2020

Содержание

Необходимое предисловие	6
Глава 1	9
Дети, которые играют в игры	9
«Охотничьи соколы»	11
Главная цель – аэродромы	13
Глава 2	15
«Планы первой операции и красная кнопка»	15
Планы прикрытия	18
Нехкорпуса	19
Бетонные ВПП и новые полки для «Сталинских соколов»	23
Бронебойные снаряды	25
Нарушения границы	26
Часть первая	28
Глава 1	28
«Ц» становится «Севером»	28
Под прицелом двух танковых групп	31
Последние минные дни	36
Глава 2	39
Воздушный Перл-Харбор	49
3-я танковая группа. Алитус	52
Глава 3	63
Глава 4	72
Воина в воздухе	80
Расейняй	81
Глава 5	101
Двинск (Даугавпилс)	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Алексей Исаев

Приграничное сражение 1941. Первая битва Великой Отечественной

*Автор выражает благодарность
С. Булдыгину, Н. Власову, Г. Дейчуку, М. Коломийцу, И.
Островскому, А. Томзову, Д. Шенцу
за неоценимую помощь в работе над этой книгой.*

Необходимое предисловие

1941 год был, если можно так выразиться, «родовой травмой» Красной Армии. Наши вооруженные силы вышли из горнила Второй мировой войны армией сверхдержавы, но память о катастрофах первого года войны успехи 1944–1945 гг. заслонить не могли. Более того, к неудачам возвращались после войны в мыслях и чувствах даже чаще, чем к триумфам. Самые скандальные исторические публикации советского и даже постсоветского периода были так или иначе связаны с 1941 г. Поэтому очень важно разобраться, что, собственно, произошло летом 1941 г. Почему годами готовившаяся к войне армия терпела поражение за поражением, отступала, теряла города, оставляла на обочинах дорог танки, артиллерийские орудия, автомашины и груды разнообразного имущества?

Целью данного исследования является рассмотрение боевых действий в Приграничном сражении июня 1941 г. Почему именно Приграничное сражение? Ответ на этот вопрос прост: в ходе боев, развернувшихся между новой и старой границами Советского государства, были разгромлены или, во всяком случае, понесли большие потери лучшие по своему качественному составу армии особых военных округов, были утрачены большие массы боевой техники. Это в значительной степени обусловило последующие неудачи Красной Армии летом 1941 г. Лишившись крупных механизированных и авиационных соединений, советские войска потеряли возможность эффективного противодействия наступающим немецким группам армий. Ни о какой борьбе за стратегическую инициативу без танков и авиации не могло быть и речи. Безраздельно владея стратегической инициативой, германские войска могли наносить Красной Армии удар за ударом. Именно это превратило лето и осень 1941 г. в череду «котлов» и отступлений. Сама по себе тема Приграничного сражения широка и даже необъятна. Само ее изложение даже в сжатом виде – непростая задача. Соответственно вопросов военного строительства, политико-морального состояния войск, кадровых проблем я буду касаться лишь в

той мере, в которой это имеет значение для освещения хода событий на советско-германском фронте в июне 1941 г.

Поскольку 1941 год всегда был в центре общественного внимания, о нем написано и сказано немало. Казалось бы, что можно к этому добавить? Одной из проблем отечественной историографии было то, что мы смотрели на ситуацию практически исключительно глазами бойцов и командиров Красной Армии. Сначала через призму воспоминаний или исследований, затем по написанным ими боевым документам. Более того, сведения о многих событиях были безвозвратно утрачены ввиду гибели непосредственных участников и утраты документов частей и соединений. Достаточно сказать, что о таких знаковых событиях, как оборона Брестской крепости и «расейняйский КВ», мы узнали первоначально от противника.

В силу всех этих причин наш взгляд на 1941 г. оказался под влиянием так называемого эффекта Пекинхема. Английский офицер Пекинхем был наблюдателем на японской эскадре в Цусимском сражении. В составленной по итогам боя записке он утверждает, что русские корабли стреляли чаще и лучше. В свою очередь то же самое говорили о стрельбе японцев участники боя из числа выживших офицеров и матросов 2-й Тихоокеанской эскадры. Непосредственному участнику сражения, даже если он выступает простым зрителем, в силу определенных причин психологического характера часто кажется, что противник лучше вооружен, лучше и чаще стреляет, обладает огромным численным превосходством и неисчерпаемыми резервами. Неочевидный эффект своих действий на противника приводил к неверной оценке самих действий.

Картины отступления похожи друг на друга. У переправ накапливались стоящие в беспорядке грузовики, штабные автобусы, радиомшины, тракторы и другая техника

Усугублялась ситуация тем, что мнение противоположной стороны было представлено весьма ограниченно. Советскому человеку были доступны лишь несколько мемуаров германских военачальников. Помимо неустранимых недостатков мемуаров как жанра исторической литературы, они обладали еще одним специфическим недостатком. Германия потерпела поражение в войне, а мемуары были написаны уже после этого неприятного для немцев события. Соответственно, период «блицкригов» на фоне последующих катастроф был светлым пятном, приятным воспоминанием. Поэтому многие сложности того времени естественным образом забывались и сглаживались. Писавшийся по горячим следам событий дневник начальника Генерального штаба сухопутных войск Франца Гальдера касался лишь общих контуров событий. До Берлина многие бушевавшие на фронте грозы попросту не долетали.

Получить более сбалансированную картину событий июня 1941 г. можно, обратившись к боевым документам немецкой стороны и сопоставив их с советскими данными. В случае отсутствия документов советской стороны события восстанавливались по немецким данным. В сущности, была предпринята попытка составить целостную картину Приграничного сражения, линий его развития и ключевых точек. Именно это автор считал главной своей задачей.

Глава 1

План Барбаросса

Дети, которые играют в игры

СССР отнюдь не считался сильным противником в тот момент, когда Гитлер принял решение о походе на Восток. Вскоре после окончания кампании на Западе в 1940 г., упоенный успехом, Гитлер сказал начальнику штаба верховного командования вооруженных сил Германии: «Мы сейчас показали, на что мы способны. Поверьте мне, Кейтель, кампания против России будет детской игрой в сравнении с этим».

Цели и задачи войны против СССР были сформулированы Гитлером 31 июля 1940 г. на совещании в Бергхофе: «Мы не будем нападать на Англию, а разобьем те иллюзии, которые дают Англии волю к сопротивлению. Тогда можно надеяться на изменение ее позиции. [...] Подводная и воздушная война может решить исход войны, но это продлится год-два. Надежда Англии – Россия и Америка. Если рухнут надежды на Россию, Америка также отпадет от Англии, так как разгром России будет иметь следствием невероятное усиление Японии в Восточной Азии». Таким образом, германское руководство искало в сокрушении СССР выход из стратегического тупика. Германия не имела возможности решить судьбу войны вторжением на британские острова. Непрямое воздействие виделось Гитлеру в уничтожении надежд Англии на победу над Германией даже в дальней перспективе. Одновременно сокрушение последнего потенциального противника на континенте позволяло немцам перенацелить военную промышленность на производство вооружений для морского флота и авиации.

Те же слова были повторены фюрером на совещании в штабе оперативного руководства Вермахта 9 января 1941 г. Он сказал следующее: «Англичан поддерживает только возможность русского вступления в войну. Будь эта надежда разрушена, они бы прекратили войну. Он [Гитлер] не верит в то, что англичане «совершенно спятили с ума»; если бы они не видели больше никакой возможности выиграть войну, они бы ее прекратили. Ведь если они ее проиграют, им уже больше никогда не иметь моральной силы удержать свою империю от распада. Но если они продержатся, если они сумеют сформировать 40–50 дивизий и им помогут США и Россия, для Германии возникнет очень тяжелая ситуация. Это произойти не должно. До сих пор он [фюрер] действовал по принципу: чтобы сделать шаг дальше, надо сначала разбить вражеские позиции. Вот почему надо разбить Россию. Тогда англичане либо сдадутся, либо Германия продолжила бы войну против Великобритании в благоприятных условиях. Разгром России позволил бы японцам всеми своими силами повернуть на США, а это удержало бы США от вступления в войну. Разгром Советского Союза означал бы для Германии большое облегчение [в войне против Англии]. Тогда на Востоке можно было бы оставить всего 40–50 дивизий, сухопутные силы можно было бы сократить, а всю военную промышленность использовать для нужд Люфтваффе и военно-морского флота»¹. Примерно в том же духе Гитлер высказался в разговоре с командующим группой армий «Центр» фон Боком 2 февраля 1941 г. Последний записал слова фюрера в своем дневнике в следующей формулировке: «Стоящие у власти в Англии джентльмены далеко не глупы и не могут не понимать, что попытка затянуть войну потеряет для них всякий смысл, как только Россия будет повержена». То есть перед нами не вырванное из контекста высказывание, а осмысленная идея, постоянно озвучивавшаяся на совещаниях руководства.

¹ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «Третьего рейха» против СССР. Смоленск: Русич, 2000. С. 125.

После принятия политическим руководством Третьего рейха летом 1940 г. политического решения о нападении на СССР военное руководство немецких вооруженных сил начало вести работу по разработке военных планов разгрома советских вооруженных сил. Наконец, 21 декабря 1940 г. окончательный вариант плана был утвержден фюрером. Он остался в истории как Директива № 21. Гитлер дал ей название «Барбаросса». Общий замысел операции был сформулирован так: «Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено»².

Направлением главного удара было выбрано московское направление. В Директиве № 21 было сказано:

«Театр военных действий разделяется Припятскими болотами на северную и южную части. Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий. Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии».

Таким образом, германские войска, предназначенные для ведения войны с СССР, были разделены на три группы армий: «Север», «Центр» и «Юг».

Завершалась Директива № 21 словами: «Я ожидаю от господ главнокомандующих устных докладов об их дальнейших намерениях...» То есть командующим группами армий сформулировали их задачи в общем виде и предлагали им разработать свои детализированные предложения по ведению операций. В течение января 1941 г. был проведен ряд игр на картах и сформулированы идеи, на которых должны были базироваться действия немецких войск на каждом из операционных направлений. Итог всей этой работе был подведен на совещании, состоявшемся в Берлине 31 января 1941 г. На этом совещании фельдмаршал фон Браухич информировал командующих группами армий, что германский план базируется на предположении, что Красная Армия даст сражение к западу от линии Западной Двины и Днепра.

Относительно последнего замечания фон Бок скептически отметил в своем дневнике: «Когда я спросил Гальдера, есть ли у него точная информация относительно того, что русские будут удерживать территорию перед упомянутыми реками, он немного подумал и произнес: «Такое вполне может быть». Таким образом, германское планирование с самого начала исходило из некоего предположения, основанного на общих рассуждениях. Действия противника, т. е. Красной Армии, могли отличаться от предполагаемых германским высшим командованием. Причем это могло быть обусловлено как объективными причинами, так и субъективными.

По итогам совещания на свет появился документ, озаглавленный «Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (операция «Барбаросса»)» от 31 января 1941 г., детализировавший замысел операции.

Закрывая на некоторое время тему планирования, хотелось бы подчеркнуть, что ни о каком «превентивном ударе» и «Барбароссе» как ответе на советские агрессивные планы не может быть и речи. Так, «Разведывательная сводка № 3» ОКХ от 28 апреля 1941 г. оценивает состояние Красной Армии следующим образом:

«Осуществляется сосредоточенное выдвижение на Запад, а также дальнейшая переброска войск и вооружения из Центральной России к западной границе, особенно в Бессарабию, Буковину, Белосток, Гродно и Ковно. Вероятнее всего проводится доукомплектование по штату пока не полностью укомплектованных частей. Достоверные признаки наступательных планов не установлены, как и прежде, речь идет в основном об оборонительных мероприятиях.

² 1941 г. Документы. С. 452.

Возможны новые формирования, в основном спецчастей и частей снабжения в Центральной России путем частичного призыва. Всеобщей мобилизации не наблюдается»³.

В «Разведсводке № 4» от 15 мая 1941 г. вновь прозвучали прямым текстом те же слова: «Агрессивных приготовлений не отмечается»⁴.

Таким образом, в разгар подготовки к проведению операции «Барбаросса» немецкое командование было уверено, что никакого «превентивного удара» со стороны Красной Армии ожидать не приходится. Тезис «превентивности» использовался исключительно в пропагандистских целях и не имел никакого отношения к действительной оценке обстановки немецким верховным командованием.

«ОХОТНИЧЬИ СОКОЛЫ»

Главным инструментом, предназначенным для достижения целей, поставленных планом «Барбаросса», должны были стать танковые группы. На тот момент они, безусловно, были вершиной развития организации танковых войск не только в Германии, но и во всем мире. Танки стали одним из главных действующих лиц на поле боя Второй мировой войны. Однако характер их использования по сравнению с 1916–1918 гг. существенно изменился. Характерные для того периода атаки танков совместно с пехотой остались, но они были лишь одним из способов применения бронетехники. Большим шагом вперед стало создание самостоятельных механизированных соединений – танковых и моторизованных дивизий. Немцы длительное время опережали своих противников в создании и применении этого средства борьбы. Согласно «Директивам по вождению танковой дивизии» 1940 г. указывалось: «Бронетанковая дивизия действует, как правило, в составе бронетанкового корпуса». Немецкий танковый, точнее моторизованный корпус образца июня 1941 г., состоял из одной-двух танковых и двух или одной моторизованной дивизии. Иногда ему придавались пехотные дивизии. Танковые группы в том виде, в котором они существовали к началу войны с СССР, являлись промежуточной инстанцией между моторизованным корпусом и армией. В танковую группу входили два-три моторизованных корпуса, иногда ей придавались пехотные армейские корпуса. Промежуточное положение между корпусом и армией позволяло подчинять танковые группы полевым армиям, хотя танковые командиры относились к этому без восторга. Часто группы армий брали управление танковой группой на себя. Следующим шагом стали танковые армии осенью 1941 г., но это уже совсем другая история.

³ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 584, л. 9.

⁴ Там же, л. 20.

Командирский танк 9-й танковой дивизии

При численности от 130 до 200 тыс. человек и полной механизации и моторизации ее основных соединений, танковая группа могла использоваться для прорывов на большую глубину. Такая масса людей и техники обладала достаточной самостоятельностью для действий в отрыве от основных сил группы армий. Бывший командующий 1-й танковой группой Эвальд фон Клейст, уже в советском плену, охарактеризовал свойства этого объединения любопытным и даже где-то поэтическим сравнением: «Танковую группу, как средство оперативного управления армейской группировкой, можно сравнить с охотничьим соколом, который парит над всем оперативным районом армейской группировки, наблюдает за участком боя всех армий и стремительно бросается туда, где уже одно его появление решает исход боя»⁵.

Краеугольным камнем выработанной к 1941 г. технологии ведения боевых действий была концепция «панцерштрассе» (букв. «танковая дорога»), т. е. выявление в полосе предстоящего наступления дорог, которые могли бы стать осью продвижения механизированных соединений. Обычно это была цепочка из соединяющих узлы дорог шоссе. С началом операции движение по этим дорогам подразделений пехотных дивизий строго воспрещалось. «Панцерштрассе» могли быть использованы только для передвижения транспорта танковых соединений. Чаще всего одному моторизованному корпусу доставалась одна «панцерштрассе». Соответственно, его танковые дивизии либо двигались по ней гуськом, либо одна дивизия пользовалась хорошим шоссе, а другая телепалась по параллельным проселочным дорогам.

⁵ Генералы и офицеры Вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951. М: МФД, 2009. С. 63.

Главная цель – аэродромы

Помимо танковых групп, важнейшим инструментом решения поставленных в «Барбароссе» задач должна была стать авиация. Согласно вышеупомянутой «Директиве по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск» от 31 января 1941 г., задачи Люфтваффе, германских военно-воздушных сил, формулировались следующим образом: «На первом этапе операции ВВС должны сосредоточить все свои усилия на борьбе с авиацией противника и на непосредственной поддержке сухопутных войск»⁶.

Авиация была одним из главных инструментов германского «блицкрига». Хотя изначально ВВС Третьего рейха не нацеливались на плотное взаимодействие с сухопутными войсками, к 1941 г. именно это стало «коньком» Люфтваффе. Опыт войны в Испании показал действенность воздушной поддержки атак на земле. Для эффективной реализации этой стратегии требовалось расчистить небо на направлениях главных ударов.

Одним из методов борьбы с авиацией противника было ее уничтожение на аэродромах. Испания в этом отношении дала немцам бесценный опыт и стала своего рода полигоном для отработки тактики и стратегии такой борьбы. В ночь на 2 октября 1936 г. 2 принадлежавших франкистам бомбардировщика Ю-52 бомбили республиканский аэродром Хетафе. На нем выстроились в линию 9 самолетов, составлявших основу республиканской авиации на мадридском направлении. Они были уничтожены одним ударом. В дальнейшем немцы непрерывно оттачивали в Испании тактику удара по аэродромам. Так, на Северном фронте в 1936–1937 гг., где активно действовал «Легион Кондор», из 62 потерянных республиканцами И-15 и И-16 около трети (18 машин) было уничтожено на аэродроме бомбардировкой противника.

Решение такой амбициозной задачи, как уничтожение авиации на аэродромах, требовало тщательной подготовки. Важнейшую роль в успехе, достигнутом в июне 1941 г., сыграла немецкая воздушная разведка, проводившаяся еще до начала войны. Эти полеты проводились так называемой командой Ровеля (Kommando Rowehl), названной так по имени ее командира – полковника Тео Ровеля. Официально она называлась «разведывательная группа главнокомандования Люфтваффе» (Aufklärungsgruppe des Oberbefehlshabers der Luftwaffe, сокращенно Aufkl. St. (F)/Ob. d. L.). Команда Ровеля была создана еще в 1933–1934 гг., когда Люфтваффе еще официально не существовало в природе. Первоначально она использовала для разведки гражданские авиалайнеры. Надо сказать, что подопечные Ровеля не были новичками в небе СССР. Группа уже вела разведку в небе Советского Союза в середине 1930-х. Еще с 1934 г. немцы летали над Кронштадтом и фотографировали корабли Балтийского флота. Более того, один из самолетов команды Ровеля был потерян из-за аварии в ходе полета над Крымом. Советское руководство тогда отделялось вялыми протестами по дипломатическим каналам. Можно даже сказать, что разведывательная деятельность Ровеля не прекращалась за исключением периода с сентября до декабря 1940 г., когда Гитлер запретил все полеты разведчиков над советской территорией. Фюрер считал, что преждевременная интенсификация разведки может спугнуть противника. Поэтому не следует думать, что в 1941 г. советское руководство внезапно впало в идиотизм. Деятельность немецких самолетов-разведчиков просто уже стала привычной.

Команда Ровеля возобновила работу над территорией СССР в первые месяцы 1941 г. К тому моменту в ее составе было четыре эскадрильи. Первая летала с аэродрома Краков в Польше, вторая – из района Бухареста в Румынии и третья – с аэродрома Хамина в Финляндии. Вопреки распространенному мнению группа Ровеля не была поголовно вооружена высотными

⁶ Дашинцев В. И. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967. С. 167.

Ю-86Р. Первые три эскадрильи были вооружены преимущественно Дорнье-215, а также некоторым количеством

Ю-88, Хе-111 и даже Ме-110. Высотные Ю-86Р попали в распоряжение команды Ровеля в 1940 г. и к 1941 г. были собраны в 4-й эскадрилье группы (пять Ю-86Р на апрель 1941 г.), известной также как «испытательный центр высотных полетов». Они летали с аэродромов в Бухаресте и Кракове. Всего командой Ровеля было выполнено свыше 500 полетов над территорией СССР. При отсутствии у СССР в 1941 г. сплошного поля обзора воздушного пространства радиолокаторами полеты на высотах свыше 10 тыс. метров были относительно безопасными. Но далеко не все полеты разведчиков проходили гладко. 15 апреля Ю-86Р, вылетевший из Кракова для фотографирования в район Житомира, был вынужден снизиться из-за неисправности двигателя. В районе Ровно самолет был сбит советским истребителем. Однако в общем случае сбить летящий на большой высоте Ю-86Р было непростой задачей. По крайней мере, другие известные на данный момент случаи перехвата высотных разведчиков были неудачными.

С середины апреля до середины июня 1941 г. полеты команды Ровеля осуществлялись с завидной систематичностью – по три вылета в день. Главной их задачей было обновление информации, собранной в аналогичных полетах весной 1940 г. 21 июня 1941 г. 4-я эскадрилья команды Ровеля вернулась на место своего постоянного базирования, на аэродром Берлин – Рангсдорф, для продолжения разведки на Западе. Три остальные эскадрильи продолжили свою деятельность после начала войны. Результаты кропотливой работы «команды Ровеля» позволили немецкому командованию спланировать гигантскую по своим масштабам операцию по разгрому ВВС приграничных округов на аэродромах.

Глава 2

Один на один с монстром

«Планы первой операции и красная кнопка»

Советское военное планирование долгое время было тайной за семью печатями. Причины этого просты и очевидны: подготовленные в 1940–1941 гг. военные планы не были реализованы. Тем не менее планирование оказывало влияние на распределение войск в мирное время. Организационно войска западных округов СССР на границе с Германией в 1941 г. разделялись на три объединения: Прибалтийский, Западный и Киевский особые военные округа. В случае войны они преобразовывались соответственно в Северо-Западный, Западный и Юго-Западный фронты.

Готовясь к войне будущей, неизбежно оглядываются на опыт войны предыдущей. Для России Первая мировая война прошла в коалиции со странами Антанты и под знаком серьезных экономических и внутривойсковых трудностей. Во избежание экономических трудностей проводилась индустриализация. Среди мер по устранению угрозы внутривойсковой нестабильности можно назвать политические репрессии 1930-х годов. Впрочем, обсуждение этого вопроса выходит за рамки данного исследования. Более интересным является вопрос военного планирования СССР в последние предшествующие 22 июня 1941 г. месяцы. В ходе Первой мировой войны неоднократно возникали трения между союзниками на почве выработки приемлемой коалиционной стратегии. Собственно опасения относительно возможности повторения негативного опыта привели к неудаче переговоров с военными делегациями Англии и Франции в августе 1939 г. СССР были нужны четкие планы и обязательства, у союзников их не было. В итоге маятник качнулся, и от союзников отказались вовсе. 23 августа 1939 г. был заключен вызывающий и поныне бурные дискуссии пакт Молотова—Риббентропа. Трудно судить, как складывались бы события в случае вступления СССР во Вторую мировую войну в коалиции с Англией и Францией, но без четко оговоренных обязательств. Однако в реальности СССР летом 1940 г. оказался с Германией на континенте один на один. С одной стороны, это развязывало руки в вопросах планирования, с другой – требовало большего наряда сил (второго сухопутного фронта у противника просто не было).

Основные усилия планирования в тот период сосредотачивались на так называемой первой операции. При этом планирование исходило из того, что формальное начало войны не совпадет по времени с вводом сторонами главных сил своих войск. Соответственно, между переходом двух стран в состояние войны и началом первой операции будет период мобилизации, сосредоточения и развертывания войск. На границе при этом будут идти бои той или иной степени интенсивности, также обмен авиаударами. Первая операция должна была начаться только через две недели после перехода в состояние войны. Поэтому не следует удивляться тому, что наряд сил для действий по известным нам сегодня советским планам первой операции никак не совпадает с реальной численностью войск в армиях с теми же номерами, стоявшими на границе утром 22 июня 1941 г.

Разработчиком документов советского военного планирования являлся начальник Генерального штаба Красной Армии. Соответственно, руководителями оперативных разработок были последовательно Маршал Советского Союза Б. М. Шапошников (до августа 1940 г.), затем – генерал армии К. А. Мерецков (до февраля 1941 г.), а в последующем – генерал армии Г. К. Жуков. Непосредственными исполнителями были генерал-майор А. М. Василевский (северное, северо-западное и западное направления), генерал-майор А. Ф. Анисов (юго-западное и южное направления), а также генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин.

Заголовок у советских военных планов в предвоенный период был «Соображения об основах стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза». Результат размышления Б. М. Шапошникова над новым профилем границы был отражен в документе, датированном 19 августа 1940 г. По мнению Бориса Михайловича, следовало построить планирование вокруг следующих тезисов: «Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной Армии иметь развернутыми к северу от Полесья. На Юге – активной обороной должны быть прикрыты Западная Украина и Бессарабия и скована возможно большая часть германской армии. Основной задачей наших войск является нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы: вспомогательным ударом нанести поражение группировке противника в районе Ивангород. Люблин, Грубешов. Томашев»⁷. Фактически основной идеей плана является воспроизведение действий русской армии 1914 г., штурм цитадели Восточной Пруссии ударами с северо-запада и в обход Мазурских озер.

Однако руководство Генерального штаба меняется, и соответствующие изменения претерпевают советские военные планы. Новый начальник Генштаба К. А. Мерецков к тому моменту уже имел неоднозначный опыт штурма «Линии Маннергейма» зимой 1939/40 г. Перспектива взламывать куда более совершенные укрепления немцев в Восточной Пруссии его явно не прельщала. Ось советского военного планирования стала смещаться на юг. Следующий вариант плана появляется 18 сентября 1940 г. Основные задачи войск обрисованы в нем следующими словами: «Главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска с тем, чтобы мощным ударом в направлениях Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска, с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней»⁸.

Что характерно, первым в документе излагался вариант с развертыванием главных сил Красной Армии к югу от Брест-Литовска, т. е. на Украине. По этому варианту главный удар наносился Юго-Западным фронтом. Однако Западный фронт не должен был сидеть сложа руки. Его задачами было сковывание противника и содействие войскам на направлении главного удара.

Второй вариант предусматривал сосредоточение главных сил Красной Армии к северу от Брест-Литовска. Это был так называемый северный вариант развертывания. Главными игроками по этому варианту становились Северо-Западный и Западный фронты. Главным преимуществом «северного» варианта была быстрота развертывания. По плану предполагалось, что сосредоточение армий закончится уже на 20-й день от начала мобилизации. Только дивизии резерва фронта и Главного командования сосредоточивались уже в первые дни операции. Связано это было с лучшим развитием дорожной сети в полосе двух фронтов к северу от Брест-Литовска. Соответственно, сосредоточение по «южному» варианту развертывания могло быть закончено лишь на 30-й день от начала мобилизации. Составителям плана пришлось констатировать: «Столь поздние сроки развертывания армий Юго-Западного фронта и являются единственным, но серьезным недостатком данного варианта развертывания».

Однако у «северного» сохранялся тот же недостаток, который заставил Мерецкова искать альтернативы плану Шапошникова. Штурм Восточной Пруссии отнюдь не гарантировал быструю и, главное, эффектную победу. Поэтому уже в самом тексте плана содержалась следующая сентенция: «возникают опасения, что борьба на этом фронте может привести к затяжным

⁷ 1941 г. Документы. Т. 2. С. 185.

⁸ 1941 г. Документы. Т. 1. С. 241

боям, свяжет наши главные силы и не даст нужного и быстрого эффекта, что в свою очередь сделает неизбежным и ускорит вступление Балканских стран в войну против нас».

Фактически советское военное руководство оказывалось между Сциллой и Харибдой. В одном случае была опасность увязнуть в боях за укрепления, в другом – опоздать с развертыванием и начать первую операцию войны в худших условиях. Если противник упреждал Красную Армию в развертывании и сосредоточении, то под вопрос могла быть поставлена сама возможность реализации плана первой операции. В итоге во вводной части «Соображений...» сентября 1940 г. было предложено соломоново решение. Предполагалось, что окончательный выбор между «северным» и «южным» вариантами будет зависеть от «политической обстановки, которая сложится к началу войны».

Однако новые кадровые перестановки в высших эшелонах власти вскоре непосредственно повлияли на военное планирование. Во-первых, по итогам финской войны новым наркомом обороны стал С. К. Тимошенко, ранее командовавший Киевским округом. Во-вторых, бывший начальник штаба Киевского округа Н. Ф. Ватутин стал начальником Оперативного управления Генерального штаба Красной Армии. Наконец, в феврале 1941 г. пост начальника Генерального штаба КА занял Г. К. Жуков, до этого полгода командовавший тем же Киевским округом. Конечно, Жуков долгое время служил в Белорусском округе, но это было еще до смещения линии границы на запад. В итоге в конце 1940 г. и начале 1941 г. был окончательно сделан вывод в пользу «южного» варианта развертывания. Этому способствовали как его объективные достоинства, так и субъективные факторы – быстрое продвижение командиров из КОВО на вершину иерархии РККА.

Почему же этот план не был реализован? Наряд сил на первую операцию состоял из трех групп:

- 1) армии и подчиненные им соединения, постоянно находившиеся у границы;
- 2) стрелковых корпусов, постоянно дислоцированные в глубине территории особого (приграничного) округа;
- 3) армий внутренних округов.

Исключением здесь был Прибалтийский округ, ему по планам не полагалось армии из внутреннего округа. Однако пункт 2) для него тоже был актуален. Также следует отметить, что помимо перемещений войск, должна была быть проведена их мобилизация, перевод со штатов мирного времени на штаты военного времени. Как прямым текстом указывалось в «Соображениях...», сосредоточение сил, перечисленных в пунктах 1–3, могло быть завершено примерно в течение месяца с момента объявления мобилизации. Условно это можно назвать нажатием «красной кнопки»⁹. То есть после нажатия «красной кнопки» в Москве начинается процесс, который займет почти месяц и лишь после этого будет собран плановый наряд сил.

Для того чтобы нажать «красную кнопку» вовремя, требовались достаточно весомые основания. Нажатие «красной кнопки» в мае 1941 г. грозило попаданием в щекотливую ситуацию: войска собраны, армия мобилизована (допустим, скрытым порядком), а противник не нападает. Что здесь прикажете делать? Нападать первыми? Возвращать армию в места постоянной дислокации? Последний вариант опасен тем, что противник, во-первых, может-таки напасть, согласно собственным планам, а во-вторых, может запустить ответный процесс и также оказаться у границы с развернутой и мобилизованной армией.

Сталин в 1941 г. находился между Сциллой и Харибдой. С одной стороны, опасность оказаться с неотмобилизованной и недоразвернутой армией вынуждала реагировать на любые изменения в обстановке. С другой стороны, проведение мобилизации и масштабных мероприятий по созданию на западе группировки сил для первой операции могло привести к вступлению в войну без весомых на то оснований. Понятно, что фактор возможности так называе-

⁹ Термин придуман не мной. Применялся еще к событиям Первой мировой войны.

мого внезапного нападения учитывался. Никто не ждал, что будут заранее присылать бумагу с классическим «иду на вы», т. е. официальным объявлением войны. Однако очевидное забвение формальностей не отменяло стандартного набора событий перед началом военных действий. Но этого стандартного набора не было. Не было прощупывания на дипломатическом уровне возможности получения от СССР тех или иных материальных благ или территории. Не было прямых обвинений (например, в сотрудничестве с Англией, с которой Германия находится в состоянии войны). Что бы ни говорили, но нападение Германии на СССР в 1941 г. было особым случаем в истории войн. Немецким руководством было заранее принято решение на безусловное силовое решение проблемы. Поэтому никаких демаршей, которые могли бы дать основания для нажатия на «красную кнопку» и запуска процесса сбора войск у границы, попросту не было. Напротив, на дипломатическом уровне немцы просто молчали как рыбы. Информацию, которая могла служить достаточным основанием для «красной кнопки», могла дать разведка. Но до самого последнего момента, когда нажатие «красной кнопки» могло дать положительный результат, разведка весомых доказательств не представляла. 31 мая 1941 г. начальник Разведывательного управления Генерального штаба Ф. И. Голиков докладывал:

«Общее распределение вооруженных сил Германии состоит в следующем:

- против Англии (на всех фронтах) 122–126 дивизий;
- против СССР – 120–122 дивизии;
- резервов – 44–48 дивизий»¹⁰.

Как мы видим, до реального нападения Германии осталось меньше месяца, а данных, однозначно указывающих на агрессивные планы противника, пока нет. Группировка войск на востоке вполне может быть интерпретирована как заслон на всякий случай. Сами немцы тоже весьма предусмотрительно оставили перевозку танковых дивизий в последний, пятый эшелон развертывания. Заметим, что даже если нажимать «красную кнопку» 31 мая 1941 г., уже есть все шансы опоздать со всеми необходимыми мероприятиями. Реально решение нажать «красную кнопку» было принято советским руководством примерно в середине июня 1941 г.

Разумеется, выполнить мероприятия, на которые по плану полагалось около месяца, за неделю-полторы не удалось. Немцев фактически встретила завеса из пункта 1) (см. выше). Пункты 2) и 3) требовали от нескольких дней до нескольких недель на доставку из глубины округа или же из внутреннего военного округа. Выдвижение было начато только в середине июня 1941 г., когда данные о готовящемся германском нападении стали почти бесспорными. Например, 13 июня (по другим данным, 12 июня) 1941 г. руководство Киевского особого военного округа получило директиву наркома обороны и начальника Генштаба Красной Армии на выдвижение «глубинных» стрелковых корпусов ближе к границе. Началось выдвижение «глубинных» соединений округа 17–18 июня. Примерно такая же картина наблюдалась в Западном и Прибалтийском особых округах.

Планы прикрытия

В период сосредоточения и развертывания войск, в период расстановки фигур на доске для грядущей шахматной партии границу предполагалось прикрывать от возможных вылазок противника быстро мобилизуемыми дивизиями приграничных армий. Задачами этих соединений было:

«а) упорной обороной полевых укреплений по госгранице и укрепленных районов не допустить вторжения как наземного, так и воздушного противника на территорию округа; прочно прикрыть от мобилизации, сосредоточения и развертывания поиска округа;

¹⁰ 1941 год: В 2 кн. Кн. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. С. 290.

б) противовоздушной обороной и действиями авиации обеспечить нормальную работу железных дорог и сосредоточение войск;

в) всеми видами и средствами разведки округа своевременно определить характер сосредоточения и группировку войск противника;

г) активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным жел[езно]дорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника;

д) не допустить сбрасывания и высадки на территории округа воздушных десантов и диверсионных групп противника».

Не следует думать, что планы прикрытия как таковые были изобретением последних предвоенных недель. Ранее они были частью общего плана округа (будущего фронта). До определенного момента прикрытия границы и план первой операции совмещались в одном документе, но незадолго до войны было решено выделить их в отдельный документ. Сути дела это, разумеется, никак не изменило. Поэтому нет ничего глупее, чем представлять планы прикрытия как оборонительные планы первой операции. На удар главных сил противника планы прикрытия вовсе не рассчитывались.

Мехкорпуса

Если в руках немецкого командования были танковые группы численностью 130–200 тыс. человек, то в Красной Армии крупнейшим подвижным соединением был механизированный корпус численностью около 30 тыс. человек. Несмотря на штатную численность в тысячу танков, мехкорпус не шел ни в какое сравнение с танковой группой по своим боевым возможностям.

В Красной Армии формирование танковых соединений нового поколения началось с приходом на пост наркома обороны маршала С. К. Тимошенко. В конце мая – начале июня 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба представили в Политбюро и СНК несколько вариантов предложений, в которых предлагалось сформировать принципиально новые механизированные соединения – танковые дивизии. Однако догоняющий лидера, даже если бежит из всех сил, не может достичь за год-полтора того же результата, что и начавший бежать несколькими годами ранее. По отношению к германским танковым войскам мехкорпуса РККА 1940 г. все равно оказывались вчерашним днем.

Во-первых, по опыту первых кампаний немецкие танковые дивизии были сбалансированы, приведены к примерно равному числу танковых и мотопехотных батальонов. Советские мехкорпуса были перегружены танками в ущерб мотопехоте. Немцы к 1941 г. пришли к своего рода «золотому сечению» организации танковых войск – на 2–3 батальона танков было 4 или 5 (если считать с мотоциклетным) батальонов мотопехоты, т. е. соотношение танков и мотопехоты было 1:2,5, 1:1,7 в пользу последней. В ходе Второй мировой войны воюющие стороны постепенно приходили к балансировке числа мотопехотных и танковых батальонов по немецкому образцу. Красная Армия в 1941 г. от этого была еще страшно далека. На 375 танков советской танковой дивизии 1941 г. приходилось примерно 3 тыс. человек мотопехоты, а на 150–200 танков танковой дивизии Вермахта приходилось 6 тыс. человек мотопехоты. Если считать в батальонах, то на 6 танковых батальонов (если даже не учитывать два батальона огнеметных танков) советской танковой дивизии приходилось всего три батальона мотопехоты. Соотношение 2:1 в пользу танковых батальонов. Такая «перегрузка танками» была одним из этапов строительства самостоятельных механизированных соединений. Однако у нас на этот этап наложился 1941 г.

Тракторы СТЗ-5 с гаубицами М-30 и М-10 на буксире на параде на Красной площади. Для механизированных соединений эти тягачи уже не годились

Во-вторых, имеющаяся на вооружении техника, которая вынужденно пошла на формирование мехкорпусов (за отсутствием альтернатив) была создана исходя из более простых задач. В первую очередь это касалось мехтяги артиллерии. Еще на совещании руководящего состава РККА в декабре 1940 г. командир 6-го механизированного корпуса ЗапОВО Михаил Георгиевич Хацкилевич говорил: «...мы имеем в артиллерии трактора СТЗ-5, которые задерживают движение. Наша артиллерия, вооруженная этими тракторами, имеет небольшую подвижность и отстает от колесных машин и от танковых соединений. (Из президиума: 30 км в час.) М. Г. Хацкилевич: Теоретически это так, а практически он такой скорости не дает»¹¹. Транспортный трактор СТЗ-5 действительно был не лучшим образцом для подвижных соединений. Имея мощность двигателя всего 50 л.с., он существенно уступал полугусеничным тягачам немецких танковых дивизий, оснащенных двигателями 100–140 л.с. В результате артиллерия мехкорпусов в ходе их маневрирования во время сражения отставала от танков. Кроме того, юный возраст советских танковых соединений накладывал отпечаток на их использование. Командиры и командующие далеко не всегда понимали принципы использования мехкорпусов, привычно раздергивая их на мелкие части для решения узких задач. Иногда это было обусловлено обстановкой на фронте, иногда нет.

Так или иначе, весной 1940 г. в СССР начали создавать механизированные корпуса – подвижные соединения нового поколения. 6 июля 1940 г. СНК своим постановлением за № 1193-464сс утвердил штатную численность танковых дивизий и организацию механизированных корпусов. Следовало сформировать 8 таких корпусов и 2 отдельные танковые дивизии. 4 октября 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба докладывали в Политбюро и СНК, что формирование 8 мехкорпусов, 18 танковых и 8 моторизованных дивизий в основном завершено. На их формирование было обращено 12 танковых бригад танков БТ, 4 бригады

¹¹ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 1. М.: Терра, 1993. С. 276.

танков Т-35 и Т-28, 3 «химические»¹² бригады, 2 танковых полка Т-26 и танковые батальоны стрелковых дивизий. Эта реорганизация стала большим шагом вперед в развитии танковых войск Красной Армии.

Не остались без внимания танки непосредственной поддержки пехоты. В октябре 1940 г. нарком обороны и начальник Генштаба КА направили в СНК и Политбюро ВКН (б) записку с предложением сформировать 25 отдельных танковых бригад Т-26, в дополнение к 20 существующим. Число бригад должно было соответствовать числу стрелковых корпусов. В записке наркома обороны СССР и начальника Генштаба КА указывалось: «Считаю, что для успешного продвижения пехоты в современном бою нужно иметь на каждый стрелковый корпус одну танковую бригаду»¹³. Планом предусматривалось завершить формирование танковых бригад Т-26 к 1 июня 1941 г. В итоге по мобилизационному плану редакции декабря 1940 г. в Красной Армии предполагалось наличие 20 танковых, 9 моторизованных дивизий и 45 бригад танков непосредственной поддержки пехоты.

Новшеством в наступающем 1941 г. должно было стать перевооружение на танки новых типов: с осени 1940 г. в войска поступали КВ и Т-34. На 1 января 1941 г. в войска уже было отгружено 208 танков КВ-1 и КВ-2, на 1941 г. планировалась отгрузка 800 машин этого типа (600 с ЛКЗ и 200 с ЧТЗ), в том числе 145 КВ – в первом квартале¹⁴. Новых танков Т-34 в войсках на 1 января 1941 г. было всего 80 единиц. Однако в 1941 г. планировалось получить от промышленности 2500 «тридцатьчетверок» (1600 с завода № 183 и 900 с СТЗ), в том числе 400 танков – в первом квартале¹⁵. В первую очередь новые танки получали сформированные в 1940 г. танковые дивизии восьми мехкорпусов. Это были без преувеличения элитные соединения Красной Армии. Укомплектованность этих восьми мехкорпусов вспомогательной техникой также находилась на сравнительно высоком уровне. Таким образом, в 1941 г. Красная Армия вступила с достаточно цельной и реалистичной программой строительства танковых войск.

Однако начало 1941 г. ознаменовалось широкомасштабной реорганизацией в этой области. 12 февраля НКО и Генштаб представили в Политбюро ЦК ВКП (б) и СНК СССР новый мобилизационный план, так называемый МП-41. Согласно этому плану предполагалось наличие в армии мирного времени 2 мотострелковых, 60 танковых, 30 моторизованных дивизий. Это фактически означало создание более 20 новых мехкорпусов.

Оно началось в феврале – марте 1941 г. Так, 8 марта 1941 г. Политбюро утвердило назначения командиров формируемых мехкорпусов, танковых и моторизованных дивизий.

Теперь подавляющее большинство танков РККА должны были быть объединены в механизированные корпуса со штатной численностью 1031 танк. Тем самым соединения и части, предназначенные для поддержки пехоты, исчезали как класс. Забегая вперед, следует сказать, что опыт войны не подтвердил это решение. В 1945 г. в танковых войсках были как танковые армии, так и отдельные бригады и полки для непосредственной поддержки пехоты.

Однако главной проблемой в реализации столь обширной программы строительства танковых войск было обеспечение мехкорпусов личным составом, боевой и вспомогательной техникой. Это в первую очередь потребовало увеличения заявки промышленности на новые танки. Так, уже в феврале 1941 г. предполагалось отпустить в войска за год 1200 танков КВ¹⁶. План 1941 г. на танки Т-34 поначалу оставался неизменным, 2500 машин. Вскоре он был

¹² Вооруженные огнеметными танками. – *Прим, составителя.*

¹³ 1941 г. Документы. С. 297.

¹⁴ ЦАМО РФ, ф, 38, оп, 11355, д. 13, л. 50,54.

¹⁵ Там же, л. 50.

¹⁶ Там же, л. 147.

увеличен до 2800 машин¹⁷. Это сразу привело к ухудшению общей ситуации с обеспечением бронетехники запчастями. Так, в записке заместителя начальника бронетанкового управления Красной Армии военинженера 1-го ранга Алымова, датированной февралем 1941 г., указывалось: «Кировский завод договорных обязательств по сдаче запчастей и агрегатов танка КВ не выполняет, т. к. все его внимание направлено на выполнение плана только по танкам». За наращивание производства танков приходилось платить ухудшением ситуации с запчастями, в том числе к танкам старых типов. Изготовление запчастей для старых танков Т-28 было вообще снято с производства Кировского завода. Алымов в вышеуказанной записке указывал, что «завод № 183 не удовлетворяет потребности АБТ войск по запчастям и агрегатам БТ по принимаемому договору в 1941 году как по сумме, так и по номенклатуре».

Кроме того, переформирование бригад непосредственной поддержки пехоты в самостоятельные механизированные соединения требовало большого количества автотранспорта. Формирование 25 танковых бригад на Т-26 по планам осени 1940 г. требовало 275 легковых автомашин, 1500 грузовых автомашин и 2375 специальных автомашин¹⁸. То есть всего на новые формирования нужно было 4150 автомашин. Один механизированный корпус – это 1360 автомашин в танковой, 1587 в моторизованной дивизии, а всего 5161 автомобиль. То есть 20 механизированных мехкорпусов требовали 103 тысячи автомобилей. Реализация этой программы не только тяжким грузом ложилась на промышленность, но и растягивалась на неопределенно долгий срок.

Организационные мероприятия весны 1941 г. разделили механизированные соединения Красной Армии на две неравных части. Первую составляли относительно хорошо укомплектованные соединения 1940 г., вторую – формирования весны 1941 г. Бригады непосредственной поддержки пехоты становились танковыми дивизиями. Так, в Западном особом военном округе на базе 29-й танковой бригады Т-26 в южном военном городке на окраине Бреста весной 1941 г. формировалась 30-я танковая дивизия. Рядом, в Пружанах, 32-я танковая бригада Т-26 переформировывалась в 22-ю танковую дивизию. Вместе с 205-й моторизованной дивизией они образовали 14-й механизированный корпус. Он был ярким представителем мехкорпусов новой волны формирования.

В апреле и в начале мая 1941 г. в ГАБТУ из округов был направлен ряд докладов о состоянии сформированных и формируемых механизированных соединений. Командир 14-го мехкорпуса генерал-майор С. И. Оборин характеризовал состояние вверенного ему соединения следующим образом:

«Ввиду низкой укомплектованности, как то:

- а) тяжелыми и средними танками – 0 %;
- б) вспомогательными машинами – 20–40 %;
- в) начсоставом – 30 %;
- г) младшим начсоставом – 30 %;
- д) рядовым составом – 73 %.

Войсковое соединение 8535 [14-й мехкорпус] в боевом отношении не готово»¹⁹.

Именно 14-й механизированный корпус оказался на пути 2-й танковой группы Г. Гудериана в первые дни Великой Отечественной. Корпус генерал-майора С. И. Оборина был разгромлен, а сам генерал был арестован 8 июля 1941 г., осужден и расстрелян 16 октября того же года. Такую судьбу, конечно, нельзя назвать типичной для командира мехкорпуса 1941 г. Однако боеспособность формирований весны 1941 г. находилась на достаточно низком уровне. Созвучное мнению Оборина суждение высказал в докладе в ГАБТУ командир 17-го механи-

¹⁷ Там же, л. 182.

¹⁸ 1941 г. Документы. С. 297.

¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11353, д. 899, л. 243,

зированной корпуса Герой Советского Союза генерал-майор М. П. Петров: «Ввиду отсутствия материальной части машин и вооружения, низкой укомплектованности командно-начальствующего состава, неподготовленности рядового состава – части дивизий еще не сколочены и не боеспособны»²⁰.

В Киевском особом военном округе была сделана попытка опереться в формировании новых мехкорпусов на уже существовавшие с 1940 г. соединения. Вновь формируемые мехкорпуса получали по одной танковой дивизии, уже существовавшей по состоянию на весну 1941 г. Так вновь формируемый 15-й мехкорпус получил 10-ю танковую дивизию из сформированного в 1940 г. 4-го мехкорпуса. Соответственно две другие дивизии, 37-я танковая и 212-я моторизованная, для него формировались заново. Для 4-го мехкорпуса заново формировалась 32-я танковая дивизия. Разумеется, не на все новые корпуса хватало уже созданных дивизий. Даже в КОВО существовали соединения, формируемые фактически с нуля.

В докладе в ГАБТУ в мае 1941 г. командир 15-го механизированного корпуса характеризовал состояние вверенного ему соединения следующим образом:

«На 1 мая с/г имеет боевую готовность лишь 10 тд и то не полную. Дивизия имеет полностью танки КВ, но не имеет к ним снарядов. Танки Т-34 только начинают поступать»²¹.

К началу войны 10-я танковая дивизия успела получить только 37 танков Т-34. Боеготовность формируемых с весны 1941 г. частей и соединений оценивалась в докладе в ГАБТУ без обиняков:

«Управление корпуса, корпусные части, 37 ТД и 212 МСД на 1-е мая небоеспособны»²².

Тем не менее 15-й мехкорпус был включен в план прикрытия КОВО. Его предполагалось использовать в качестве фронтового резерва. В какой-то мере это объяснялось надеждой на получение автотранспорта по мобилизации из народного хозяйства. Как вскоре показала практика, эти надежды не оправдались. Если бы весной 1941 г. опасность близкой войны была бы осознана, то вряд ли был бы дан старт программе реорганизации танковых войск Красной Армии в 29 (30) мехкорпусов.

Бетонные ВПП и новые полки для «Сталинских соколов»

Советские ВВС вступили в лето 1941 г. в разгар широкомасштабной реорганизации. Процесс начался еще осенью 1940 г. СНК СССР 5 ноября 1940 г. вынес специальное постановление о Военно-воздушных силах

Красной Армии. В постановлении было сказано: «В составе ВВС КА к концу 1941 г. иметь в строю бомбардировочной и истребительной авиации (без штурмовой, разведывательной, войсковой и вспомогательной) в количестве 20 000 самолетов». Этим же постановлением предусматривалось процентное соотношение между бомбардировочной и истребительной авиацией (бомбардировщиков – 45 %, истребителей – 55 %). Таким образом, с учетом штурмовой, разведывательной и войсковой авиации к концу 1941 г. предусматривалось иметь в строю 22 171 самолет. Поэтому эта программа получила условное название «Большого воздушного флота в составе 20 000 боевых самолетов в строю».

Решение о строительстве многочисленного воздушного флота не было данью гигантомании. Еще на совещании декабря 1940 г. генерал-лейтенант авиации начальник Главного управления ВВС Красной Армии П. В. Рычагов оценивал численность германской авиации в 9600 самолетов, авиации Японии – в 3090 самолетов. Комментируя эти цифры, он указывал: «Даль-

²⁰ ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11353, д. 899, л. 271

²¹ Там же, л. 205.

²² Там же, л. 205

нейшее увеличение количества самолетов зависит от возможностей промышленности и темпов в подготовке авиационных кадров»²³.

Возможности же авиапромышленности потенциального противника оценивались как весьма высокие. Так, по оценке помощника начальника НИИ ВВС И.Ф. Петрова, немецкие заводы вместе с предприятиями оккупированных Германией Чехословакии и Польши могли при необходимости выпускать 70–80 самолетов в день. В марте 1941 г. численность ВВС Германии, которые могут быть развернуты против СССР, оценивалась в 10 тыс. самолетов, а вместе с воздушными флотами ее союзников – в 11,6 тыс. самолетов. С учетом необходимости для СССР держать авиационную группировку против Японии, план строительства воздушного флота в 20 тыс. самолетов никак нельзя назвать ничем не обоснованным.

Увеличение численности авиапарка ВВС КА означало пропорциональный рост количества авиачастей. В связи с этим предусматривалось сформировать в 1941 г. 100 авиаполков, из них 25 бомбардировочных и 75 истребительных. Помимо этого, предполагалось усилить штурмовую авиацию на 4 полка, что дает в итоге 104 полка боевой авиации, подлежащих формированию в 1941 г. Таким образом, планировалось довести число авиаполков в ВВС КА до 353, в том числе 171 полк истребительной авиации, 162 – ударной авиации, 10 – разведывательных и 10 – резервных. В десяти округах на западе страны и в дальней авиации предполагалось сформировать 81 авиаполк, из них 37 полков – в трех особых округах. Для объединения вновь формируемых полков создавались 25 управлений авиадивизий. Это означало, что к 1 января 1942 г. в ВВС КА должно было быть 79 авиадивизий и 4 авиабригады.

Как справедливо отмечал генерал Рычагов, многочисленный воздушный флот требовал повышения темпов подготовки кадров. Для формирования новых полков из старых, хорошо сколоченных частей были взяты наиболее опытные кадры. Это привело к размыванию кадров, быстрому продвижению командиров, опережавшему их уровень подготовки.

Еще одним из масштабных мероприятий военного строительства в СССР в 1941 г. стали бетонные взлетно-посадочные полосы. В докладе наркома обороны С. К. Тимошенко в СНК Союза СССР, ЦК ВКП (б) и Комитет обороны при СНК Союза СССР было сказано следующее:

«На Западе в период весенней и осенней распутицы можно производить полеты не более чем на 61 аэродроме; в Киевском и Западном особых военных округах – только на 16 аэродромах, что совершенно недостаточно»²⁴.

Действительно, советские ВВС активно развивались, и им нужно было время на боевую учебу. Раскисание аэродромов в распутицу было серьезным сдерживающим фактором. Ни о каких предупреждениях Зорге на момент написания доклада (февраль 1941 г.) еще не было и речи. Соответственно, в докладе Тимошенко предлагалось:

«Чтобы обеспечить круглогодичную работу авиации, хотя бы из расчета одного полка на авиадивизию, требуется построить на 70 аэродромах бетонные и грунто-асфальтовые взлетно-посадочные полосы»²⁵.

После некоторого обсуждения количество аэродромов, подлежащих оборудованию бетонными взлетно-посадочными полосами (ВПП), было существенно расширено. В итоге к июню 1941 г. работы велись²⁶:

В ПриОВО – на 23 аэродромах;

В ЗапОВО – на 62 аэродромах;

В КОВО – на 63 аэродромах.

²³ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12 (1–2). Накануне войны. Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М.: Терра, 1993. С. 173.

²⁴ ЦАМО РФ, ф. 35, оп. 11285, д. 60, л. 45.

²⁵ Там же.

²⁶ ЦАМО РФ, ф. 35, оп. 11285, д. 60, лл. 159–160.

К сожалению, это оказалось благим намерением, которым была вымощена дорога в ад. К началу войны ВПП построить не успели, а аэродромы оказались перекопаны и загромождены строительной техникой. Фактически строительство бетонных ВПП, развернутое весной 1941 г., к 22 июня было в самом разгаре и существенно сузило аэродромный маневр авиасоединений приграничных округов.

Бронебойные снаряды

Если реорганизацию мехкорпусов или ВВС можно было начинать или не начинать, сохраняя статус-кво 1940 г., то проблема с бронебойными снарядами требовала незамедлительного решения. Производство бронебойных снарядов стало самым настоящим провалом предвоенного строительства в СССР. Во-первых, неспособной бороться с немецкими танками свежих выпусков оказалась основная для Красной Армии 45-мм противотанковая пушка. В свое время для нее был выбран тупоголовый бронебойный снаряд. Точнее говоря, в головной части снаряда была даже не плоская, а закругленная площадка. Считалось, что такой снаряд не будет ricochetировать при попадании в броню под углом. 45-мм противотанковые пушки хорошо себя показали на Халхин-Голе и в Финляндии. Японские и финские танки с тонкой броней успешно поражались существовавшими снарядами.

С утолщением брони новейших танков в конце 1930-х годов и повышением ее качества советские 45-мм бронебойные снаряды оказались неспособны пробивать относительно толстую броню высокой твердости, введенную на немецких танках в 1940–1941 гг. Еще до войны было известно, что 45-мм снаряд не пробивает «броню современного качества» толщиной 40-мм на дистанциях свыше 150 м при угле встречи 30 градусов. Испытания трофейных немецких танков поздних серий в 1942 г. показали, что их 50-мм броня поражалась только с дистанции 50 метров.

Адекватной заменой 45-мм пушке могли стать 76,2-мм танковые и дивизионные орудия. Однако здесь проблемой стало производство самих бронебойных снарядов этого калибра. Весной 1941 г. Г. И. Кулик писал Ворошилову:

«Заказ НКО по 76-мм бронебойным выстрелам в 1940 г. Народным Комиссариатом Боеприпасов сорван. Из заказанных 150 000 выполнено 28 000. Положение с выполнением заказа в 1941 г. не улучшилось»²⁷.

Предвоенная статистика производства 76,2-мм бронебойных снарядов выглядела удручающе (см. таблицу).

Выполнение по бронебойным снарядам с 1936 г. по 3 июня 1941 г.²⁸

Годы	Заказ	Выполнение
1936	30 000	13 700
1937	50 000	15 900
1938	100 000	13 800
1939	200 000	3 300
1940	150 000	28 000
1941	400 000	На 2.06.41 г. 118 000
Итого	930 000	192 700

Таким образом, с 1936 г. до июня 1941 г. заказ по 76,2-мм бронебойным снарядам был выполнен всего на 20,7 %. Как это произошло, в целом понятно и даже очевидно. Длительное время казалось, что 45-мм противотанковых орудий более чем достаточно для борьбы с танками потенциальных противников. Поэтому было упущено с технической и технологи-

²⁷ ЦАМО РФ, ф. 81, оп. 12104, д. 759, л. 92.

²⁸ Там же, л. 142.

ческой точки зрения производство 76,2-мм бронебойных снарядов. Когда хватились – было уже поздно. Более того, принятый к производству 76,2-мм тупоголовый бронебойный снаряд с грибообразной головкой, выпущенный из 30-калиберных орудий Л-11 и Ф-32, пробивал 50-мм броню только с 300 м. То есть все танки КВ и Т-34 ранних серий с орудием Л-11 могли поразить немецкие танки лишь с достаточно короткой дистанции. Это же относилось к 76,2-мм дивизионной пушке обр. 1902/30 гг.

Нарушения границы

Одной из важных частей театра абсурда последних предвоенных месяцев были нарушения воздушного пространства СССР немецкими самолетами. В частности, скандально известный советский историк 1960-х годов А. М. Некрич²⁹ пишет:

«С апреля 1940 г. не только пограничным войскам, но и частям Красной Армии запрещалось открывать огонь по нарушителям советских воздушных границ. Германское правительство было официально об этом информировано. [...] Нарушения советской воздушной границы с каждым месяцем принимали все большие масштабы. Советское правительство неоднократно заявляло германскому правительству протест. С января 1941 г. и до начала войны немецкие самолеты 152 раза нарушали советскую границу»³⁰.

СССР и Красная Армия выступали в роли кролика, загипнотизированного удавом, который, парализованный страхом, смотрит на своего мучителя и позволяет ему делать все, что тому заблагорассудится. Однако при этом деликатно замалчивался вопрос о том, имелись ли такие нарушения воздушного пространства Германии с советской стороны. Проще говоря, не имелось ответа на вопрос, как ситуация выглядела с другой стороны границы. На данный момент есть документы, позволяющие уверенно сказать, что границу перелетали в обе стороны. Например, 26 мая 1941 г. в суточном донесении отдела разведки и контрразведки 4-й немецкой армии сообщалось:

«Русский самолет войсковой авиации (истребитель И-16) – ясно видны русские государственные опознавательные знаки – 26.5.41 г. в 11 час. 40 мин. перелетел границу между Нарев в направлении Остроленка на высоте около 2000 м, пролетел над казармами в Войцеховице...

Русский истребитель (ясно виден советский государственный опознавательный знак) в 12 час. 10 мин. пролетел над германской территорией в районе Остров-Маз[овецкий]., опустился до 50 м над городом и на высоте около 500 м перелетел через границу в районе Угниево. Время пребывания над территорией Германии составило около 5 мин.»³¹.

Понятно, что это могли быть добросовестные потери ориентировки советскими летчиками в процессе выполнения учебных полетов. Отмеченные случаи, скорее всего, были заурядными ошибками в прокладке курса. Снижение же было попыткой сориентироваться. Однако летавшие над СССР немецкие самолеты-разведчики выдвигали ту же версию – потеря ориентировки.

В июне такие полеты продолжились. Так, 6 июня 1941 г. отдел разведки и контрразведки 4-й немецкой армии докладывал:

«1) 5.6.41 г. в 11 час. 58 мин. русский самолет, подойдя с севера, на большой высоте перелетел через Буг в направлении Сарнаки (40 км восточнее Седлец);

²⁹ Автор нашумевшей книги «22 июня 1941 г.» 1965 г., в 1975 г. эмигрировал в США.

³⁰ Некрич А.М. 1941, 22 июня. – М.: Памятники исторической мысли, 1995.

³¹ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 586, л. 62–63.

2) 6.6.41 г. между 10 час. 15 мин. и 10 час. 30 мин. 2 русских биплана типа Р-5 или Р-З на высоте около 500 м вторглись в воздушное пространство Германии на участке Коморово – Остров-Маз[овецкий]. – Угниево. Время пребывания от 3 до 7 мин.»³².

Не всегда наблюдатели могли разглядеть опознавательные знаки:

«10.6.41 г. в 10.00 час. 3 самолета из России перелетели границу рейха между Биркенберг и Штайнен и через короткое время под Биркенберг возвратились в Россию. Высота полета 1500 м. Одномоторный моноплан»³³.

Иной раз вторжения были довольно продолжительными по времени. 8 июня 1941 г. немецкий крепостной штаб «Блаурок» докладывал:

«В 12 час. 05 мин. перелетел границу русский моноплан. Направление полета: Кольно – Винчонта – Турау. В 13 час. 05 мин. самолет перелетел границу в обратном направлении»³⁴.

Интересно отметить, что в последних случаях речь явно идет об истребителях. Причины частой потери ориентировки пилотами-истребителями очевидны. Когда пилот не только занят пилотированием, но и вынужден прокладывать курс, ошибки неизбежны. Достоверных (по опознавательным знакам) вторжений в свое воздушное пространство советских двухмоторных самолетов немцы не отмечают.

Также немцами фиксировалась активность советской разведывательной авиации, действовавшей без нарушения границы соседа. В донесениях мелькают сообщения типа «два самолета-разведчика барражировали вблизи границы» или «5 русских самолетов-разведчиков пролетели вдоль границы на высоте около 1000 м».

Один из последних отмеченных немцами перед войной случаев пересечения германской границы советскими ВВС был в последний мирный день. В суточном донесении крепостного штаба «Блаурок» указывалось: «21.6 в 3 час. 30 мин. вторжение 3 русских истребителей над районом Яновка, 10 км северо-западнее Августов».

Соответственно, претензии относительно нарушения советского воздушного пространства наталкивались на встречные претензии о нарушении воздушного пространства «Генерал-губернаторства». Приказ стрелять по нарушителям обернулся бы шквальным огнем «эрликонов» по «одномоторным монопланам» над Остров-Мазовецким с непредсказуемыми последствиями.

Нарушения границы обеими сторонами продолжались до самого последнего момента. В журнале боевых действий (ЖБД) 2-й танковой группы за 21 июня 1941 г. имеется следующая запись:

«17.30 – Доклад от наблюдателей XXXXVII тк – немецкий самолет пересек русскую границу у Холодно (14 км северо-западнее Брест-Литовска), был обстрелян русскими истребителями.

18.00 – 2 русских истребителя и 3 разведчика долетели до Бохукалы (16 км северо-западнее Брест-Литовска), противодействия им не оказано»³⁵.

Картина, честно говоря, мало похожая на действия кролика, загипнотизированного удавом. Одновременно нельзя сказать, что нарушения границы самолетами сами по себе были достаточным основанием для нажатия «красной кнопки».

³² Там же, л. 45.

³³ Там же, л. 33

³⁴ Там же, л. 39.

³⁵ NARA T313 R80 f.

Часть первая

Сила соломѹ ломит

Глава 1

«Неравный брак». Группа армий север и Прибалтийский особый округ

«Ц» становится «Севером»

Задача группы армий «Север», сформулированная по итогам вышеупомянутого совещания 31 января 1941 г., звучала следующим образом:

«Уничтожить действующие в Прибалтике силы противника и захватом портов на Балтийском море, включая Ленинград и Кронштадт, лишить русский флот его баз. [...] В соответствии с этой задачей группа армий «Север» прорывает фронт противника, нанося главный удар в направлении на Двинск, как можно быстрее продвигается своим сильным правым флангом, выслав вперед подвижные войска для форсирования р. Западная Двина, в район северовосточнее Опочки с целью не допустить отступления боеспособных русских сил из Прибалтики на восток и создать предпосылки для дальнейшего успешного продвижения на Ленинград»³⁶.

Для понимания событий в Прибалтике в июне 1941 г. нам здесь важно отметить, что главный удар группы армий нацеливался на Двинск (Даугавпилс). Три подчиненных группе армий «Север» объединения получили следующие задачи:

«4-я танковая группа совместно с 16-й и 18-й армиями прорывает фронт противника между Виштитисским озером и дорогой Тильзит – Шяуляй, продвигается к Двине в район Двинска и южнее и захватывает плацдарм на восточном берегу Двины. [...]»

16-я армия во взаимодействии с 4-й танковой группой прорывает фронт противостоящего противника и, нанося главный удар по обеим сторонам дороги Эбенроде – Каунас, стремительным продвижением своего сильного правого фланга за танковым корпусом выходит по возможности быстрее на северный берег р. Западная Двина у Двинска и южнее его. [...]

18-я армия прорывает фронт противостоящего противника и, нанося главный удар вдоль дороги Тильзит – Рига и восточнее, быстро форсирует своими главными силами р. Западная Двина у Плявинаса и южнее, отрезает находящиеся юго-западнее Риги части противника и уничтожает их. В дальнейшем она, быстро продвигаясь в направлении Пскова, Острова, препятствует отходу русских войск в район южнее Чудского озера...»³⁷.

В документе особо отмечалось «Важно заблаговременно захватить главнейшие балтийские порты»³⁸.

Командующим группой армий «Север» был назначен фельдмаршал Вильгельм фон Лееб. В кампании 1940 г. он возглавлял группу армий «Ц» (Heersgruppe C) на вспомогательном направлении. Никаких глубоких танковых прорывов в полосе его группы армий не было. Войска фон Лееба наступали на «линию Мажино».

³⁶ Дашичев. Указ. соч. С. 163–164.

³⁷ Дашичев. Указ. соч. С. 164.

³⁸ Там же.

Танковая группа Гепнера была самой слабой из четырех танковых групп, выделенных для нападения на СССР. В ней было только три танковых и три моторизованных дивизии в двух танковых (моторизованных) корпусах – XXXXI и LVI PzK. Причем из трех танковых дивизий две были вооружены танками чехословацкого производства. Однако в составе 4-й танковой группы была настоящая «жемчужина» – дивизия из звездной команды кампании во Франции. Это была 1-я танковая дивизия, которая была лидером наступления XIX корпуса Гудериана в мае 1940 г. Именно она прорывалась под Седаном через «продолжение» линии Мажино. Та команда перед походом на Восток была растащена между разными направлениями.

Командующий группой армий «Север» фон Лееб

Только 1-я танковая дивизия была в первой линии.

Две другие дивизии XIX корпуса 1940 г. были в резерве. 10-я танковая дивизия была в резерве танковой группы в Белоруссии, 2-я танковая дивизия – в резерве верховного командования. Моторизованный полк «Великая Германия» также был отделен от 1-й танковой дивизии, бок о бок с которой он наступал во Франции. 1-я танковая дивизия была сформирована в Германии одной из первых и к 1941 г. оставалась на острие прогресса. Сделав большой шаг вперед в формировании самостоятельных механизированных соединений и их сбалансированному составу, немцы были на пути к новой тактике. Важным дополнением к танкам стали БТРы. Они не могли выжить на поле боя под огнем противотанковых пушек. Однако БТР защищали пехоту от разрывов снарядов и бомб (за исключением маловероятных прямых попаданий, разумеется). Следовательно в танковой дивизии формировалась так называемая бронегруппа из танков и мотопехоты на БТР. Такая группа могла преодолевать заградительный огонь артиллерии и прорываться вместе с танками в глубину обороны, обеспечивая в атаке поддержку танков, захватывая и удерживая ключевые пункты на местности. Также «бронегруппа» была практически неуязвима для дезорганизованного противника, у которого осталось только стрелковое оружие. Окончательно тактика «бронегрупп» сформировалась во второй половине войны, когда, помимо БТРов, появились САУ, в том числе гаубичные «Веспе» и «Хуммель». Танки и БТРы получили поддержку артиллерии, которая могла пробиваться вместе с ними через заградительный огонь артиллерии. В 1941 г. бронированными САУ были самоходки на шасси Pz.I со 150-мм тяжелым пехотным орудием. Их в 1-й танковой дивизии было 6 штук.

К началу войны с СССР 1-я танковая дивизия была одной из немногих соединений, которые могли формировать полноценные «бронегруппы». В ней было два батальона мотопехоты, полностью оснащенные БТР «Ганомат». Один батальон на БТР «Ганомат» был в 10-й танковой дивизии в группе армий «Центр». В остальных германских танковых дивизиях было в лучшем

случае по одной роте на БТРах, пригодной только для мелких тактических задач. В некоторых из танковых дивизий Вермахта на Восточном фронте БТРов в мотопехотных полках не было вовсе. В 1-й танковой дивизии было 125 БТРов всех типов.

Однако если танковая дивизия генерала Кирхнера была едва ли не самым сильным соединением германских танковых войск, то вторая танковая дивизия XXXXI моторизованного корпуса была явным аутсайдером. 6-я танковая дивизия генерал-майора Франца Ландграфа оснащалась трофейными чехословацкими танками 35 (t). Служивший в тот момент в этом соединении известный немецкий военачальник Эрхард Раус вспоминал:

«Генерал-майор Франц Ландграф прекрасно понимал слабость своего соединения, поэтому с самого начала он не рисковал использовать танки массированно и предпочитал придавать их пехотным батальонам. Сами по себе танки PzKpfw35 (t) были просто беззащитны перед русскими танками и противотанковыми орудиями, о силе которых мы уже знали. Эти факты заслуживают особого упоминания потому, что именно этим объясняется принципиальное отличие тактики наших частей от тактики других танковых дивизий, поскольку во всей германской армии лишь 6-я танковая была вооружена этими устаревшими машинами»³⁹.

Единственным достоинством чешских трофеев был малый вес, позволявший использовать их на маршрутах с мостами небольшой грузоподъемности. Раус продолжал:

«...следует отметить, что PzKpfw.35 (t) обладал определенными преимуществами при использовании на русской территории. Он имел малый вес, хорошую маневренность и мог переходить мосты, которые выдерживали нагрузку не более 8,5 тонны»⁴⁰.

Действительно, инженерное обеспечение танка весом 8,5 тонны несравнимо с таковым обеспечением соединения или части на танках весом в 40–50 или даже 30 тонн. Однако не следует считать дивизию Ландграфа вовсе беспомощной. Это было многочисленное моторизованное соединение с сильной артиллерией. Собственно артиллерия могла обеспечить использование даже откровенно слабых танков, выбивая противотанковую артиллерию противника.

Состояние танкового парка 4-й танковой группы к началу войны с СССР

	Pz.II	Pz.III	Pz.IV	Pz.35 (t)	Pz.38 (t)	PzBef	Всего
1 тА	43	71	20	—	—	11	145
6 тА	47	—	30	155	—	13	245
8 тА	49	—	30	—	118	15	212

Следует отметить, что все танки Pz.III в 1-й танковой дивизии были новейшего типа с 50-мм орудиями. Практика показала, что эти пушки способны с 200 м пробивать броню КВ подкалиберным снарядом. Также в дивизии Кирхнера было 15 танков Pz.I, в саперном батальоне, который в литературе иногда не учитывали в составе дивизии, так как «единички» не числились в танковом полку соединения.

Второй танковый корпус 4-й танковой группы, LVI PzK, примечателен прежде всего тем, что им командовал Эрих фон Манштейн, впоследствии ставший одним из самых известных немецких военачальников. Корпус начал наступление в двухдивизионном составе. Его главной ударной силой была 8-я танковая дивизия, вооруженная танками 38 (t) чехословацкого производства.

Две полевые армии, наступавшие в Прибалтике в составе группы армий «Север», обычно остаются в тени прорывов танковой группы. Однако именно они составляли большую часть ее численности. Согласно данным о среднемесечной численности армий, объединения ГА «Север» характеризовались следующими величинами:

³⁹ Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте. М.: АСТ. 2005. С. 48–49.

⁴⁰ Раус Э. Указ. соч. С. 49.

18-я армия – 184 249 человек;
16-я армия – 225 481 человек;
4-я танковая группа – 152 285 человек;
Итого – 562 015 человек.

Рассекавшиеся танковой группой советские армии в дальнейшем перемалывались шагавшей за танками пехотой полевых армий. Это было характерно не только для Прибалтики, но и для всего советско-германского фронта.

С группой армий «Север» должен был взаимодействовать 1-й воздушный флот генерал-полковника А. Келлера. Он был самым малочисленным из воздушных флотов, выделенных для проведения «Барбароссы». В составе 1-го ВФ был только один I авиакорпус, предназначенный для поддержки действий 16-й и 18-й армий, а в особенности 4-й танковой группы. Он насчитывал 412 самолетов (из них 341 исправный). Всего же с учетом войсковой авиации в подчинении 1-го воздушного флота было 675 самолетов разных типов. Организационно I авиакорпус разделялся на 9 групп бомбардировщиков (примерно 270 самолетов), 3 2/3 групп истребителей (110 самолетов), 5 эскадрилий дальних разведчиков (50 самолетов), 1 группа транспортной авиации (30 самолетов). Соответственно армейская авиация была представлена 4 эскадрильями дальних разведчиков (40 самолетов), 11 эскадрильями ближних разведчиков (110 самолетов) и 3 связными эскадрильями (30 самолетов).

Истребитель Me-110 эскадры ZG-26.

Однако, несмотря на общую слабость, 1-й воздушный флот отличался от своих соседей качественным составом своей ударной авиации. На вооружении бомбардировочных эскадр KG1, KG76 и KG77 состояли новые Ю-88, а не старички Хе-111 или даже «карандаши» До-17.

Также необходимо отметить, что к началу войны часть полосы Прибалтийского особого военного округа находилась в полосе наступления 3-й танковой группы соседней группы Армий «Центр». Это в еще большей степени ухудшало положение войск Красной Армии в Прибалтике. Это касалось не только пехоты и танков, но и авиации. По крайней мере, в первый день войны ВВС ПриОВО, помимо I авиакорпуса, также противостоял VIII авиакорпус 2-го воздушного флота (подчиненного группе армий «Центр»). Это прибавляло к силам 1-го воздушного флота еще около 560 боевых самолетов, существенно менявших баланс сил сторон в воздухе.

Под прицелом двух танковых групп

Прибалтийский военный округ был создан 11 июля 1941 г. для защиты морских и сухопутных границ Советского Союза и обеспечения безопасности новых советских республик. Первоначально в его состав были включены только войска, дислоцировавшиеся на территории Латвийской и Литовской республик. Приказом НКО № 0190 от 17 августа 1940 г. округ был переименован в Прибалтийский особый военный округ (ПриОВО) с включением в него территории Эстонской ССР. Одновременно национальные армии прибалтийских государств были

переформированы в 22, 24 и 29-й территориальные стрелковые корпуса Красной Армии. С началом боевых действий Прибалтийский особый военный округ становился Северо-Западным фронтом.

Советские войска в Прибалтике в наибольшей степени зависели от того, какой будет избран вариант развертывания, «северный» или «южный». В случае выбора «северного» варианта Северо-Западный фронт получал амбициозную задачу: «по сосредоточении войск, атаковать противника с конечной целью, совместно с Западным фронтом нанести поражение его группировке в Восточной Пруссии и овладеть последней»⁴¹. Наряд сил на ее решение по «Соображениям...» сентября 1940 г. предусматривался следующий:

«30 стрел дивизий, из них 6 национальных;
2 мотодивизии;
4 танковых дивизии;
2 отд. танковых бригады;
20 полков авиации, а всего 1140 самолетов»⁴².

По «южному» варианту задачи были куда скромнее: оборонять побережье, прикрыть Минское и Рижско-Псковское направление, не допустить вторжения на советскую территорию. Наступление предполагалось с куда менее амбициозными целями, чем сокрушение Восточной Пруссии: «С целью сокращения фронта 11-й Армии и занятия ею более выгодного исходного положения для наступления, в период сосредоточения войск, во взаимодействии с 3-й Армией Западного фронта, овладеть районом Сейны, Сувалки и выйти на фронт Шиткемен, Филипово, Рачки». Дальнейшая задача носила вспомогательный характер: «Сковать силы немцев в Восточной Пруссии».

Пропорционально сокращению масштаба решаемых задач сокращался наряд сил:

«17 стрел, дивизий;
4 танковых дивизии;
2 мотострелковых дивизии;
2 танковых бригады;
20 полков авиации»⁴³.

Как мы видим, количество выделяемых фронту стрелковых дивизий сокращается почти вдвое. Однако наряд сил подвижных соединений и сил авиации остается прежним. В Прибалтике по обоим вариантам предполагалось задействовать 3-й мехкорпус ПриОВО и 1-й мехкорпус из Ленинградского округа.

К весне 1941 г. советское военное планирование остановилось на «южном» варианте. Согласно «Соображениям...» от 15 мая 1941 г. Северо-Западный фронт попал в «...и прочие», его задачи проходили по пункту «вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии».

По справке Ватутина от 13 июня 1941 г., Северо-Западный фронт должен был принять участие в первой операции, имея в своем составе «23 дивизии, из них: сд – 17, тд – 4, мд – 2 и осбр – 1»⁴⁴. Однако на этот раз ни о каком 1-м мехкорпусе из Ленинградского округа не было и речи. Фронт должен был опираться на два своих мехкорпуса: 3-й и сформированный весной 12-й.

На земле... С формальной точки зрения к началу войны в Прибалтийском особом военном округе было даже чуть больше соединений, чем предусматривалось предвоенными планами первой операции. В подчинении округа находились 19 стрелковых дивизий, 2 мехкорпуса

⁴¹ 1941 г. Документы. Кн. 1. С. 245.

⁴² Там же. С. 244–245.

⁴³ Там же. С. 242.

⁴⁴ Там же. С. 359.

(4 тд, 2 мд), 1 стрелковая бригада (на Сааремаа) и даже 1 воздушно-десантный корпус. Они объединялись управлениями трех армий: 8, 11 и 27-й.

8-я армия генерал-майора П. П. Собенникова состояла из двух стрелковых корпусов: 10-го (10-я и 90-я стрелковые дивизии) и 11-го (48-я и 125-я стрелковые дивизии), а также 12-го механизированного корпуса. С началом военных действий в ее оперативное подчинение поступали два укрепленных района (УР), 9-я артиллерийская противотанковая бригада, а также 7-я смешанная авиационная дивизия (САД).

Соответственно 11-й армии генерал-лейтенанта В. И. Морозова были подчинены 16-й стрелковый корпус (5, 33 и 188-я стрелковые дивизии) и 29-й стрелковый корпус (179-я и 184-я стрелковые дивизии), 23, 126 и 128-я стрелковые дивизии (подчиненные непосредственно 11-й А), а также 3-й механизированный корпус. Средняя укомплектованность стрелковых дивизий армии генерала Морозова составляла от 9201 до 11 260 человек. Исключение составляли соединения 29-го территориального стрелкового корпуса. Они содержались по штатам сокращенного состава и насчитывали: 179-я – 5947 и 184-я – 5994 человека. В значительной степени это объяснялось недоверием к национальным кадрам. С началом военных действий в оперативное подчинение армии передавались два УРа, 10-я ПТАБР и 8-я САД.

Самым сильным в ПриОВО был 3-й механизированный корпус генерал-майора А. В. Куркина. Последний известный нам доклад о состоянии 3-го мехкорпуса был подготовлен 25 апреля 1941 г. В целом мехкорпус Куркина, как относившийся к первой волне формирования, был укомплектован хорошо⁴⁵. Однако новых танков в нем было немного. Всего их было 109 машин – 50 Т-34 в 5-й танковой дивизии и 59 КВ во 2-й танковой дивизии. По типам новые танки распределялись следующим образом. Из 50 Т-34 30 машин были вооружены 76,2-мм пушкой Л-11, а 20 – 76,2-мм пушкой Ф-34. Из 59 КВ 32 танка были вооружены Л-11, 7 танков – Ф-32 и 20 танков – 152-мм гаубицей М-10Т, т. е. это были КВ-2. Танки КВ-2 3-го мехкорпуса были ранних серий, с установкой МТ-1 и высокой башней. До весны 1941 г. в 5-й танковой дивизии было 20 КВ с Ф-32, но по распоряжению Жукова их изъяли и отправили в Белоруссию, в 6-й мехкорпус.

Важным решением, принятым в апреле 1941 г., было формирование десяти противотанковых бригад (ПТАБР), вооруженных мощными 76-мм дивизионными и 85-мм зенитными орудиями. Однако сформировать за несколько недель полноценные соединения не удалось. Бичом ПТАБР по состоянию на начало войны была нехватка автотранспорта и тягачей. В ПриОВО формировались две такие противотанковые бригады. Одна находилась в подчинении штаба 8-й армии (9-я ПТАБР), вторая – в подчинении 11-й армии (10-я ПТАБР). В 9-й ПТАБР по состоянию на утро 22 июня на 2453 человека имелось всего 84 грузовика. Скорее всего, в качестве тягачей использовались в бригаде полковника Полянского танкетки Т-27. Их было 35 штук, в одном полку 17, в другом – 18.

В небесах... ВВС ПриОВО состояли из пяти авиадивизий: 4-й САД комбрига А. Н. Соколова, 6-й САД полковника И. Л. Федорова, 7-й САД полковника П. М. Петрова, 57-й САД полковника К. А. Катичева и 8-й САД полковника В. А. Гущина. Из них три (6, 7 и 8-й САД) предназначались для обеспечения действий трех армейских объединений, а еще две (4-й и 57-й САД) подчинялись непосредственно командованию ВВС округа. Всего ВВС округа насчитывали, по разным данным, около 1200 боевых самолетов. В одном из документов приводилась даже цифра: 1366 самолетов, но с учетом машин корпусной авиации. Однако последнее предвоенное донесение штаба ВВС ПриОВО от 17.00

21 июня 1941 г. о наличии исправной матчасти дает куда более скромные цифры:

4 САД – 43 истребителя и 108 бомбардировщиков;

6 САД – 96 истребителей и 109 бомбардировщиков;

⁴⁵ Подробные данные об укомплектованности мехкорпусов ПриОВО см. в Приложении.

7 САД – 92 истребителя и 88 бомбардировщиков;

8 САД – 192 истребителя и штурмовика;

57 САД – 107 истребителей и 38 бомбардировщиков.

Итого – 530 истребителей и штурмовиков и 343 бомбардировщика⁴⁶.

Соответственно на это количество боеготовых самолетов имелось летчиков (экипажей): 359 истребителей, 381 бомбардировщик и 50 штурмовиков. Легко видеть, что далеко не все самолеты были обеспечены боевыми экипажами.

Так же как и в других округах, весной 1941 г. на аэродромах ПрибОВО развернулось строительство бетонных ВПП. К 1 июня 1941 г. на всех 23 запланированных к оборудованию новой полосой аэродромах приступили к устройству корыт, бетонные работы были начаты на 5 аэродромах.

Не следует думать, что о защите аэродромов вообще не думали. Другой вопрос, что не было проявлено должной настойчивости. В отчете по итогам боевой деятельности 57-й САД указывалось: «За семь дней до войны части приступили к постройке земляных убежищ для самолетов, но этому новому мероприятию командирами частей не уделялось должного внимания и убежища к началу войны полностью построены не были»⁴⁷.

Тем не менее к началу войны аэродромы ПрибОВО было трудно назвать «спящими». Согласно последней предвоенной оперсводке штаба ВВС ПрибОВО, «в каждом полку одна эскадрилья находится в готовности № 2»⁴⁸. Готовность № 2 обеспечивала взлет истребителей летом через 2–3 мин. Немедленный взлет обеспечивала готовность № 1.

...и на море. Фланг Прибалтийского особого военного округа примыкал к Балтийскому морю.

⁴⁶ ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1374, д. 11, л. 4.

⁴⁷ ЦАМО РФ, ф. 20120 оп. 1, д. 9, л. 4.

⁴⁸ ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1374, д. 11, л. 4.

Командующий Прибалтийским особым округом Ф.И.Кузнецов

Поэтому целесообразно хотя бы вкратце коснуться задач Красного флота на Балтике в военное время.

Они были очерчены в директиве народного комиссара ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова от 26 февраля 1941 г. КБФ должен был:

«— не допустить морских десантов противника на побережье Прибалтики и на острова Эзель и Даго;

— совместно с военно-воздушными силами Красной Армии нанести поражение германскому флоту при его попытках пройти в Финский залив;

— не допустить проникновения кораблей противника в Рижский залив;

— содействовать сухопутным войскам, действующим на побережье Финского залива и на полуострове Ханко, обеспечивая их фланги и уничтожая береговую оборону противника;

— быть в готовности обеспечить переброску одной стрелковой дивизии с побережья Эстонии на полуостров Ханко;

— действиями флота в сочетании с оборонительными минными постановками, а также постановкой подводными минными заградителями минных банок на подходах к портам и базам, а на внутренних фарватерах — авиацией — затруднить развертывание и действия сил флота противника»⁴⁹.

⁴⁹ Платонов А.В. Трагедии Финского залива. М.: Эксмо, 2005. С. 14–15.

Нельзя не отметить, что в этом перечне нет ни слова о нарушении коммуникаций противника. С началом военных действий планировались постановка оборонительных минных заграждений и создание в Финском заливе трех минно-артиллерийских позиций. Насколько это соответствовало обстановке? Уже после войны бывший начальник штаба КБФ адмирал Ю.А.Пантелеев писал:

«Флот [...] готовился годами к войне на море, прежде всего:

- а) к действиям на коммуникациях;
- б) к бою на минно-артиллерийской позиции в устье Финского залива;
- в) к обороне военно-морских баз с моря;

г) к противодесантной обороне островов Моонзунд. Получилось все наоборот и по вариантам, которые никогда не рассматривались ни в Академии, ни в Главморштабе, ни на флоте...»⁵⁰.

Стратегия КБФ предполагалась сугубо оборонительная, даже с некоторым преувеличением возможностей противника. Конечно, решительный прорыв к Осло в Норвежской кампании продемонстрировал наступательный потенциал Кригсмарине. Но повторение этого в войне СССР было все же маловероятно. Тем не менее морские десанты стали пугалом как на Балтике, так и на Черном море. Для противодесантной обороны в районе Лиепая располагалась 67-я стрелковая дивизия генерал-майора Н. А. Дедаева, подчиненная не 8-й, а 27-й армии. Задачей дивизии была оборона побережья, в связи с этим один ее полк был в Вентспилсе. Возможно, она была бы полезнее на границе, для сужения чудовищной полосы обороны 10-й стрелковой дивизии.

Иногда на флот проецируют наступательную стратегию Красной Армии, что не совсем верно. В рамках этих соображений утверждается, что Лиепая была вынесенным вперед сосредоточением запасов Балтийского флота – топлива всех видов, мин, минных защитников и пр. В действительности основные запасы топлива находились в районе Кронштадтской военно-морской базы. Так, например, мазута в Лиепаяе было впятеро меньше, чем в Кронштадте. При этом еще до войны были приняты меры по вывозу топлива из передовой базы. По состоянию на 1 марта 1941 г. в Лиепаяе было всего 4 % запаса мин КБФ (493 из 12 777) и ни одного минного защитника⁵¹.

Для Прибалтийского округа приморский фланг был головной болью, оттягивавший дополнительные ресурсы на противодесантную оборону. Помимо 67-й стрелковой дивизии, на острове Сааремаа была расквартирована сформированная в 1940 г. 3-я отдельная стрелковая бригада. Она также подчинялась 27-й армии.

Последние минные дни

Непосредственно у государственной границы находились от Балтийского побережья до Аусгаллен: 10, 90 и 125-я стрелковые дивизии 8-й армии, от р. Неман до Копциово – 5, 33, 188 и 128-я стрелковые дивизии 11-й армии. Следует подчеркнуть, что в массе своей эти соединения еще находились в лагерях, а не в окопах и блиндажах на «линии Молотова». Так 5-я и 188-я стрелковые дивизии, корпусные артполки, батальон связи корпуса и штаб корпуса располагались в летнем лагере северо-западнее Козловой Руды (45–50 км от границы). 33-я стрелковая дивизия находилась еще на зимних квартирах в городе Мариамполь и Волковышки. Собственно на линию границы от каждой стрелковой дивизии 16-го корпуса 11-й армии при-

⁵⁰ Абатуров В., Морозов М., Португальский Р. Страшная цена Победы. Неизвестные трагедии Великой Отечественной. М.: Яуза, 2010, с. 300.

⁵¹ Платонов А.В. Трагедии Финского залива. С. 22.

влекалось по четыре стрелковых батальона, по три батареи полковой артиллерии и по дивизиону артиллерии на конной тяге.

Генерал-майор Г. Н. Шафаренко из 188-й стрелковой дивизии вспоминал:

«Три батальона дивизии (по одному от стрелкового полка) и один артиллерийский дивизион находились на границе, остальные, как говорят, «занимались по расписанию»... В соответствии с директивой командующего округом... утром 20 июня командир дивизии Иванов П.И. провел совещание командиров частей и приказал им на следующий день провести рекогносцировку участков обороны и принять в свое подчинение находящиеся там строительные батальоны.

21 июня командиры полков вместе с небольшими группами офицеров штаба и командирами батальонов занимались рекогносцировкой. В тот же день с оперативной группой офицеров выехал ближе к границе и командир дивизии. Основные силы дивизии по-прежнему оставались в лагерях. Туда же после рекогносцировки поздно вечером вернулись и все офицеры частей, командиры полков остались ночевать на границе... Почти на 40-километровом фронте от Кибартай и южнее до оз. Вишптитис по-прежнему оставалась лишь тонкая цепочка трех батальонов».

Учитывая широкие полосы обороны соединений, такие силы лишь несколько усиливали охрану границы пограничниками. Эта картина была достаточно типичной для особых округов 22 июня 1941 г.

Столь же типичным для приграничных округов было наличие так называемых глубинных соединений, находящихся в процессе выдвижения к границе. В случае Прибалтийского особого военного округа это были 11, 16, 23, 126 и 183-я стрелковые дивизии, которые совершали переброску или марши из летних лагерей или зимних квартир к границе. Еще одну группу составляли 179, 180, 181, 182, 184 и 185-я стрелковые дивизии, находившиеся в летних лагерях и на зимних квартирах. Они никуда не выдвигались. Здесь уже скорее имела место специфика ПриОВО. Это были соединения, сформированные из дивизий армий прибалтийских государств.

Офицерский состав этих соединений не вызывал у командования Красной Армии должного доверия. Начальник штаба 29-го территориального стрелкового корпуса вспоминал: «Незадолго до моего приезда (он прибыл в штаб корпуса 19 июня 1941 г. – А.И.) было

арестовано около 300 человек офицерского состава из-за неблагонадежности. Кроме того, по информации особого отдела корпуса, были заготовлены списки на две с лишним тысячи человек сержантского и рядового состава, которые подлежали изъятию из частей корпуса...»

В журнале боевых действий Северо-Западного фронта было прямо сказано: «Сосредоточение войск СЗФ опаздывало на 5–7 суток». Далее эта мысль развивалась: «Главный же вывод для войск СЗФ заключался в том, что немцы при такой группировке имели полную возможность бить наши войска по частям, т. е. в первую очередь части прикрытия 7–8 сд, потом мотомех. части – 12 и 3 мк и наконец резервы, которые подходили на 5–7 сутки войны»⁵². Именно это привело к тому, что действия по плану первой операции («активная оборона против Восточной Пруссии») были для Северо-Западного фронта невыполнимы.

18 июня последовал приказ № 00229 командующего округом Ф. И. Кузнецова о «приведении в боевую готовность театра военных действий». По этому приказу в боевую готовность приводилась ПВО округа, средства связи. Помимо традиционных мер, Ф. И. Кузнецов предписывал «создать на телшяйском, шыауляйском, каунассском и калварийском направлениях подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом. Штат этих отрядов, формируемых за счет сапер-

⁵² ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1351, д. 200, л. 2.

ных частей и выделяемых начальником Автобронетанкового управления автотранспортных средств, разработать и доложить мне 19.6.41 г. Готовность отрядов 21.6.41 г.». Также Ф. И. Кузнецов отдал распоряжение по выдвижению к границе механизированных и стрелковых соединений. В 23.10 16 июня в штаб 12-го механизированного корпуса был доставлен пакет из штаба округа. В 23.00 18 июня соединения и части мехкорпуса выступили в марш, а уже 20 июня вышли в назначенные районы (находившиеся ближе к границе). Также 18 июня был поднят по тревоге и выведен из мест постоянной дислокации 3-й механизированный корпус.

Командир 10-й стрелковой дивизии генерал-майор И. И. Фадеев вспоминал: «19 июня 1941 года, до начала военных действий, было получено распоряжение от командира 10-го стрелкового корпуса генерал-майора И. Ф. Николаева о приведении частей дивизии в боевую готовность. Во исполнение этого приказа все части дивизии были немедленно ночью выведены в свои районы обороны, заняли деревоземляные огневые точки и огневые позиции артиллерии. После этого командиры полков, батальонов, рот на местности проверяли и уточняли боевые задачи, согласно ранее разработанному приказу и плану боевых действий дивизии, доводили их до командиров взводов и отделений». Однако при рекордной даже по меркам армий прикрытия 80-километровой полосе 10-й стрелковой дивизии эти меры не могли обеспечить устойчивой обороны.

48-я стрелковая дивизия выступила из Риги в 23.00 17 июня. Она должна была полностью сосредоточиться у границы к 23 июня. Однако это было изначально слабое соединение. По состоянию на 21 июня 48-я стрелковая дивизия насчитывала всего 5155 человек. Она содержалась в сокращенном штате мирного времени.

Уже в темноте, около полуночи в воздух поднялись бомбардировщики эскадры KG1 «Гинденбург». II группа KG1 взлетела из Повундена, а III группа – из Эйхвальде. Они должны были атаковать свои первые цели, аэродромы в Виндаве и Либаве, одновременно с началом артиллерийской подготовки на земле. Германская военная машина была запущена в действие.

Также около полуночи, точнее в начале первого ночи 22 июня 1941 г., на исходные позиции были выдвинуты немецкие железнодорожные орудия. Они должны были поддержать огнем натиск танков Гепнера. В полосе наступления XXXXI моторизованного корпуса проходила железная дорога, и странно было бы ее не использовать. В группе армий «Север» было две батареи железнодорожной артиллерии – 690-я и 696-я. Обе вооружались 280-мм орудиями «короткий Бруно» (kurz Bruno). Их дальность стрельбы была «всего» около 14 км и поэтому потребовалось выдвигать пушки ближе к границе. Часто в описании событий 1941 г. акцентируют внимание на немецкие танковые войска. Однако германская артиллерия тоже внесла заметный вклад в разгром армий советских особых округов.

Глава 2

22 июня. Черный день календаря

22 июня 1941 г. – это один из самых важных дней не только в советской, но и в русской истории. Более того, по ряду показателей этот день является уникальным для мировой истории войн. В нем в удивительный клубок сплелись и переход от мирной жизни к войне, и тогдашние высокие технологии, и колоссальные масштабы происходивших событий. 22 июня знаменовало собой новую эпоху. Если ранее страны постепенно втягивались в боевые действия, то в первый день войны на советско-германском фронте сразу же вступили в дело крупные массы войск. Такого дня не было в истории Первой мировой войны или, например, Русско-японской войны или же гражданской войны в Испании. Конфликт не разгорался, он сразу вспыхнул ослепительным пламенем до неба. По сути своей на этот молниеносно охвативший границу пожар войны похожи 1 сентября 1939 г. в Польше и начало арабо-израильских войн 1967 г. и 1973 г. Но по своим масштабам эти войны, конечно же, существенно уступают войне СССР с Германией. Еще это был самый длинный день во всех смыслах этого слова. Все это вместе заставляет остановиться на событиях страшного дня 22 июня 1941 г., прислушаться к ним и рассмотреть их в подробностях.

Начинать повествование с происходившего в июне 1941 г. в Прибалтике не только логически оправданно, но и удобно с практической точки зрения. Линии развития сражения между войсками группы армий «Север» и Прибалтийского особого округа задают некий общий шаблон. Уяснив общую схему действий войск сторон, легче понимать более замысловатые схватки в Белоруссии и на Украине.

Итак, 22 июня 1941 г. в 3.05 утра по берлинскому времени по всей границе между СССР и Германией загрохотала артиллерийская подготовка. Прибалтика не была исключением, хотя следует признать, что артиллерийская группировка здесь не поражает ни количественно, ни качественно. Тем не менее для громкого и убийственного «концерта» орудий было предостаточно. В журнале боевых действий 1-й танковой дивизии появляется запись: «Небо дрожит от разрывов. Под прикрытием массированного артиллерийского огня батальоны начинают атаку». В истории соединения этот момент описан так: «Еще до того, как в 3.45 огонь внезапно умолк, штурмовые группы саперов и стрелков уже ползли к границе. Прижимаясь вплотную к земле, они отодвинули в сторону первые заграждения. Вскоре полетели ручные гранаты, загремели связанные и сосредоточенные заряды. Предраассветные сумерки снова наполнились вспышками от палящего оружия всех калибров»⁵³. Война Германии против Советского Союза началась. На приморском фланге немцы нацеливались прежде всего на быстрый прорыв к Либаве вдоль побережья Балтийского моря.

Нет ничего удивительного в том, что столь же ярким и запоминающимся первый день войны стал для солдат и командиров Красной Армии. Приближение войны чувствовали, к ней готовились. В тот первый день еще никто не знал, что впереди ждут тяжелые поражения, отступление до Москвы, Ленинграда и даже Волги. В журнале боевых действий 8-й армии начало войны описано живо, даже поэтично: «В 4.20 оперативный дежурный майор Андрищенко вбежал в блиндаж оперативного отдела и взволнованным голосом объявил: «на всей границе немцы начали артиллерийскую подготовку». Одновременно с этим начальник штаба 8-й армии генерал-майор Ларионов разговаривал по телефону с к-ром 11 ск генерал-майор

⁵³ Stoves Rolf, 1. Panzer-Division 1935–1945. Chronik einer der drei Stamm-Divisionen der deutschen Panzerwaffe, Podzun, 1962. S.185. Перевод дается по статье Анатолия Хаеца «Пять дней до оккупации Жеймялиса: 22–26 июня 1941 года».

ром Шумиловым; последний докладывал, что немцы усиленно обстреливают Тауроген, частям приказано выдвинуться в свои районы. Артподготовка началась ровно в 4.00»⁵⁴.

Любопытно отметить, что немцы записали начало артподготовки в 3.05 берлинского времени, т. е. 4.05 московского времени. Советская же сторона записывает начало артподготовки на 4.00 ровно. Здесь хорошо видна разница между нападающим и обороняющимся. Немецкие солдаты и командиры поминутно смотрели на циферблаты часов и нетерпеливо ждали, когда стрелки покажут заветные пять минут четвертого. Командиры Красной Армии слышали грохот канонады и, глянув на часы, мысленно вычли несколько минут – первые залпы показались им вечностью. Столь же настойчиво в советских документах отмечается длительность немецкой артподготовки. В журнале боевых действий 11-го стрелкового корпуса указывалось «Артподготовка по переднему краю продолжалась в течение 3,5 часов»⁵⁵. На самом деле даже на направлении главного удара 4-й танковой группы она была достаточно короткой.

Однако обо всем по порядку. На правом фланге советско-германского фронта приняла бой 10-я стрелковая дивизия генерал-майора И. И. Фадеева. 80-километровая полоса ее обороны примыкала к Балтийскому морю. Соседство с морем стало роковым для 1-го батальона 62-го полка дивизии. Батальон, поддержанный одним артдивизионом, был прижат к морю в районе Паланги. Небольшой курортный городок стал ареной одного из первых и страшных боев войны. Сражение за Палангу началось в 6.00, а к 11.00 окруженный батальон потерял половину своего состава. К полудню закончились снаряды у артдивизиона, орудия пришлось бросить, предварительно сняв и закопав затворы. Исчерпав возможности к сопротивлению, артиллеристы и пехотинцы попытались прорваться к своим. Удалось это лишь немногим.

Бронетранспортеры 113-го мотострелкового полка 1-й танковой дивизии под Таураге

⁵⁴ ЦАМО РФ, ф. 344, оп. 5554, д. 85, л. 2.

⁵⁵ ЦАМО РФ, ф. 833, оп. 1, д. 6, л. 5.

Наступавшая на приморском фланге 18-й армии 291-я пехотная дивизия генерала Герцога быстро продвигалась вперед. Ее главной целью был не разгром оборонявшихся на границе частей, а порт Лиепая. Не обращая внимания на фланги, 505-й полк дивизии Герцога устремился на север. В первый день войны он прошел 65 км – весьма впечатляющий результат с любой точки зрения. История Лиепая заслуживает отдельного описания, и мы вернемся к ней немного позже.

Ввиду чрезмерно широкого фронта оборона 10-й стрелковой дивизии была крайне разреженной. Вкупе с относительной внезапностью нападения это привело к быстрому распаду ее обороны. 61-я пехотная дивизия захватила неповрежденным мост через р. Миния в Гаргждай и стремительно продвигалась вперед. На подступах к городку Куляй произошло еще одно сражение на окружение, «котел» под Палангой, к сожалению, не стал единственным в своем роде. В центре построения дивизии генерала Фадеева уже в первые часы войны был окружен батальон 204-го стрелкового полка вместе с одним артдивизионом. Впрочем, здесь все завершилось относительно благополучно. Начальник управления политпропаганды Северо-Западного фронта бригадный комиссар Рябчий позднее даже приводил этот эпизод в качестве положительного примера: «204 сп 10 сд в районе Кулей был окружен, но умелым энергичным ударом он пробил в кольце врага брешь и вышел из окружения, сохранив всю материальную часть»⁵⁶. Для удержания позиций на правом фланге 8-й армии командованием принимались чрезвычайные меры. Так из батальонов, работавших на строительстве укреплений на границе, были вооружены около 800 человек. Этот отряд был подчинен командиру 10-й стрелковой дивизии и занял оборону по р. Миния юго-западнее города Плунге.

Уже в этих первых схватках на приморском фланге проявилась общая для всего советско-германского фронта тенденция. Даже на вспомогательных для немцев направлениях советские войска были слабы и терпели поражение. Просто ввиду растянутости фронта стоявших на границе дивизий. Это заставляло верховное командование растрачивать ресурс ценнейших механизированных соединений не только на направлении главного удара противника, но и на сугубо второстепенных участках. Хотя бы для того, чтобы фронт здесь не рассыпался вовсе.

Атака немецкой мотопехоты в сопровождении танков 35 (t)

⁵⁶ ВИЖ. № 7. 1989. С. 22.

Относительная тишина была лишь на левом фланге 10-й стрелковой дивизии. Несмотря на то что германские войска утром 22 июня перешли границу с СССР практически на всем ее протяжении, нажим атакующих не был равномерным по всему фронту. Невозможно быть везде одинаково сильным. Достаточно четко выделялись направления главных и вспомогательных ударов. Главный удар группы армий «Север» наносился на шыуляйском направлении (об этом будет рассказано ниже). Вспомогательный удар 18-й армии пришелся на приморский участок фронта. Между главным и вспомогательным ударами была перемишка, прикрытая лишь отдельными отрядами. Как написал историограф группы армий «Север» Гаупт, «стык между I и XXVI армейскими корпусами обеспечивал 374-й пехотный полк (207-й охранной дивизии). Полк шестью усиленными штурмовыми отрядами перешел границу, чтобы отвлечь русских от направления главного удара». Со стороны I армейского корпуса 6-километровую «полосу бездействия» прикрывал разведывательный отряд 11-й пехотной дивизии.

Левым соседом 10-й стрелковой дивизии была 90-я стрелковая дивизия полковника М. И. Голубева. По сравнению с ненормально широким фронтом своего соседа она занимала более узкую полосу 30 км. Однако эта полоса все равно в три раза превышала уставную норму. Попадание части участка обороны дивизии в «полосу бездействия» между двумя немецкими корпусами не намного облегчало ее участь. На растянутую оборону на левом фланге дивизии полковника Голубева навалились сразу две пехотные дивизии противника. Для сравнения: атакующая ее 11-я пехотная дивизия (левое крыло I армейского корпуса) имела полосу наступления шириной всего около 2 км. Неблагоприятное для Красной Армии соотношение сил быстро стало очевидным для противника. В истории 11-й пехотной дивизии первые часы войны оцениваются с энтузиазмом: «силы противника были слабыми, наступление развивалось хорошо, и дивизия захватила переправы через Юру в неповрежденном состоянии».

По советским данным, бои на рубеже р. Юра начались уже в 8.30 утра 22 июня. Как отмечалось в истории той же 11-й пехотной дивизии, «оборонительные сооружения на Юре были в незавершенном состоянии, и на организованное сопротивление поначалу не рассчитывали. Наступление осложнялось беспокоящим огнем русской артиллерии, которая с помощью отдельных дальних орудий, прикрепленных к тягачам, по карте обстреливала важные точки маршрута»⁵⁷.

Скорее всего, это была артиллерия 90-й стрелковой дивизии, заранее подготовившая данные для стрельбы. В 12.00 22 июня в оперсводке 10-го стрелкового корпуса прозвучали слова: «На фронте 90 сд действует до двух ПД и одного танкового полка, имеются моточасти»⁵⁸. Оценка эта была достаточно реалистичной, за исключением «танкового полка». Тема танков получила продолжение, в той же сводке указывалось: «Установлено большое скопление танков и мотоциклистов в районах 1) в лесу юж. м. Дидкемис, 2) в р-не Тринопис (3 км ю.-з. Пограмантис)»⁵⁹. Причем в этом месте в документе есть приписка карандашом «Дважды подтверждено скопление танков». Скорее всего, в качестве «танков» выступил 185-й дивизион штурмовых орудий, приданный I армейскому корпусу.

В действительности крупные массы немецких танков были на соседнем участке, на шыуляйском направлении. Довольно часто можно встретить утверждение, что катастрофы летом 1941 г. можно было бы легко избежать, если бы 20–21 июня из Москвы последовал приказ армиям прикрытия привести войска в боевую готовность и занять оборону в УРах. Однако у нас есть прекрасный пример того, как развивались бы события, если бы соединения первого эшелона во всех армиях прикрытия все же встретили агрессора на позициях на гра-

⁵⁷ Buxa W. Weg und Schicksal der 11. Infanterie-Division, Podzun, 1952. S.

⁵⁸ ЦАМО РФ, ф. 344, оп. 5554, д. 71, л. 34.

⁵⁹ ЦАМО РФ, ф. 344, оп. 5554, д. 71, л. 53.

нице. Это боевые действия в полосе 125-й стрелковой дивизии 8-й армии Северо-Западного фронта. Можно сказать, что перед нами даже несколько идеализированный вариант расположения соединения Красной Армии на границе. Мало того, что 125-я дивизия заблаговременно села в укрепления, она заняла позиции в глубине. Непосредственно на границе было лишь боевое охранение. Соответственно, у обороняющегося была небольшая, но ощутимая фора по времени, за которое противник проходит предполье. Комплектность 125-й стрелковой дивизии была по меркам 1941 г. хорошая. На 21 июня она насчитывала 10 522 человека. В дивизии было много самозарядок Токарева – в соединении имелось 8190 обычных винтовок и 3630 самозарядных. Помимо этого, дивизия располагала 813 пистолетами-пулеметами ППД. Такой высокий уровень оснащения автоматическим оружием был редкостью даже в армиях приграничных округов. Разница в количестве единиц стрелкового оружия и численности личного состава дивизии, очевидно, объясняется наличием запаса для вооружения призываемых по мобилизации. Артиллерией соединение было укомплектовано практически по штату. Одним словом, 125-я стрелковая дивизия генерал-майора П. П. Богайчука была крепкой боевой единицей даже с учетом ее неотмобилизованности.

Дивизия генерала Богайчука строила оборону в два эшелона. 657-й стрелковый полк занимал оборону юго-восточнее Таураге на участке 12 км, 466-й полк – северо-западнее Таураге на участке шириной 13 км, 149-й полк находился в резерве командира дивизии и был сосредоточен в районе севернее Таураге. Таким образом, полки получили полосу обороны, полагавшуюся по уставу для всей дивизии. Напомню, что, согласно проекту Полевого устава 1939 г. (ПУ-39): «На нормальном фронте стрелковая дивизия может успешно оборонять полосу шириной по фронту 8—12 км и в глубину 4—6 км; стрелковый полк – участок по фронту 3—5 км и в глубину 2,5—3 км». Здесь следует заметить, что уставные плотности обороны не берутся с потолка. Они являются производной от технических возможностей оружия соединения, а также маршевых возможностей ее подразделений.

Противник у 125-й стрелковой дивизии 22 июня был куда более серьезный, чем у соседа справа – соединение находилось в полосе наступления XXXXI моторизованного корпуса 4-й танковой группы. Пользуясь своей подвижностью, немецкие танковые и моторизованные части вышли на исходные позиции в последний момент перед началом кампании. В ночь с 21 на 22 июня 1-я и 6-я танковые дивизии XXXXI корпуса пересекли Неман и к 3.00 подошли к границе. Советской разведкой, если опираться на разведсводки Прибалтийского военного округа, группировка механизированных частей противника вскрыта не была. Впоследствии это станет типичной ситуацией для начального периода войны. Немецкие механизированные соединения раз за разом форсированными маршами выходили в новый район сосредоточения и наносили сокрушительный удар. Советская разведка не успевала отслеживать эти перемещения, а советское командование, соответственно, реагировать на них. По такому сценарию впоследствии развивалась катастрофа Юго-Западного фронта под Киевом в сентябре 1941 г., Западного и Брянского фронтов на дальних подступах к Москве в октябре 1941 г. В первый день войны произошла генеральная репетиция будущих прорывов. Две немецкие танковые дивизии атаковали с марша после короткой, 5-минутной артиллерийской подготовки по выявленным целям на советской территории.

Непосредственно вдоль шоссе на Шяуляй наносила удар 1-я танковая дивизия. Использование крупного шоссе в качестве оси наступления было типичным решением для немецких «блицкригов». Также традиционно для немецкой практики боевых действий 1-я танковая дивизия была разбита на боевые группы, наступавшие по параллельным маршрутам. Первая, так называемая боевая группа Вестховена, была «мотопехотной». Она строилась вокруг мотопехотного полка и ей была придана всего рота танков. Соответственно, вторая группа была «танковой». Она называлась боевой группой Крюгера и объединяла танковый и мотопехотный полки. Лидером каждой боевой группы была «бронегруппа» из танков и батальона на БТР.

Только в одном случае это была рота (18 машин), а в другом – почти два батальона. Впереди группы Крюгера наступала ударная группа Кнопфа (37-й саперный батальон). Саперы расчищали дорогу танкам. Инженерное обеспечение действий танков стало одним из «ноу-хау» Второй мировой. В Красной Армии оно было отлажено во второй половине войны.

Момент внезапности было решено использовать по максимуму. Крюгером был сформирован передовой отряд из 10 Pz.II, 2 Pz.IV, мотопехоты на 16 БТРах, двух самоходных 20-мм зенитных автоматов и батареи легких гаубиц. Он начал наступление уже в 3.00 берлинского времени. Отряд быстро прорвался через реку Юру благодаря найденному броду у деревни Дабкишки, к западу от Таураге.

На преодоление предполья 1-я танковая дивизия затратила примерно два часа. Выделенные для обороны предполья советские стрелковые роты были окружены и упорно бились в полной изоляции. Одним из преимуществ, которое было у немцев в первый день войны, являлась возможность наступать подвижными соединениями вместе с пехотой. В дальнейшем моторизованные корпуса вырывались на оперативный простор, оставляя пехотные дивизии далеко позади. 22 июня 1-й танковой дивизии был подчинен 489-й пехотный полк.

Это усиливало пехотное звено ударной группировки 4-й танковой группы, снимая нагрузку с ценнейшей мотопехоты и избавляя ее от потерь. Около 5 утра берлинского времени 489-й пехотный полк вышел на окраину пограничного города Таураге.

Город уже был подготовлен к штурму мощным ударом немецкой артиллерии. Генерал-лейтенант В. Ф. Зотов, находившийся в начале войны в Таураге, вспоминал: «В 4.00 22 июня мы были разбужены взрывами артснарядов... От взрыва первых же снарядов загорелся дом, где размещался штаб 125-й стрелковой дивизии... Город обстреливался ураганным огнем вражеской артиллерии. Зная, что в городе постройки в основном деревянные, враг вел огонь главным образом зажигательными снарядами, вследствие этого через 15–20 минут после начала артиллерийского обстрела город горел».

Шоссейный мост через реку Юра был взорван, однако в руки наступающих немцев попадает неповрежденным железнодорожный мост. Он используется для переправы 489-го пехотного полка. Всего в районе Таураге немцам удалось с ходу захватить неповрежденными два из трех мостов через реку. Дивизия П. П. Богайчука принимает бой и сразу оказывает ожесточенное сопротивление. В журнале боевых действий XXXXI корпуса отмечается: «06.50 – Боевая группа Вестховена (1-я тд) захватывает после тяжелого кровопролитного боя разрушенный шоссе́йный мост через Юру и формирует небольшой плацдарм в южной части Таурогена. Наступающие на Тауроген силы попали под сильный артобстрел – всего установлено присутствие 13 вражеских батарей – и были многократно атакованы вражеской авиацией»⁶⁰.

Преодолев крутые берега реки Юры на БТРах, группа Вестховена ворвалась в город. Сражение за Таураге вылилось в напряженные уличные бои. В ЖБД 1-й танковой дивизии подчеркивалось: «Враг сражается упорно и ожесточенно». Уже в 11.00 берлинского времени для поддержки штурмующих Таураге боевых групп была подтянута тяжелая артиллерия. С советской стороны город оборонял 657-й стрелковый полк майора

С. К. Георгиевского. Немцам удалось взять Таураге под свой контроль к 16.00 22 июня. Окончательная зачистка города была поручена пехотному полку. До поздней ночи в городе шли бои за каждый дом и каждый перекресток. Немецкая пехота прокладывала себе дорогу вперед с помощью огнеметов и подрывных зарядов. Только к полуночи оборонявшие Таураге советские части были оттеснены на северо-восточные окраины города. Тем не менее следует признать, что «Сталинградом» он не стал. Взорванный шоссе́йный мост через Юру был во второй половине дня исправлен саперами. Наступление подвижных частей дивизии Кирхнера

⁶⁰ NARA T314 R979 f.

продолжалось. После полуночи группа Вестховена продвинулась на 10 км к северо-востоку от Таураге.

«Танковая» боевая группа 1-й танковой дивизии (Крюгера) должна была наступать проселочными дорогами параллельно шоссе на Шяуляй. В этой боевой группе была сосредоточена основная масса танков соединения. Разделение боевых групп между несколькими маршрутами позволяло эффективнее использовать имеющиеся силы. Если одна боевая группа застревала, то продвижение второй и угроза тылу могли заставить противника отходить. Также успешнее наступавшая боевая группа могла нанести удар во фланг и тыл обороне перед фронтом своего соседа. Успешные действия передового отряда ранним утром 22 июня обеспечили прорыв основной массы боевой группы Крюгера в глубину советской обороны.

Однако нельзя сказать, что этот прорыв стал для немцев легкой прогулкой. В ЖБД XXXXI корпуса отмечается: «Сильный огонь вражеской артиллерии на всем фронте 1-й тд, левое крыло атакуют вражеские танки»⁶¹. «Левое крыло» – это как раз группа Крюгера.

Что это были за танки – остается только гадать. Возможно, за танки были приняты броневики 125-й стрелковой дивизии. Не исключено, что к границе был выброшен с целью прояснения обстановки отряд из 202-й моторизованной дивизии. Приказ на ведение разведки у нее был. Сохранившиеся документы советской стороны ничего не говорят о каких-либо танковых атаках, предпринятых 22 июня. Вообще одной из проблем изучения событий 1941 г. является плохая сохранность документов частей особых округов. О реальных подвигах советских пехотинцев, артиллеристов и танкистов приходится узнавать из немецких «кригстагебухов»⁶² и «гешихтов»⁶³.

Главные силы группы Крюгера подошли к Юре к 12.00 22 июня. По пути им пришлось разминировать минные поля и преодолевать бетонные пограничные укрепления. Для их штурма была задействована мотопехота и часть танков. Однако Крюгер не стал дожидаться ликвидации всех оставшихся очагов сопротивления в УРе на границе. Бронегруппа из батальона мотопехоты на БТРах и танков устремилась дальше в глубину советской обороны, к шоссе Таураге – Шяуляй.

К концу дня боевая группа Крюгера продвинулась довольно далеко вперед по шоссе на Шяуляй. Части 125-й стрелковой дивизии на этом направлении были отеснены в леса к северу от Таураге. Как мы видим, даже занявшая полноценные позиции 125-я стрелковая дивизия не сумела их удержать. Растянутасть соединения по широкому фронту сделала свое дело. Это было очевидно уже тогда. Командование 125-й дивизии, оценивая результаты первого дня боев, отмечало: «Первоначальный успех противника на фронте дивизии (противник продвинулся за день на 12 км) объясняется его численным превосходством и тем, что дивизия вела бои на 40-километровом фронте. У нас не было танков, не хватало средств ПТО и транспорта для подвозки боеприпасов. Было мало ручных гранат»⁶⁴. На всякий случай отмечу, что к началу войны в дивизии был полный комплект штатных противотанковых орудий – 54 пушки калибром 45-мм. Дело тут, скорее, в технических возможностях «сорокапятков» поражать новые немецкие танки 1-й танковой дивизии. Артиллерии 125-й стрелковой дивизии, по немецким данным, были нанесены тяжелые потери уже в первый день войны. В журнале боевых действий 1-й танковой дивизии указывалось: «Установлено, что перед дивизией находился 466-й сп русской 125-й сд. Артиллерия этой дивизии, скорее всего, ликвидирована. 9 батарей уничтожено в бою, 5 – танками. В лесах северо-восточнее Таурогеа захвачено много транспорта и орудий».

⁶¹ NARA T314 R979 f.

⁶² Журнал боевых действий.

⁶³ Истории соединений. Почти по каждой немецкой дивизии после войны вышла книга с описанием ее боевого пути, часто написанная на документальной основе. Авторами были ветераны и даже командиры соединений.

⁶⁴ Страшная цена победы. С. 261.

К слову сказать, у 125-й стрелковой дивизии была даже поддержка авиации. В район Таураге летал 40-й авиаполк скоростных бомбардировщиков 6-й САД. Однако эти налеты не впечатлили противника. Относительно обстановки в воздухе в первый день войны отзыв командования 1-й танковой дивизии был краток: «Наше истребительное прикрытие эффективно, отдельные бессистемные бомбежки со стороны русских».

Впрочем, нельзя не отметить, что взлом обороны своевременно занявшей оборону советской стрелковой дивизии довольно дорого стоил немцам. 1-я танковая дивизия потеряла 22 июня 1941 г. 313 человек убитыми и ранеными и 34 человека пропавшими без вести. Это стало своего рода рекордом в летней кампании. В ЖБД XXXXI корпуса по итогам дня 22 июня было прямо сказано – «потери превышают нормальный уровень».

Справа от 1-й танковой дивизии атаковала 6-я танковая дивизия того же XXXXI моторизованного корпуса. Она также была выдвинута к границе в ночь с 21 на 22 июня и перешла в наступление с марша. Достаточно часто немцы предпочитали ставить танковые дивизии одного корпуса в затылок друг другу, двигаясь по одной хорошей дороге. Такие примеры мы увидим далее, в Белоруссии и на Украине. Однако время от времени германские генералы выбирали наступление по двум неравноценным маршрутам, с использованием ударной мощи сразу двух дивизий. Именно по такому сценарию была использована 6-я танковая дивизия в первые дни войны с СССР. В ее распоряжении не было крупных шоссе, дивизия двигалась по проселкам.

Как вспоминал служивший в тот период в этом соединении полковник Ритген, «сопротивление противника в нашем секторе оказалось намного сильнее, чем ожидалось. Путь нам преграждали шесть противотанковых рвов, прикрывавшихся пехотинцами и снайперами, засевшими на деревьях. К счастью для нас, у них не было противотанковых пушек и мин. Поскольку никто не сдавался, пленных не было. Однако вскоре танки остались без боеприпасов, что до этого ни разу не случалось в ходе кампаний в Польше и Франции. Пополнение боеприпасов зависело от грузовиков, застрявших в пробке где-то позади»⁶⁵. По словам Ритгена, ни один мост на пути его дивизии не был взорван, однако их ограниченная грузоподъемность заставляла танки форсировать реки вброд. Интересно отметить, что именно в полосе 6-й танковой дивизии были использованы диверсанты «Бранденбурга». С их помощью был захвачен мост у селения Конгайлы. Судя по карте, это мост даже не через реку, а через крупный овраг. Противником 6-й танковой дивизии поначалу были левофланговые части 125-й стрелковой дивизии.

⁶⁵ The initial period of war on the eastern front. 22 June – August 1941, p.112.

Взорванный мост в Каунасе

Эрхард Раус, командовавший в июне 1941 г. 6-й стрелковой (мотопехотной) бригадой 6-й танковой дивизии, впоследствии вспоминал: «Артиллерийская подготовка началась 22 июня 1941 г. в 03.05, и вскоре связной «Шторх», использовавшийся в качестве разведчика, сообщил, что деревянные пулеметные вышки на окраинах Силине уничтожены. После этого 6-я танковая дивизия пересекла советскую границу к югу от Таураге. Боевая группа «фон Зекендорф» ворвалась в деревню Силине и довольно быстро очистила дорогу на Кангайлай, хотя в лесу восточнее этого города две русские роты оказали исключительно упорное сопротивление. Наша пехота сумела подавить последний очаг только в 16.00, после тяжелого боя в лесу. Не обращая внимания на это препятствие, боевая группа «Раус» начала двигаться вперед. Именно она возглавляла наступление дивизии в эти утренние часы. Мост через реку Сесувис в Кангайлае попал в наши руки, и мы быстро разбили разрозненные группы противника, сопротивлявшиеся на открытой местности вокруг Мескай. Мы ожидали русской контратаки с север-

ного берега Сесувиса, однако она так и не состоялась. Мои головные подразделения к вечеру достигли Эрцвилкаса».

Согласно документам, у Эржвилкаса (так правильно называется город, названный Раусом Эрцвилкасом) 6-я танковая дивизия оказывается только ночью, около 1.00 23 июня. Тем не менее, несмотря на наступление в темноте, задача дня для 6-й танковой дивизии – выход к реке Дубисса – выполнена не была. Если 1-я танковая дивизия уверенно неслась вперед вдоль Шяуляйского шоссе, 6-я танковая дивизия пожинала все трудности наступления по параллельному маршруту по проселочным дорогам. В ее журнале боевых действий констатировалось: «Движение группы Рауса до 12.30 очень медленное из-за болотистой почвы. Движение по лесной местности сопровождается непредвиденными сложностями. Боевая группа, движущаяся слева в полосе наступления К6⁶⁶, застревает по дороге». Если дорожные трудности соединения переживали порознь, то остальные превратности войны доставались одновременно. Вечером 22 июня 6-я танковая дивизия была атакована двумя советскими бомбардировщиками, ставшими жертвами зенитных пушек, приданных соединению.

С началом боевых действий 48-я стрелковая дивизия получила приказ командующего 8-й армии ускорить марш, не делать больших привалов и дневков, немедленно выйти в свою полосу обороны. Однако занять назначенные довоенными планами позиции было невозможно, на них уже хозяйничали немцы. К 22.00 22 июня два стрелковых полка 48-й дивизии заняли оборону на подступах к Расейняю. Именно их позиции предстояло атаковать 6-й танковой дивизии на второй день войны.

В 7.00 в донесении штаба 4-й танковой группы говорилось: «Движение началось по плану в 3.05 22 июня. До сих пор повсеместно только слабое сопротивление противника». Тональность донесения от 17.45 была уже совсем другая: «Противник, оказывающий ожесточенное сопротивление на подготовленных позициях вдоль границы перед XXXXI танковым корпусом, с середины дня отходит в северо-восточном направлении». Это было типично для первого дня войны – слабое сопротивление в первые часы и постепенное его нарастание начиная с середины дня, когда в бой вступили главные силы армий прикрытия.

На правом фланге 11-й армии располагались позиции 5-й стрелковой дивизии полковника Озерова. Она должна была обороняться на фронте в 30 км. Однако утром 22 июня непосредственно на границу было выдвинуто по одному стрелковому батальону от каждого полка и два дивизиона артиллерии. Эти же три батальона одновременно участвовали в строительстве укреплений.

XXXXI и LVI моторизованные корпуса 4-й танковой группы стояли у границы плечом к плечу. Только на стыке друг с другом командиры корпусов поставили пехотные дивизии. В подчинении Манштейна была всего одна танковая дивизия. Естественным образом она стала главной ударной силой LVI корпуса. Сообразно принятой в то время в Вермахте практике ведения боевых действий, 8-я танковая дивизия генерала Бранденбергера была разделена на две боевые группы. На правом фланге должна была наступать боевая группа «А» (она же группа Кризоли), на левом фланге – боевая группа «Б» (она же группа Шеллера).

Поначалу наступление развивалось без помех. В ЖБД 8-й танковой дивизии в 7.55 22 июня отмечалось: «Части быстро движутся на восток. В дивизии сложилось впечатление, что она еще не пришла в соприкосновение с регулярными войсками противника». Однако вскоре ситуация изменилась. Боевая группа Шеллера увязла в боях за советские доты и потеряла темп. Быстрее продвигалась боевая группа Кризоли.

Во второй половине дня 22 июня в ЖБД 8-й танковой дивизии появляется запись: «Основной массе группы «А» удалось без боя выйти в район Ариогалы, высоты позади которого были заняты противником. Мост в Ариогале был непригоден для переправы транспорта,

⁶⁶ Мотоциклетного батальона.

однако в створе дороги был найден пригодный для всех видов транспорта брод с твердым дном, по которому переправились сначала танки, потом роты на БТР и атаковали высоты у Ариогалы. С помощью этого неожиданно быстрого продвижения удалось сломить сопротивление противника, в том числе его бронемашин, и захватить высоту по ту сторону реки. Удался и произведенный тут же по приказу командира дивизии бросок к шоссе к мосту у Ариогалы, который был захвачен с тыла после короткого боя при поддержке нашей артиллерии и танков в 17.25 в неповрежденном состоянии»⁶⁷.

Командир LVI корпуса Манштейн вскоре лично прибыл в Арёгалу и приказал немедленно двигаться на Кедайняй. Однако танковые роты, направленные на Кедайняй, уже спустя несколько километров столкнулись с упорным сопротивлением советской 5-й стрелковой дивизии. В 23.00 берлинского времени наступление было остановлено.

Тем не менее у Манштейна были все основания чувствовать себя триумфатором. Ему удалось прорваться практически незамеченным на стыке между 8-й и 11-й армиями. В своих мемуарах Манштейн писал: «Я знал рубеж Дубиссы еще с Первой мировой войны. Участок представлял собой глубокую речную долину с крутыми, недоступными для танков склонами. В Первую мировую войну наши железнодорожные войска в течение нескольких месяцев построили через эту реку образцовый деревянный мост. Если бы противнику удалось взорвать этот большой мост у Айрогалы, то корпус был бы вынужден остановиться на этом рубеже. [...] Какой бы напряженной ни была поставленная мною задача, 8 *тд* (командир – генерал Бранденбергер), в которой я в этот день больше всего был, выполнила ее. После прорыва пограничных позиций, преодолевая сопротивление врага глубоко в тылу, к вечеру 22 июня ее передовой отряд захватил переправу у Айрогалы»⁶⁸. В первые дни войны корпус Манштейна был очевидным лидером наступления 4-й танковой группы.

Воздушный Перл-Харбор

Как было сказано выше, с целью достижения внезапности немецкие бомбардировщики пересекали границу с Советским Союзом еще до того, как начиналась артиллерийская подготовка. Из Восточной Пруссии с аэродромов Хайлигенбайль, Йесау, Юргенфельде и других немецкие самолеты взлетали, когда уже рассвело. Из общего правила было сделано одно исключение. Двухмоторные истребители Me-110 из 5-го отряда эскадры ZG26 уже в 2.50 пересекли границу и буквально через 5 минут сбросили бомбы на аэродром Алитус. Эта атака не дала особого эффекта, однако вызвала панику и суматоху.

В первый день войны ВВС Северо-Западного фронта попали не только под удар самолетов 1-го воздушного флота, но и под удар VIII авиакорпуса соседнего 2-го воздушного флота группы армий «Центр». Этот авиакорпус предназначался для поддержки войск на поле боя и поэтому в налетах на аэродромы приняли участие «штуки» (пикировщики Ю-87), обычно не привлекавшиеся к такого рода акциям. Мощный удар по району Алитуса нанесла ранним утром 22 июня группа, состоящая из 13 Me-109 (с бомбами) из III/JG27, 42 Ю-87 и 4 Me-110 из StG2. В результате налета серьезно пострадали аэродромные постройки. Помимо аэродрома, целью немецких самолетов были железнодорожные станции Алитус и Ораны, склады, оборонительные позиции у берегов Немана и линии связи.

Однако неприятности советских ВВС под Алитусом с немецким налетом не закончились. Аэродром 42-го истребительного авиаполка был одним из немногих, на который уже в первые часы войны въехала немецкая бронетехника. В журнале боевых действий 57-й авиадивизии на этот счет имеется лаконичная запись: «12.40 22 июня 42 ИАП атаковал мотомехколонну

⁶⁷ Haupt W. Die 8. Panzer-Division im Zweiten Weltkrieg, Podzun-Pallas-Verlag, 1987. S. 139.

⁶⁸ Манштейн Э. Указ. соч. С. 187.

противника и перебазировался на другой аэродром». Полк перелетел на аэродром Перлюя. На том же аэродроме Ораны базировался 237 ИАП. Он также был вынужден менять площадку, его новым пристанищем стал так называемый Двинск Малый.

Налеты на аэродром Ораны 57-й авиадивизии в первый день войны демонстрируют нам, что именно методичность, а не кавалерийский наскок приносили немцам успех в развернувшемся сражении за господство в воздухе (см. таблицу).

Удары по аэродрому Ораны 22 июня 1941 г.⁶⁹

Время налета	Наряд сил (по советским данным)	Результат
4.25	1 Ме-109, 3 До-17	3 самолета повреждены
6.25	2 Ме-109	Безрезультатно
9.00	5 Ме-109	Безрезультатно
9.30	2 Ме-109	Безрезультатно
11.10	10 Ме-109	3 самолета сожжены на земле, 2 сбито в воздушном бою.

Как мы видим, из пяти налетов только два были результативными, но это было для немецких ВВС приемлемым результатом. Также необходимо отметить, что налеты заметно различаются по наряду сил. Советских пилотов и аэродромную команду изматывали несколькими атаками сравнительно слабых сил с разными промежутками. Потом последовала пауза и мощный удар крупными силами истребителей. Именно этот налет нанес наибольшие потери советской стороне.

Истребитель Ме-109 эскадры JG-54 на аэродроме

В 13.30 22 июня эскадрилья 49 ИАП 57 САД перебазировалась на аэродром Парубанок. Он в тот момент был основной площадкой 54 СБП 57 САД. Бомбардировщикам СБ требовалось прикрытие истребителями и командование авиадивизии попыталось его организовать. Но защитить аэродром от разгрома эскадрилья бипланов не смогла. В 16.30 его атаковали

⁶⁹ ЦАМО РФ, ф. 20120, оп. 1, д. 9, л. 92.

12 Ме-109, зажгли постройки и самолеты. Согласно донесениям первого дня войны, на этой площадке было повреждено 10 самолетов, сгорели авиамастерские. Единственным не пострадавшим в первый день войны полком дивизии стал 49-й ИАП, базировавшийся на аэроузле Двинск (Даугавпилс). Полк лишился в первый день только одного самолета и летчика – мл. лейтенант Г. С. Бачурин из-за отказа мотора И-15бис упал с самолетом в реку и утонул. Еще вчера, 21 июня, это было бы ЧП, в военное время катастрофа затерялась на фоне боевых потерь.

На пощечину в лице ударов по аэродромам советское командование попыталось ответить такими же ударами по системе базирования ВВС противника. Считалось, что расположение аэродромов противника известно и этого будет достаточно. Ответный удар в Прибалтике последовал уже в первые часы войны. Самолеты 46-го полка скоростных бомбардировщиков 7-й авиадивизии поднялись в воздух уже в 5.59 утра 22 июня. Формулировка задания была жесткой и настраивала на решительный лад: «Уничтожить группировку противника и авиацию на аэродромах в районе Тильзит, Рагний, Жилен». В районе цели в 6.40—6.45 бомбардировщики СБ были атакованы вражескими истребителями. Последовал настоящий разгром в воздухе, потери полка составили 10 самолетов и 30 человек экипажей. С аналогичным заданием взлетели в 6.05 22 июня СБ из 9-го авиаполка той же авиадивизии. Взлет на несколько минут позже соседа позволил избежать разгрома, основные атаки «мессеров» достались предыдущей волне СБ. В 6.50 в районе цели самолеты были встречены Ме-109 и обстреляны зенитками. Потери 9-го авиаполка составили всего 2 самолета и 6 человек из состава их экипажей. Попытка нанести ответный удар ранним утром 22 июня вдвойне удивительна ввиду того, что приказ народного комиссара обороны № 02, нацеливавший ВВС КА на активные действия, вышел только в 7.15 22 июня 1941 г. Приказ, известный ныне как Директива № 2, гласил:

«Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиации наносить на глубину германской территории до 100–150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель».

К моменту появления этого приказа на свет бомбардировщики СБ 7-й авиадивизии уже ложились на обратный курс, освободившись от бомбового груза.

Согласно предварительным данным, приведенным в оперсводке от 17.00 22 июня штаба ВВС Северо-Западного фронта, «осколками бомб и пуль, огнем на земле уничтожено до 35 и повреждено до 27 самолетов»⁷⁰. В воздушных боях в ходе отражения налетов противника на аэродромы на тот момент было потеряно еще 9 боевых самолетов. Однако налеты на аэродромы в

17.00 еще не закончились. Достаточно развернутые данные имеются по потерям в первый день войны 7-й авиадивизии (см. таблицу). Соединение полковника П. М. Петрова подвергалось атакам немецкой бомбардировочной эскадры KG76.

Потери самолетов 7 САД в течение 22 июня 1941 г.⁷¹

	9 СБП	46 СБП	10 ИАП	238 ИАП	241 ШАП
Потеряно в воздухе от ИА	—	10	2	1	—
Потеряно в воздухе от ЗА	—	2	1	—	—
Уничтожено на земле безвозвратно	6	11	8	3	—
Повреждено на земле	10	—	—	12	—
Поломано при посадке	3	нет данных	2	3 И-153	—
Осталось самолетов	30	20	25	6	—

⁷⁰ ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1374, д. 11, л. 6.

⁷¹ ЦАМО РФ, ф. 20041, оп. 1, д. 6, л. 2.

Таблица приведена из донесения авиадивизии в неизменном виде. Всего на земле числятся уничтоженными 28 самолетов. В свете этих данных очевидно, что 35 самолетов в оперсводке от 17.00 были только началом, и ими безвозвратные потери ВВС СЗФ на земле в первый день войны не ограничиваются.

Сгоревший на аэродроме Митава бомбардировщик СБ-2

Также таблица нуждается в некотором уточнении. Скорее всего, два сбитых зенитками СБ 46-го полка следует отнести к потерям 9-го авиаполка скоростных бомбардировщиков (см. выше о налетах на немецкие аэродромы в районе Тильзита). В любом случае хорошо видно, что потери на земле существенно превышают потери в воздушных боях. Кроме того, учитывая обстановку на земле, самолеты из графы «Повреждено на земле» вскоре могли перейти в категорию безвозвратных потерь. Просто ввиду занятия аэродромов наступающими немецкими войсками. 238-й ИАП и 9-й СБП базировались 22 июня на аэродроме Паневежис, через несколько дней занятый противником.

3-я танковая группа. Алитус

Расположение советских частей на вильнюско – каунасском направлении утром 22 июня было типичным для приграничных армий. Из состава четырех стрелковых дивизий 11-й армии на границе находилось по одному полку, из состава пятой стрелковой дивизии – два батальона. Этой завесе противостояли три армейских корпуса немецкой 16-й армии, а также два моторизованных и два армейских корпуса 3-й танковой группы. Стоявшие на границе советские стрелковые полки были атакованы по меньшей мере двумя пехотными дивизиями каждый. В связи с этим общая «немота» советской артиллерии в полосе 3-й танковой группы была, пожалуй, выражена в наибольшей степени. В отчете группы по итогам боев указывалось: «На всех

участках фронта противник оказывал слабое сопротивление, нигде не отмечались действия артиллерии противника»⁷².

Методика наступления немецких танковых групп в первые дни войны с СССР напоминала принцип действия проходческого щита. При прокладке тоннелей ножевое кольцо щита вдавливают в грунт, а затем выбирается ограниченный кольцом цилиндр грунта. Немецкие танковые группы наступали двумя моторизованными корпусами на флангах и своего построения и армейским корпусом в центре. Танковые соединения пробивались в глубину обороны, а наступавшая в центре пехота перемалывала оказавшегося между двумя глубокими вклинениями противника. Такое построение позволяло рационально использовать дорожную сеть и повышало устойчивость к контрударам – внешние фланги моторизованных корпусов разделяло приличное расстояние. Перерубить «проходческий щит» фланговыми ударами было нетривиальной задачей.

В ограниченном пространстве в Прибалтике построение «проходческим щитом» не применялось, а все остальные танковые группы (3, 2 и 1-я) строились именно так. Внешние фланги 3-й танковой группы образовывали XXXIX и LVII моторизованные корпуса, а центр – пехота V армейского корпуса. На северном фланге стык с группой армий «Север» обеспечивал VI армейский корпус. Острие удара XXXIX моторизованного корпуса было нацелено на переправу через Неман у Алитуса, а 12-я танковая дивизия LVII корпуса двигалась к переправе через ту же реку у Меркине. Важным преимуществом танковой группы Гота было отсутствие водных преград прямо на границе. Танковым группам Гудериана и Клейста нужно было форсировать Буг, а на пути 3-й ТГр такого препятствия не было.

Отсутствие необходимости форсировать водную преграду уже в первые часы боевых действий сделало продвижение танков и мотопехоты Гота особенно стремительным. Пограничные укрепления были взяты с ходу. Беспокойство вызвало только донесение воздушной разведки о мелких группах советских войск, отходящих к Неману. Задачей танковых дивизий становится возможно быстрый прорыв к реке до того, как она станет устойчивым рубежом обороны.

Первой к Неману прорвалась 7-я танковая дивизия XXXIX корпуса. Около часу дня 22 июня она входит в западную часть Алитуса и захватывает оба моста через Неман в неповрежденном состоянии. Даже в не располагающем к эмоциям документе, журнале боевых действий 3-й танковой группы, относительно захвата мостов сказано: «На это не рассчитывал никто». Позднее немцы писали, что у пленного советского офицера-сапера был найден приказ, предписывающий взорвать мосты в 19.00 22 июня. Это позволило им пуститься в рассуждения относительно того, что «ни один советский войсковой начальник не принимал самостоятельного решения уничтожать переправы и мосты». Впрочем, давайте поставим себя на место этого офицера. Буквально только что по радио прозвучала речь Молотова. Первое впечатление – шок. Решиться на взрыв моста довольно далеко от границы через несколько часов после начала войны было не так-то просто. К глубоким прорывам противника еще только предстояло привыкнуть. Кроме того, через мосты отходили отступающие от границы советские части. Взрывать у них перед носом мосты было бы плохой идеей. Через два часа после успешного прорыва к Алитусу удача улыбается соседнему LVII корпусу: мотоциклисты захватывают переправу в Меркине. Все тщательно разработанные в штабе Гота планы строительства переправ взамен взорванных с облегчением откладываются в сторону. Могло показаться, что война с СССР станет очередным «блицкригом».

⁷² ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 231, л. 3.

Шоссейный мост под Алитусом

Если бы советская 5-я танковая дивизия успела выйти к мостам у Алитуса раньше, то форсирование Немана стало бы для передовых соединений 3-й танковой группы сложной задачей. Им бы пришлось продираться через энное количество разнокалиберных танков, и вряд ли она бы завоевала желтую майку лидера. Однако советские танки подошли к мостам уже тогда, когда они были заняты немцами. Поэтому для советских войск сражение развивалось по сценарию «атаки на плацдарм», а не «оборона предмостной позиции». Во второй половине дня 22 июня танкисты дивизии Ф. Ф. Федорова предприняли ряд атак на вражеские плацдармы, но все они были безрезультатны. Атакующие Т-34 были, разумеется, куда уязвимее занимающих статичные позиции. То есть ответ на вопрос «А что случилось с 50 Т-34?» приобретает более простой и очевидный ответ.

Следует признать, что отвод 5-й танковой дивизии из Алитуса стал роковым решением командования Северо-Западного фронта. Она еще до начала боевых действий фактически занимала ключевую позицию на важной магистрали. Однако в 9.35 22 июня Кузнецов докладывал в Москву: «5-я танковая дивизия на восточном берегу р. Неман в районе Алитус будет обеспечивать отход 128-й стрелковой дивизии и прикрывать тыл 11-й армии от литовцев, а также не допускать переправы противника на восточный берег р. Неман севернее Друскеники»⁷³. Задача «прикрытия тыла» была все же куда менее приоритетной, чем противодействие немецкому наступлению. Также опасность со стороны литовцев представляется несколько преувеличенной.

Здесь следует отметить, что переформированные из армий Прибалтийских республик соединения стали настоящей головной болью для командования Северо-Западного фронта. Начальник штаба 29-го территориального корпуса Тищенко вспоминал: «...перед нами встал вопрос об отводе своих войск к Вильно, ближе к своей базе. В то же время чувство дисциплины требовало, чтобы на отход получить приказ начальства, а с ним нет связи. К вечеру, после непрерывных вызовов по радио, вдруг ответил штаб округа и передал короткую шифровку. В

⁷³ СБД № 34. С. 36.

ней было сказано: «Командиру 29-го стрелкового корпуса. Отходить на Вильно, принимая все меры к недопущению восстания в частях корпуса. Кузнецов. Диброва».

На этом фоне вывод 5-й танковой дивизии из Алитуса выглядит вполне объяснимым. Он также подтверждается взятым в плен немцами в самом Алитусе лейтенантом-сапером Козиным (Косиным?). Служивший в 5-й танковой дивизии лейтенант сообщил: «Танковый полк выступил 18 или 19.6 в восточном направлении. Стрелковый полк остался сначала в Олите. Он покинул город примерно в 14 часов 21.6». На следующем допросе он уточнил: «Уже утром в 5.00, получив приказ восстановить дорогу к казарме ⁷⁴, поврежденную бомбой, дивизия начала выходить из Олиты. Признаков наступления не было. Он полагает, что дивизия должна была отойти на север».

Второй шоссейный мост под Алитусом

Лейтенант Козин вообще оказался весьма разговорчивым и сообщил немцам о новом танке КВ-2 и его технических данных. Это вдвойне удивительно ввиду того, что КВ-2 в 5-й танковой дивизии никогда не было, в этой дивизии были Т-34 и КВ-1 с пушкой Ф-32. Однако ни о «тридцатьчетверках», ни о КВ-1 болтливый лейтенант даже не заикнулся.

Несмотря на то что первый раунд с захватом и удержанием плацдарма был ими выигран, попытки немцев прорваться с плацдармов также были поначалу безуспешными. Командование танковой группы планировало «уже в первый день продвинуться так далеко на восток от Немана, насколько это вообще возможно». Однако советские танкисты заняли выгодные позиции на обратных скатах высот на подступах к Алитусу. Как вспоминал танкист 7-й танковой дивизии Хорст Орлов, попытка продвигаться на восток с южного плацдарма сразу привела к потере шести танков. Они стали жертвами советской танковой засады.

Здесь нельзя не отметить, что слова о поражении «тридцатьчетверками» танков 38 (т) 7-й танковой дивизии звучат довольно странно, зная положение с бронебойными снарядами в 3-м мехкорпусе. Возможно, конечно, что танкисты 5-й дивизии получили их до 22 июня. Однако, скорее всего, немецкие танки были поражены шрапнелью на «удар» или стальными гранатами.

Так или иначе, прорыв с плацдарма у Алитуса не состоялся. Гот же продолжал требовать от всех своих корпусов «двигаться дальше на восток, не дожидаясь отставших дивизий. Вечером 22 июня – наступление до последней возможности». XXXIX корпусу предписывалось еще до конца дня прорваться до Вильнюса. Но ни о каком прорыве с двух удачно захваченных переправ пока не было и речи. Ситуация вошла в положение устойчивого равновесия. Советская сторона не могла ликвидировать плацдармы, немцы – «вскрыть» их. Особенно унижительно было то, что соседний LVII моторизованный корпус продвинулся дальше от Немана на восток, поздно вечером он достиг Варены, выполнив задачу дня.

Вечером к Алитусу подошли танки 20-й танковой дивизии. Они были направлены на северный плацдарм. При этом подошедшие танковые части передали часть своего боеком-

⁷⁴ Приказ чинить дорогу получил сам лейтенант Козин.

плекта танкистам дивизии Майнтойфеля – в результате тяжелого дневного боя они расстреляли большую часть боезапаса. Подход подкреплений изменил соотношение сил. Этим было решено воспользоваться и немедленно. Захват немцами сразу двух плацдармов на Немане дал им известную свободу выбора направления главного удара. Около 21.00 22 июня был «вскрыт» северный плацдарм. Советская 5-я танковая дивизия оказалась под угрозой удара во фланг и тыл. От идеи ликвидации немецкого плацдарма на Немане пришлось отказаться. Потрепанные части дивизии Федорова начали отход от Алитуса на северо-восток. Однако воспользоваться открывшимися возможностями дальнейшего продвижения на восток немцы уже не успевают. С наступлением темноты боевые действия прекращаются.

В вечернем донесении 3-й танковой группы бой под Алитусом был оценен как «крупнейшая танковая битва за период этой войны» для 7-й танковой дивизии. Имеется в виду, очевидно, не война с СССР, а Вторая мировая война, начавшаяся 1 сентября 1939 г. Потери советской 5-й танковой дивизии в донесении о бое в штаб группы армий «Центр» были оценены в 70 танков, в ЖБД 3-й ТГр – 80 танков. Соответственно собственные потери по донесению 3-й ТГр составили 11 танков, включая 4 «тяжелых» (видимо, речь идет о Pz.IV). Не совсем понятно, какие потери имеются в виду. Скорее всего – безвозвратные. Соответственно общие потери должны быть по крайней мере в два-три раза больше. По советским данным, из 24 участвовавших в бою танков Т-28 было потеряно 16, из 44 Т-34 – 27, из 45 БТ-7 – 30. Итого 73 машины, что вполне стыкуется с немецкими данными.

Разбитый танк Pz.IV

Нельзя сказать, что Гот был полностью удовлетворен результатами дня. Дело было даже не в том, что не удалось сразу прорваться с плацдармов у Алитуса на восток. В журнале боевых действий 3-й ТГр по итогам дня было записано следующее: «Можно усомниться в том, было ли вообще необходимым и целесообразным введение в бой пехотных дивизий ввиду открывшегося теперь фактического положения противника». Из-за некоторой переоценки немецкой разведкой противостоящих 3-й ТГр сил Красной Армии ее построение «проходческим щитом» было неоптимальным с точки зрения обстановки.

Моторизованные корпуса Гота 22 июня были стиснуты между армейскими корпусами и глубоко эшелонированы в глубину. Неоспоримым плюсом такого положения было спокойствие за тыл, где еще оставались разрозненные советские части. В остальном сужение полос корпусов заключало в себе массу недостатков. Оно замедляло продвижение группы, а также лишало

авангарды, встречавшие сопротивление противника, поддержки далеко отставшей артиллерии. Кроме того, жесткое разделение полос наступления исключало законные цели танков из ведения мотокорпусов. Так, медленное продвижение VIАК к Приенау (он вышел к реке только 23 июня) привело к взрыву там единственного моста через Неман. Если бы к Приенау вышла танковая дивизия, то мост был бы захвачен уже в первые часы войны, когда Красная Армия еще находилась в ступоре перехода от состояния мира к состоянию войны. Наилучшим вариантом для 3-й ТГр был бы прорыв на широком фронте к Неману моторизованными корпусами, с быстрым захватом всех переправ. Приходится в очередной раз констатировать, что перед нами далеко не «идеальный штурм».

В промежутке между 3-й и 4-й танковыми группами наступала пехота 16-й армии, а также VI армейский корпус 3-й танковой группы. Этот удар усугублял и без того серьезное положение 11-й армии. Части 16-го стрелкового корпуса, расположенные в лагерях, выступили по тревоге в 7.30 22 июня и встретились с противником на марше.

Сгоревший под Алитусом танк БТ. На заднем плане виден подбитый и сгоревший немецкий Pz.IV

Здесь, в полосе 11-й армии, состоялся первый подтвержденный противником «огненный таран» советским самолетом наступающей немецкой колонны. Он был отражен в истории 6-й пехотной дивизии, написанной ее командиром: «В полдень дивизия была атакована 20 русскими самолетами, которые смешали свой боевой порядок, когда их атаковали 5 немецких истребителей. За 5 минут 5 русских были сбиты, остальные исчезли. К несчастью, один русский самолет упал рядом с маршевой колонной дивизии, взорвался и окатил находившийся там штаб артиллерийского дивизиона горящим бензином»⁷⁵. Сомнительно, чтобы немцам так крупно не повезло со случайным падением советского бомбардировщика. Скорее всего, пилот в последний момент направил горящую машину во вражескую колонну. Доктор Хаапе, служивший в то время в 6-й пехотной дивизии, нарисовал яркую картину произошедшего: «Проезжавший мимо нас на мотоцикле вестовой крикнул нам, что один из бомбардировщиков рухнул

⁷⁵ Grossman H. Geschichte der rheinisch-westfaelischen G. Infanterie-Division 1939–1945, Poszun, 1958. S. 41.

прямо на артиллерийскую колонну. Там требовалась срочная медицинская помощь. Я припустил галопом в указанную мне сторону и, когда прибыл на место, узнал, что пятнадцать артиллеристов уже мертвы. За зарослями придорожных кустов лежало еще девять очень сильно обожженных солдат. Ожоги пятерых из них были столь ужасны, что я почти не надеялся, что они протянут более одного-двух дней»⁷⁶. По данным штаба ВВС СЗФ, в это время (около 13.00) в этом районе действовал 31-й полк скоростных бомбардировщиков. С 2000 метров советские летчики опознали цель как «скопление танков». К сожалению, фонд 31-го полка практически не содержит документов по лету 1941 г. и установить фамилию совершившего «огненный таран» пилота не представляется возможным.

Командование Северо-Западного фронта приняло ключевые решения уже в первые часы войны. Так, в 9.45 22 июня, примерно через шесть часов после начала боевых действий, на свет появляется директива командующего фронтом на контрудар. Начинается она словами: «Противник занял танковыми и мотоциклетными частями Кретингу. В Таураге ворвались его танки и мотопехота. Видимо, противник пытается окружить части 8-й армии»⁷⁷.

В реалиях Второй мировой войны обороняющемуся жизненно важно было понять, где именно противник ввел элиту своих войск – подвижные соединения, т. е. танковые дивизии. Это направление требовало наибольшего внимания, поскольку именно подвижные (механизированные) соединения могли прорваться в глубину обороны и образовать кольцо окружения. Теоретически это не составляло большого труда: мехсоединения выделяются большой массой колесной и гусеничной техники. Но на практике быстро понять, где нас атакует бронетехника поддержки пехоты, а где – танковая дивизия – было не так просто. Вождение войск делают искусством, а не ремеслом именно такие моменты. Военачальнику нужно принять решение не поздно и не рано. Директиву войскам нужно писать не по первым сбивчивым донесениям, но и не в обстановке полной ясности, когда уже поздно принимать контрмеры. Как мы сейчас знаем, немецкие подвижные соединения в полосе советской 8-й армии были только под Таураге. На приморском фланге была только пехота и штурмовые орудия.

⁷⁶ Хаане Г. Оскал смерти. 1941 год на Восточном фронте. М.: Яуза-пресс, 2009. С. 19.

⁷⁷ СБД. № 34. С. 38.

Подбитый под Алитусом танк БТ-7

Однако выяснилось это далеко не сразу. Силы противника, атаковавшие 10-ю стрелковую дивизию, были оценены штабом 10-го стрелкового корпуса достаточно точно примерно в середине первого дня войны. Уже в оперсводке от 12.00 22 июня указывалось, что они составляют «до двух ПД». В оперсводке от 19.00 22 июня эта оценка сохранилась: «Перед фронтом[10 сд] наступает до двух ПД пр-ка». Действительно, активные действия в первый день войны были предприняты здесь двумя пехотными дивизиями немцев – 291-й и б 1-й. В той же полуденной оперсводке говорилось: «На фронте 90 сд действуют до двух ПД и одного танкового полка или мотодивизии»⁷⁸. Слова «или мотодивизии» были вычеркнуты, и от руки было вписано «имеются моточасти». Это тоже соответствовало действительности – здесь наступали 11-я и 21-я пехотные дивизии. Тем не менее некоторая неопределенность сохранилась в донесениях корпусов в течение 22 июня. В 16.47 22 июня из штаба 10-го стрелкового корпуса было принято донесение «К местечку Сковдас приближается мотомехчасть противника»⁷⁹.

Стандартным средством противодействия глубоким прорывам противника были собственные подвижные соединения. Считалось, что целесообразнее всего их использовать для фланговых контрударов. Еще утром 22 июня Кузнецов и Кленов решили использовать в контрударе соединения 12-го и 3-го механизированных корпусов. 23-я танковая дивизия 12-го мехкорпуса была нацелена на Кретингу, а остальные силы должны были ударить «по флангу и в тыл противнику, прорывающемуся на Таураге». То есть были задуман удар по обоим флангам наступающей на Шяуляй группировки противника, классические «клещи». В 3-м и 12-м мехкорпусах осталось по одной танковой и одной моторизованной дивизии для этого контрудара. В разведсводке штаба Северо-Западного фронта к 18.00 22 июня указывалось: «На участке Шилале, Скаудвиле, Эржвилки, Юрбург наступают до трех пехотных дивизий и около одной танковой дивизии»⁸⁰. Такой противник был двум неполным мехкорпусам «по зубам». Как мы

⁷⁸ ЦАМО РФ, ф. 344, оп. 5554, д. 71, л. 54.

⁷⁹ ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1351, д. 64, л. 8.

⁸⁰ СБД № 34. С. 40.

сейчас знаем, в действительности здесь были две танковых дивизии. Еще одна танковая дивизия немцев (8-я) проскользнула незамеченной на Арёгалу.

Детализация контрудара была отдана Военным советом фронта на откуп командованию 8-й армии. В 14.00 22 июня появляется приказ № 01 войскам армии, в котором 23-й танковой дивизии приказывается нанести контрудар по приморской группировке противника «немедленно», а главными силами 12-го мехкорпуса – в 4.00 утра следующего дня. 3-му мехкорпусу точное время контрудара не задавалось, лишь было указано «2-й танковой и 84-й моторизованной дивизиям выйти к утру 23.6.41 г. в район Россиены для удара по противнику во взаимодействии с 12-м механизированным корпусом и 9-й артиллерийской бригадой противотанковой обороны».

В целом же следует признать, что 4-ю танковую группу штаб Кузнецова существенно недооценил. В журнале боевых действий Северо-Западного фронта об этом говорится вполне однозначно в формулировках, не допускающих двойного толкования. Во-первых, там утверждается, что всего «до 50 танков атакуют Тауроген». Во-вторых, уже в записи, датированной 8.30—9.00, прямо сказано: «Главная группировка до 500 танков прорывается на Кальвария – Алитус. Такая группировка и действия войск врага невольно наталкивают на вывод, что главные усилия противник направил на Алитус – Вильно»⁸¹. Нельзя не отметить, что оценка танковых сил противника под Алитусом в 500 машин не сильно завышена. Там действительно было 494 танка 7-й и 20-й танковых дивизий, а с учетом саперных «единичек» – даже 518 бронеединиц. Часто советская разведка завышала силы противника. Но в данном случае оценка оказалась близка к реальности.

Немецкий танк PzKpfw38(t) едет мимо горящего советского танка. На буксире у «чеха» – бочка с горючим. Район Алитуса

⁸¹ ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1351, д. 200, л. 4.

Подводя итоги дня, штаб фронта констатировал: «Главный удар противник наносил – Кальвария – Алитус – Вильно, вспомогательные: Вилькавишкис – Каунас; Тильзит – Шяуляй»⁸².

Можно было бы предположить, что именно на Алитус будут нацелены самые сильные резервы. Однако задачу парирования главного удара противника штаб Кузнецова делегировал верховному командованию. Если относительно наступления противника на Таураге у Военного совета Северо-Западного фронта сразу созрел план с ударом двумя мехкорпусами по флангам, то прорыв противника в полосе 11-й армии заставил просить помощи у Москвы. В том же донесении от 9.35 22 июня Кузнецов писал:

«Крупные силы танков и моторизованных частей прорываются на Друскеники. 128-я стрелковая дивизия большею частью окружена, точных сведений о ее состоянии нет. Ввиду того, что в Ораны стоит 184-я стрелковая дивизия, которая еще не укомплектована нашим составом полностью и является абсолютно ненадежной, 179-я стрелковая дивизия – в Свенцяны также не укомплектована и ненадежна, так же оцениваю 181-ю [стрелковую дивизию] – Гулбенэ, 183-я [стрелковая дивизия] на марше в лагерь Рига, поэтому на своем левом крыле и стыке с Павловым⁸³ создать группировку для ликвидации прорыва не могу»⁸⁴.

Это «не могу» со стороны выглядит не лучшим образом. Тем не менее следует признать, что своя правда у Кузнецова все же была. Раз на границе оказались вытянутые в нитку на широком фронте дивизии, значит, в распоряжении верховного командования есть достаточно крупные силы, предназначавшиеся для первой операции. Эти крупные силы в распоряжении Москвы действительно были, но они только еще сосредотачивались на рубеже Западной Двины и Днепра. Немедленно затыкать брешь на стыке Северо-Западного и Западного фронтов было нечем.

Вечером 22 июня на свет появился и был разослан в округа весьма интересный и знаковый документ, известный ныне как Директива № 3. Она была отправлена из Москвы в 21.15 22 июня. Уже первая строка Директивы имела прямое отношение к тому, что происходило в Прибалтике: «Противник, нанося удары из Сувалковского выступа на Олита [Алитус. – А.И.]...». То есть информация из штаба Кузнецова была принята к сведению и использована в постановке задач. Соответственно общая задача для войск Красной Армии в Прибалтике звучала следующим образом:

«Концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки»⁸⁵.

Другими словами, утверждение Кузнецова «создать группировку для ликвидации прорыва не могу» было проигнорировано и ему прямо и недвусмысленно указали из Москвы в первую очередь заниматься прорывом противника на стыке с Западным фронтом. В Директиве № 3 задача была не просто поставлена, она была детализирована:

«Армиям Северо-Западного фронта, прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунас во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки»⁸⁶.

Конечно, задача прорваться на Сувалки была неподъемной. Тем не менее сам по себе контрудар из района Каунаса представляется не такой уж плохой идеей. Однако командующий

⁸² Там же, л. 4–5.

⁸³ Павлов Д. Г. – генерал армии, командующий войсками Западного фронта.

⁸⁴ СБД № 34. С. 37.

⁸⁵ 1941 год. Документы. С. 439.

⁸⁶ Там же. С. 440.

Северо-Западным фронтом предпочел синицу в руке. В 22.00 22 июня Кузнецов отправил в Москву еще одно донесение, выдержанное в духе «не могу»: «Получился разрыв с Западным фронтом, который закрыть не имею сил ввиду того, что бывшие пять территориальных дивизий мало боеспособны и самое главное – ненадежны (опасаюсь измены)»⁸⁷.

Заметим, что ссылаясь на небоеспособность территориальных дивизий, Кузнецов мягко уходит от вопроса об использовании подвижных соединений. Две оставшиеся нетронутыми дивизии 3-го мехкорпуса довольно трудно обвинить в низкой боеспособности и ненадежности. Однако у Кузнецова были свои планы на использование мехкорпуса Куркина, и отказываться от них он не собирался. Директива № 3 была им фактически проигнорирована. Никаких новых приказов на контрудар не появилось. В скобках заметим, что слухи о запуганности советских командующих, рабски выполнявших приказы сверху, на поверку оказываются сильно преувеличенными.

Поскольку решение на контрудар было принято командованием Северо-Западного фронта уже утром 22 июня, первые шаги по его реализации были сделаны уже в середине того же дня. 12-й механизированный корпус начал выдвигаться в назначенный район. На марше в районе Груджай 28-я танковая дивизия подверглась сильному удару с воздуха. Было выведено из строя 10 боевых и 6 колесных машин. На командном пункте дивизии жертвой бомбардировки стали еще 3 транспортных машины. Эта активность авиации противника не была случайной. В ЖБД XXXXI танкового корпуса указывалось: «В течение второй половины дня воздушная разведка обнаруживает северо-восточнее Таурогена и севернее Скаудвиле значительные передвижения танков в направлении 1-й тд. Многочисленные атаки «штук» по этим скоплениям приносят хороший результат»⁸⁸.

Помимо ожидаемой реакции (ударов с воздуха), перемещения советских подвижных соединений произвели на противника неожиданное воздействие. 2-я танковая дивизия 3-го мехкорпуса двинулась от Ионая к Расейняю для нанесения контрудара. Эти перемещения были замечены. В истории 8-й танковой дивизии указывается: «Пришло донесение о том, что с востока на Ариогалу движется крупное танковое соединение русских. Вследствие этого наступление было отменено, а позиция на плацдарме усилена прибывшими тем временем на Дубиссу частями дивизии. Находившиеся западнее батальоны получили приказ ускорить свое движение в Ариогалу»⁸⁹. Так, не сделав ни одного выстрела, 2-я танковая дивизия приостановила наступление LVI танкового корпуса Манштейна.

⁸⁷ СБД № 34. С. 44.

⁸⁸ NARA T314, R979, fame 284.

⁸⁹ Haupt W. Die 8. Panzer-Division im Zweiten Weltkrieg. S. 140.

Глава 3

Лиепая. Крепкий орешек

Сражение за город и военно-морскую базу Лиепая нельзя назвать типичным или характерным для 1941 г. Мы оставили 291-ю пехотную дивизию генерала Герцога в тот момент, когда она 22 июня 1941 г. быстро продвигалась в направлении Лиепай. Обособленная задача захвата советской военно-морской базы быстро привела к обособлению соединения от главных сил 18-й армии. Соседний XXVI армейский корпус наступал на северо-восток, все больше удаляясь от двигавшихся строго на север частей 291-й дивизии. Для выполнения специфической задачи она была усилена батареей 210-мм мортир 637-го тяжелого артдивизиона, батареей из двух 280-мм железнодорожных орудий, дивизионом 105-мм пушек и даже бронепоездом. Дивизия генерала Герцога также получила в свое распоряжение подвижные части: 403-й велосипедный батальон и 10-й моторизованный пулеметный батальон. Ввиду «морской» направленности наступления в нем участвовали подразделения Кригсмарине: морской ударный батальон капитан-лейтенанта фон Диета, батальон («зондеркоманда») Биглера для захвата верфи и порта Лиепай и 530-й морской артдивизион (без орудий, для выполнения пехотных задач). Иногда утверждается, что в штурме Лиепай участвовали танки, но в действительности ни танков, ни САУ «Штурмгешюц» в распоряжении Курта Герцога не было.

Вечером 22 июня около 22.00 передовой отряд 291-й пехотной дивизии – 403-й велосипедный батальон – после боя с пограничниками занял Руцаву. Утром 23 июня еще один передовой отряд – 10-й пулеметный батальон – без боя занял станцию Приекуле в 30 км восточнее Лиепай. За 34 часа, прошедшие с начала войны, он углубился на советскую территорию на 70 км. Быстрые прорывы немецких подвижных частей летом 1941 г. часто настолько шокировали советские части, что их принимали за воздушные десанты. Немцы не спешили делиться действительными причинами своего успеха на Западе в 1940 г. Подробности действий танковой группы Клейста не раскрывались. Однако пропаганда изо всех сил трубила об успехах воздушных десантов. Это сделало их настоящим пугалом для советских войск. Вражеские парашютисты мерещились на каждом шагу. Уже поздним вечером 22 июня по приказу командующего 27-й армией Н. Э. Берзарина в Риге создается отряд для борьбы с воздушными десантами противника в составе:

- 1) Рижского пехотного училища;
- 2) моторизованного полка 28-й танковой дивизии;
- 3) курсов политруков.

Когда ранним утром 23 июня последовало сообщение о вражеском «десанте» в Приекуле «численностью до 200 человек» созданный отряд был немедленно задействован для его ликвидации.

Что же в это время происходило в Лиепаве? К началу войны 67-я стрелковая дивизия генерал-майора Н. А. Дедаева, дислоцированная в районе Лиепай, была на учениях к северу от города. Город оказался почти беззащитен. Строго говоря, задачей 67-й стрелковой дивизии являлась оборона побережья Балтийского моря, а не оборона Лиепай с суши. Поэтому один из трех полков соединения – 114-й сп – вообще находился далеко к северу, на побережье в районе Виндавы. Здесь же, на охране побережья у Павилосты, находился один батальон из 56-го полка дивизии. Собственно, в районе Лиепаве в распоряжении Дедаева находилось неполных два стрелковых полка. Два батальона 281-го полка утром 23 июня отправились под Руцаву. Итого после возвращения частей с учений непосредственно в Лиепаве для ее обороны осталось три батальона и артиллерия дивизии.

Один из очевидцев событий, начальник военно-морского училища ПВО в Лиепаве генерал-майор береговой службы И. А. Благовещенский, на допросе в немецком плену подтвер-

ждает именно эту оценку: три батальона из состава 56-го и 281-го стрелковых полков и 300 человек слушателей училища. Вместе с тем нельзя не отметить, что по итогам 1940 г. по боевой и политической подготовке 67-я стрелковая дивизия была на первом месте в Прибалтийском округе. Поэтому даже три батальона могли дать серьезный бой.

Небольшой латвийский город Лиепая (Либава) славился своим торговым портом, который не замерзал даже в самые суровые зимы. Естественно, что это свойство не могло не заинтересовать русских адмиралов. В 1890–1908 гг. для базирования кораблей Балтийского флота в 3 км севернее Либавы с помощью закупленного за границей оборудования был построен военный порт. В межвоенный период военно-морская база рухнувшей империи пришла в запустение, Латвийской Республике она была просто не нужна.

С вхождением Прибалтийских республик в состав СССР в 1940 г. база была лишь частично восстановлена в качестве военного порта. Советское командование осознавало уязвимость вынесенного почти к границе с Германией порта. Перед войной на Лиепе базировалась только 1-я бригада подводных лодок. Незадолго до начала боевых действий военный совет КБФ, заручившись поддержкой наркома ВМФ Кузнецова, вывел из Лиепе два дивизиона подводных лодок с их плавбазами «Смольный» и «Иртыш». Их перебросили в Усть-Двинск. В итоге в базе осталось 15 лодок из 23 в бригаде в целом. Из них исправными к 22 июня 1941 г. числились лодки Л-3, М-77, М-78, М-79, М-81, М-83. Еще две лодки, С-9 и М-80, имели мелкие неисправности. «Малютке» М-71 из-за коррозии корпуса было запрещено погружаться. Две субмарины заканчивали средний ремонт на заводе «Тосмаре» (С-1 и С-3), но еще не были боеготовыми. Бывшие латвийские «Ронис» и «Спидола» готовились к постановке в средний ремонт. Экс-эстонские лодки «Калев» и «Лембит» нуждались в проверке боезапаса и переоборудовании под советские стандарты. Помимо лодок, в Либаве находился отряд торпедных катеров (5 единиц) и катера охраны рейдов (4 единицы).

Мощности судоремонтного завода «Тосмаре» стали ценным приобретением для советского ВМФ. Естественно, их использовали, как говорится, «на всю катушку». Однако осознание надвигающейся опасности заставило вывести из Лиепеи в Таллин ремонтировавшийся минный заградитель «Марти». Причем неисправный корабль вытащили на буксирах. На «Тосмаре» остался в ремонте старый эсминец «Ленин». Пока война не началась, вовсе прекращать работу завода было бы чрезмерной предосторожностью. Поэтому в ночь с 21 на 22 июня в Лиепе для ремонта прибыл тральщик Т-204 «Фугас».

В 4.50 22 июня Военный совет КБФ объявил по флоту о начавшейся войне с Германией. Около 6.30 командование флота получило радиogramму от Н. К. Кузнецова начать мероприятия, предусмотренные планом прикрытия. В дозор на подступы к базе были отправлены сначала две подводные лодки, а затем к ним присоединились еще две. План также предусматривал постановку минных заграждений на подступах к Лиепе. Прибывший ночью тральщик Т-204 оказался тут как нельзя кстати. За 22 и 23 июня он шесть раз выходил в море для постановки заграждений. Всего было выставлено 206 мин образца 1912 г. До конца года на этом заграждении подорвались немецкие охотники за подлодками, сторожевик и два тральщика.

С началом войны был продолжен запущенный еще до нее процесс вывода из близкой к Германии базы боевых кораблей. Уже в первые часы войны последовал приказ начальника штаба флота о переводе лодок в Усть-Двинск. До вечера 22 июня Лиепе покинули подводные лодки «Лембит», «Калев», С-9, М-77 и М-78. Вслед за ними из базы в сопровождении всего одного пограничного катера ушел танкер «Железнодорожник», что позволило вывезти часть запасов жидкого топлива. Этот этап эвакуации прошел сравнительно благополучно, была потеряна только лодка М-78, потопленная утром 23 июня в районе Виндавы немецкой подлодкой U-144.

Вывод частей ВМФ из Лиепеи проходил не только по морю, но и по суше. Утром 23 июня на восток была отправлена 18-я железнодорожная батарея 180-мм орудий. Как писалось

в расследовании обстоятельств потери Либавы «на пути командование батареи получало ряд провокационных слухов даже от официальных лиц (некоторые начальники станций сообщали, что впереди немцами взорваны ж.-д. мосты, на самом деле все они были не тронуты на всем пути следования батареи)». Если бы командиром батареи был склонный к панике человек, она была бы взорвана и ее искореженные орудия стали бы достопримечательностью, на фоне которой фотографируются оккупанты. Но, к счастью, этого не произошло. Пережив несколько авианалетов, в 12.00 24 июня батарея прибыла в Ригу.

На эсминце «Ленин» утром 23 июня были введены в действие два из четырех котлов, корабль самостоятельно отошел от стенки. На нем началась приемка мазута. К 23 июня на южные подступы к городу были выдвинуты части 67-й стрелковой дивизии, которые останавливали наступающих немцев на рубеже реки Барта. Серьезным аргументом обороняющихся были береговые батареи Лиепай – три 152-мм и двадцать два 130-мм орудия.

Своеобразие обстановки для 291-й пехотной дивизии заключалось в том, что она, с одной стороны, должна была штурмовать находившийся на побережье город, с другой – делать это в отрыве от основных сил 18-й армии. Соответственно, на саму Лиепайю поначалу был нацелен лишь один усиленный 505-й пехотный полк полковника Карла Ломейера. В 19.30 23 июня 505-м полком была захвачена Гробиня – узел дорог примерно в 10 км к востоку от Лиепай. Основная масса дивизии с вечера 23 июня выходила в район Приекуле-Скуодас и занимала там оборону фронтом на север и восток.

Появление противника на подступах к Лиепайе круто изменило судьбу оставшихся в базе кораблей. Из двух отремонтировавшихся «эсок» на ходу была только С-3, но она была лишена возможности погружаться. «Ронис» и «Спидола» не имели аккумуляторов. Согласно докладу командира бригады Египко, их вообще планировали использовать в качестве зарядовых станций, а не боевых лодок. М-71 имела сильную коррозию корпуса, из-за которой лодке было запрещено погружаться. Субмарина была сравнительно старой, 1934 г. постройки. На М-80 была неисправна система пополнения запасов воздуха высокого давления для всплытия.

В 22.15 берлинского времени (т. е. в 23.15 московского) 23 июня передовые подразделения 505-го полка вышли к каналу в 5 км к западу от Гробиня. До города было еще далеко, а до искусственных бассейнов военного порта немцам оставалось пройти всего около 3 км. По советским данным, уже в 23.00 порт был обстрелян немецкой артиллерией. Неудивительно, что командование базы охватила паника. Правда, позднее командующий базой капитан 1-го ранга М. С. Клевенский в ходе расследования обстоятельств оставления Лиепайе отрицал, что давал приказ на подрыв кораблей. Якобы решение было принято командиром «Ленина» капитан-лейтенантом Ю. М. Афанасьевым. Против этой версии говорит то, что, помимо эсминца, были взорваны подводные лодки, которые Афанасьеву никак не подчинялись. В итоге в 23.45 23 июня были подорваны эсминец «Ленин», спустя 20 минут – лодки С-1, М-71, М-80, «Ронис» и «Спидола». Избежала подрыва лодка С-3, ее командир капитан-лейтенант Костромичев фактически нарушил приказ на подрыв. В 23.41 23 июня она вышла в море. Перед этим она приняла на борт большую часть экипажа С-1, включая командира и комиссара. Что творилось в душе моряков, когда они слышали взрывы за кормой лодки? Финальным аккордом стал подрыв в 4.20 24 июня минного склада.

Позднее в материалах вышеупомянутого расследования указывалось: «Таким образом, в ночь с 23 на 24 июня вследствие растерянности и паники в руководстве ЛВМБ были уничтожены без вынужденной на то обстановки все находившиеся в Либаве боевые корабли, самостоятельно распушены и ушли все обеспечивающие средства, подорван минный склад и т. д., и в базе остался только дивизион ТК в составе пяти катеров»⁹⁰. Экипажи кораблей усилили сухопутный фронт.

⁹⁰ Страшная цена победы. С. 319.

Тем временем лодка С-3 в ночной темноте медленно шла 5-узловым ходом вдоль берега. Можно только представить себе настроение экипажей, на глазах которых только что произошел подрыв кораблей. Вынырнувшие из предрассветной тьмы в 3.30 в районе маяка Ужава два корабля с незнакомыми силуэтами не обещали ничего хорошего. Это были «шнелльботы» – торпедные катера S-35 и S-60. 100-мм пушка «эски» не была надлежащим образом смонтирована и вести огонь не могла. Советские моряки отстреливались из 45-мм пушки и стрелкового оружия. Под шквалом огня 20-мм автоматов и пулеметов находившиеся на палубе и мостике были убиты или ранены. От интенсивной стрельбы автоматические пушки катеров вышли из строя. «Шнелльботы» атаковали лодку торпедами, но промахнулись. Вскоре в ход пошли ручные гранаты. Точку в этом бою поставила глубинная бомба, сброшенная у носа С-3 катером S-60. Получившая большую пробоину советская субмарина быстро затонула. Немцы подняли из воды 20 советских моряков. Оба командира лодок погибли.

По плану предполагалось взять Лиепая уже 24 июня, поэтому наступление 505-го полка 291-й пехотной дивизии на город генерал Герцог запланировал на 2.30 ночи. Период «белых ночей» позволял действовать относительно свободно даже в ночное время. Однако немецкое ночное наступление на Лиепая оказалось сорвано атакой с северо-запада – к городу подошел для ликвидации «воздушного десанта» 28-й мотострелковый полк подполковника Шерадезешвили. По немецким данным, атака последовала уже в 2.00 ночи 24 июня (по берлинскому времени). По данным ЖБД 27-й армии, мотополк развернулся у Дурбена (15 км от Гробина и в 25 км от Лиепая) около 7.00 утра и перешел в наступление.

Важным преимуществом немецких войск летом 1941 г. являлась многочисленная разведывательная авиация. В интересах 291-й пехотной дивизии действовало звено 2./ (H)21. Это позволило провести разведку с воздуха и установить местоположение советского мотополка. Строго говоря, атака на Гробину могла последовать как с севера, от Вентспилса, так и с востока от Скрунды (где немецкой разведкой отмечались остатки 10-й стрелковой дивизии). Обзор с воздуха позволил установить виновников срыва ночной атаки. Пилоты «костылей» докладывали: «Колонна группами по 4–5 машин находится на западной окраине Хазенпот⁹¹. Длина колонны – 30 км, расстояния между группами 1–2 км»⁹². Немецкие разведчики были обстреляны, но безрезультатно.

После разведки пришел час ударной авиации. Имея если не господство, то преимущество в воздухе, немцы могли оказывать эффективную и оперативную поддержку своим войскам авиацией. Уже около полудня 24 июня мотополк был подвергнут бомбардировке с воздуха. Во второй половине дня мотополк отошел к Айзпуте, а затем к Кулдиге. Если бы на подступах к Лиепе действительно были парашютисты, их еще можно было разгромить мотополком. Однако полновесный немецкий пехотный полк с 210-мм мортирами, да еще поддержанный авиацией, был мотострелкам уже явно не по зубам.

Неприятным сюрпризом для немцев стала береговая артиллерия. Поначалу она даже была идентифицирована немцами как «28-см орудия». На самом деле ни одного ствола калибром 280 мм в городе не было. Надо сказать, что в документах Кригсмарине советская береговая артиллерия в Лиепе оценивается более реалистично. Как максимальный калибр называется 15 см (что соответствовало действительности), хотя отмечается, что их снаряды «имеют удивительную разрывную силу». Возможно завышенная оценка связана с наличием в распоряжении штурмующих 210-мм мортир, пасовать с которыми против орудий меньшего калибра было стыдно.

Эффективность огня морской артиллерии не была случайностью. Командиры и матросы лиепайских батарей прибыли с Черноморского флота и отличались хорошей выучкой. Также

⁹¹ Немецкое название Айзпуте.

⁹² NARA T315 R1906.

батареи были хорошо замаскированы, и все попытки расправиться с ними потерпели неудачу. Немцы лишь отмечали, что пока самолет-разведчик находился в воздухе, батареи молчали, не открывая своих позиций противнику.

В ЖБД 291-й пехотной дивизии флегматично указывается: «3 Ю-88 бомбили северную батарею в составе 5 орудий. Батарея выведена с прибрежных позиций. Запрос, стало ли легче войскам. Ответ – легче не стало, поскольку попаданий в батареи достигнуто не было»⁹³.

Поддержка береговой артиллерии позволила Дедаеву предпринять вылазку и контратаковать штурмующих. Ситуация благоприятствовала такой атаке – на подступах к городу был всего один усиленный немецкий пехотный полк. Советская вылазка оказалась достаточно результативной. В одном из донесений 291-й пехотной дивизии относительно действий морского ударного батальона отмечалось: «Из-за недостаточной выучки и нехватки шанцевого инструмента батальон, который изначально наступал под командованием капитан-лейтенанта фон Диета с большим моральным подъемом, понес существенные потери. Когда вскоре погиб командир и основная масса офицеров, в части началась настоящая паника, она обратилась в бегство, и остановить ее удалось только далеко в тылу»⁹⁴.

Совместными усилиями частей 67-й стрелковой дивизии и 28-го мотострелкового полка первый штурм Лиенаи был сорван. Как отмечается в истории 291-й пехотной дивизии, «быстро стало ясно, что стремительной атакой победы не достичь. Четыре последующих дня тяжелых боев отчетливо показали, что русские являются упорными бойцами»⁹⁵.

В разгар боев на подступах к межозерному дефиле немцами была предпринята попытка захватить город кавалерийским наскоком. В захваченный в Приекульне поезд посадили саперов, и он отправился для захвата вокзала Лиенаи. В Лиенаю о непрошенных гостях сообщил дежурный по станции Гавиз. Ответ был простым, но эффективным. Навстречу эшелону был направлен паровоз без машиниста. Произошло столкновение, локомотивы сошли с рельсов, вагоны были сильно повреждены. Немецкие пехотинцы продолжили путь пешком. Попытка взять советскую военно-морскую базу кавалерийским наскоком провалилась. Обычно этот эпизод относят к 23 июня, однако в ЖБД 291-й пехотной дивизии он датируется 24 июня.

Немецкое командование спешило быстрее расправиться с Лиенаей. Штурм города вновь было решено продолжить ночью. Первоначально предполагалось перейти в наступление в 17.00 24 июня, но задержка с доставкой боеприпасов заставила вновь понадеяться на свет «белой ночи». Планировалось атаковать город после авиаудара. Налет в итоге не состоялся, но это не сочли серьезным препятствием. По-прежнему задача ворваться в Лиенаю возлагалась на 505-й полк дивизии Герцога, 506-й полк стоял в обороне на случай возобновления атаки советских мотострелков с северо-востока. Наступление началось в 1.30 ночи (берлинского времени) 25 июня. Атакующих вновь встретил шквальный огонь крепостной артиллерии. Окончательно немецкая атака остановилась на линии старых фортов морской крепости в дефиле между двумя озерами. В утреннем докладе 291-й дивизии в штаб 18-й армии констатировалось, что ночной штурм потерпел неудачу: «Из-за проблем с артиллерийскими боеприпасами наступление в настоящий момент захлебнулось. Мощная крепостная артиллерия противника сковывает все передвижения»⁹⁶. В ЖБД группы армий «Север» 25 июня появляется запись: «Наступление 291-й пд в районе Либава приостановлено ввиду сильного сопротивления противника, поддерживаемого мощным огнем стационарных батарей, и намечено на 26.б»⁹⁷.

⁹³ NARA T315 R1906.

⁹⁴ NARA T315 R1906.

⁹⁵ Conze W. Die Geschichte der 291. Infanterie-Division 1940–1945. Podzun, 1953. S. 20.

⁹⁶ NARA T315 R1906.

⁹⁷ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12462, д. 180, л. 8.

Провал первой попытки штурма заставил немцев со всей тщательностью подготовиться к штурму Лиепай. Теперь советскую военно-морскую базу предполагалось атаковать как с востока, так и с севера. 506-й пехотный полк 291-й дивизии должен был выйти к побережью севернее Лиепай и наступать на город по прибрежной дороге с севера. 505-й полк – повторить наступление в межозерном дефиле. Дивизии Герцога был целиком передан 637-й дивизион 210-мм мортир, а также обещана поддержка авиации. Предполагалось использовать зажигательные бомбы для выжигания маскирующих советские позиции кустарника и тяжелые фугасные авиабомбы. О силе запланированного авиаудара говорит то, что пехотинцев предполагалось перед налетом бомбардировщиков отвести на 2000 метров назад. Первоначально намеченный срок 26 июня был вскоре изменен. Начало нового наступления запланировали на 28 июня – требовались накопленные боеприпасы.

Нет никаких сомнений, что новый немецкий штурм стал бы роковым для защитников Лиепай. Силы защитников под ударами немецкой артиллерии неуклонно таяли. Во время рекогносцировки был тяжело ранен и вскоре умер генерал-майор Н. А. Дедаев. К вечеру 25 июня потенциал обороны Лиепай был практически исчерпан. Истощение запасов боеприпасов в Лиепай не позволяло уже повторить успех отражения первого штурма 24–25 июня. У береговых батарей оставалось всего по 10 снарядов на пушку. Надежды на деблокирование также не оправдывались: мотострелковый полк и курсанты, посланные из Риги, к Лиепай так и не пробились. Удачная позиция за двумя озерами грозила стать мышеловкой. Однако в судьбу Лиепай вновь вмешался случай.

В 15.45 26 июня из штаба 27-й армии 67-я стрелковая дивизия получила приказ, идущий вразрез со всеми предыдущими распоряжениями. Он гласил: «Не ожидая соединения с поддержкой, немедленным прорывом оставить Либаву и, подчинив себе моторизованный полк, батальоны Рижского училища и 114-й стрелковый полк, отойти на рубеж р. Лиелупе»⁹⁸. Почему Берзарин вдруг решил отказаться от удержания Лиепай, очевидно – захват немцами утром 26 июня Двинска (Даугавпилса) резко изменил обстановку на фронте. Войска получили приказ на отход на рубеж Западной Двины. Чем дальше бы отошел фронт, тем труднее было бы к нему пробиться. Сложилась парадоксальная ситуация: армейцы стали готовиться к прорыву, а командование военно-морской базы никаких указаний о ее эвакуации не получало. Клевенский стал лихорадочно запрашивать командование флота – что делать? Комфлота Трибуц связался с наркомом ВМФ Кузнецовым и получил «добро» на эвакуацию. Приказ был «все, что нельзя вывезти, нужно уничтожить».

В число уничтожаемых попала лодка-«малютка» М-83. Она вернулась с позиции под Лиепай ввиду поломки перископа и повреждения глушителя дизеля, из-за которого вода начала поступать в двигательный отсек. Поскольку база была фактически разгромлена во время паники в ночь с 23 на 24 июня, отремонтировать лодку было некому и нечем. Командир бригады Египко в написанном по горячим следам событий докладе сетовал, что командир М-83 фактически проигнорировал его приказ следовать в Усть-Двинск. Реально приказ был получен на лодке уже после рокового возвращения в Лиепай. К слову сказать, остальные лодки дозора (Л-3, М-79, М-81) благополучно избежали гибели. В итоге в 2.30 27 июня М-83 была затоплена экипажем в морском канале Лиепай.

Раненых, которых насчитывалось уже более тысячи человек, решили вывезти морем. Морем же эвакуировалось командование базы во главе с Клевенским. Госпитальное судно «Виениба» вышло из Лиепай в 5.00 утра 27 июня в сопровождении трех торпедных катеров. Около 6.00 оно было атаковано немецкими самолетами и вскоре потоплено. Вместе с ним был потоплен один катер. С «Виенибы» спаслись только 15 моряков. Еще один катер был поврежден «шнельботами», с него сняли экипаж и катер бросили. Остальные вышедшие из базы

⁹⁸ СБД № 34. С. 253.

корабли относительно благополучно добрались до Риги. Тем не менее судьба «Виенебы», С-3 и М-78 говорит о том, что прорыв «Ленина» и неисправных лодок вовсе не был гарантирован. М-83 тоже получила повреждения после срочного погружения под атакой «шнелльботов». Встреча с противником была весьма вероятной. Поэтому в прорыве из Лиепае легко могли поставить точку торпеды «шнелльботов», подводных лодок или бомбы самолетов Люфтваффе.

В 10.00 27 июня после 10—15-минутной артподготовки начался прорыв из Лиепае сухопутных частей. Прорывались они двумя колоннами по разным направлениям. Одна пробивалась вдоль побережья на север, вторая – вдоль шоссе и железной дороги на восток. Прорыв в северном направлении по шкедской дороге застал 506-й полк дивизии Герцога врасплох. В ЖБД 291-й пехотной дивизии констатировалось: «Западнее озера Тазу артиллерия, ПТО и зенитки полностью разгромлены»⁹⁹. Один из батальонов 506-го полка даже оказался окружен. По признанию немцев, закрыть «окно» прорыва им удалось с большим трудом.

Генерал-майор Н. А. Дедаев, командир 67-й стрелковой дивизии

Проскочившие на север отряды позднее соединились с главными силами Северо-Западного фронта в районе Риги и Крустпилса. Всего из Лиепае удалось выйти 2 тыс. человек.

Второй колонне повезло меньше. На Гробиньском шоссе 505-й полк поддерживал 10-й пулеметный батальон. Прорывающиеся советские части встретил шквал огня станковых пуле-

⁹⁹ NARA T315 R1906.

метов. Командир курсантской роты В. А. Орлов позднее вспоминал: «Выбор направления вдоль железной дороги и Гробиньского шоссе был неудачным... прорваться здесь из кольца окружения не удалось»¹⁰⁰. Следует, однако, заметить, что прорыв по Гробиньскому шоссе обеспечивался деблокирующим ударом мотострелков на внешнем фронте окружения. По немецким данным, попытки деблокирования были достаточно энергичными, в них был задействован бронепоезд, пробивавший дорогу эшелону с войсками (скорее всего, рижским курсантам).

На допросе в немецком плену генерал-майор Благовещенский описывал происходившее на Гробиньском шоссе: «Средняя дорога была забита бронемашинами, орудиями, грузовиками и обозом. Снаряд угодил в один из передних танков, взорвался и поджег еще несколько. Возник жуткий хаос, когда начал рваться боекомплект. Движущиеся части делали разрозненные попытки вырваться из сумятицы»¹⁰¹. Вместе с тем допрашивающие отметили, что, по мнению Благовещенского, «большинству прорыв удался, однако в полном беспорядке».

Те части, которые не смогли прорваться, отступили в город и продолжили сражение на его улицах. 28 июня последовала еще одна попытка прорыва, частично удавшаяся. На этот раз защитники города прорывались на юг. Им удалось не только вырваться из кольца, но и дойти до Скуодаса. В ЖБД 291-й пехотной дивизии отмечалось: «30 русских грузовиков, очевидно, прорвавшихся из Либавы на юго-запад, нарушают порядок на коммуникациях. Атакованы Ленкимай и особенно Скуодас, где убит комендант»¹⁰². Причем именно в это время через Скуодас должен был пройти эшелон с боеприпасами для 291-й дивизии, для его защиты немцам пришлось срочно выдвигать бронепоезд.

Уличные бои в Лиепае продолжались до 29 июня. По состоянию на утро этого дня южная часть города (к югу от канала торгового порта) еще оставалась в руках советских войск, хотя 505-м полком Ломейера уже были захвачены плацдармы на южном берегу канала. Сопrotивление защитников удалось сломить только во второй половине дня. Однако на этом история обороны Лиепае не закончилась. В городе еще оставались отдельные очаги сопротивления из числа тех, кто не смог прорваться. В частности, это были доты на побережье у верфи. В ЖБД морского командования за 29 июня отмечалось:

«...удается захватить дот, после того как в его амбразуры заливается и поджигается бензин. Но даже после этого выбежавший из горящего дота противник перешел в атаку и нанес нам потери. Это – свидетельство исключительного упорства большевиков в бою».

В июле 1941 г. было проведено расследование обстоятельств оставления базы и уничтожения ее имущества и боевых кораблей. Первым виноватым стал командир эсминца «Ленин» Афанасьев. Он был приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Однако на этом разбирательство не закончилось. Уже 28 июля военная прокуратура КБФ санкционировала арест капитана 1-го ранга М. С. Клевенского. 12 августа он был осужден на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. Впрочем, вскоре он был амнистирован и направлен в действующую армию.

После войны, в период оборонческой истерии в СССР, Лиепая стала примером успешной «прочной обороны». Людей подводили к мысли: «Вот если бы все действовали, как Дедаев...» Не умаляя заслуг генерала Дедаева, следует подчеркнуть, что относительно долгое сопротивление Лиепае было предопределено несколькими факторами. Во-первых, сами условия местности с озерными дефиле благоприятствовали обороне базы. Во-вторых, успеху обороны Лиепаи в значительной степени способствовали результативные действия 28-го мотострелкового полка и рижских курсантов. Нажим со стороны Айзпите заставлял немцев выделять часть сил для обороны фронтом на восток. Немцы же были вынуждены часть сил держать фронтом на восток и северо-восток, уменьшая численность штурмующей Лиепаю группировки.

¹⁰⁰ Страшная цена победы. С. 330.

¹⁰¹ NARA T315 R1906.

¹⁰² NARA T315 R1906.

С другой стороны, оказывается, что оборона Лиенау является недооцененным ныне локальным успехом Красной Армии. Советская книга об обороне Лиенау «Крепость без фортов» 1966 г. перегружена политической трескотней, и не выбивается из общего ряда пропагандистских работ того периода. Многие из тех легенд давно осыпались как карточные домики. Казалось бы, за ними должна была последовать «крепость без фортов». Особенно в связи с тем, что «форты» (долговременные фортификационные сооружения) как раз в ней были.

Однако под Лиенау противнику действительно были нанесены чувствительные потери при умеренных своих. Достаточно сказать, что немецкими трофеями в Лиенау стали всего 659 винтовок всех типов и 98 станковых и ручных пулеметов¹⁰³. Эти цифры позволяют примерно оценить число убитых и взятых в плен защитников города. Потери же немецкой 291-й пехотной дивизии составили 1413 человек, в том числе 445 человек убитыми и 106 пропавшими без вести¹⁰⁴. Наиболее тяжелые потери понес 505-й пехотный полк дивизии – 178 человек убитыми и 32 пропавшими без вести. Это, впрочем, не помешало полковнику Ломайеру получить по итогам штурма Лиенау Рыцарский Крест. Морской ударный батальон и батальон Биглера добавили к этой величине еще 196 человек, в том числе 53 человека убитыми и пропавшими без вести¹⁰⁵. Для сравнения: потери

45-й пехотной дивизии в ходе штурма Брестской крепости составили 364 человека убитыми и 272 пропавшими без вести. Этот результат, заметим, оказался достигнут ценой уничтожения гарнизона крепости, он практически полностью был уничтожен или взят в плен. Гарнизон Лиенау не только нанес противнику чувствительные потери, но и сумел вырваться из кольца.

Картина лишь в некоторой степени оказывается смазанной провальными действиями военно-морских сил. Тем не менее советскую легенду об обороне Лиенау можно считать в целом подтвержденной. Также эта страница войны показывает, что, будучи искусственно выведенными из обычных для лета 1941 г. условий (оборона на широком фронте) и оказавшись на равных с противником, советские части продемонстрировали неплохие бойцовские качества.

¹⁰³ NARA T315 R1906 frame 661.

¹⁰⁴ NARA T315 R1906 frame 639.

¹⁰⁵ NARA T315 R1906 frame 606.

Глава 4

От Таураге к Расейняю

С наступлением ночи с 22 на 23 июня были уже, казалось, все предпосылки к постепенному затиханию боев. Обе стороны пережили долгий и трудный день, бои гремели с раннего утра. Солдатам был нужен отдых. Однако покой им только снился. В полночь вновь атаковали позиции 125-й стрелковой дивизии и заставили ее отступить дальше на Скаудвиле. Вслед за этим последовал удар «под дых». Ночью на штаб 125-й стрелковой дивизии было произведено внезапное нападение противника. Были убиты или пропали без вести ряд командиров штаба. Неясно, кем была совершена эта вылазка. Не исключено, что штаб атаковали специально обученные диверсанты. В истории войны есть подтвержденные эпизоды применения немцами так называемых абвергрупп для дезорганизации управления советскими частями и соединениями. На направлении главного удара использование таких спецподразделений представляется вполне вероятным и объяснимым. Возможно, это была просто одна из вырвавшихся вперед немецких частей. Полного разгрома советского штаба, впрочем, не произошло. Больше всего пострадало имущество батальона связи дивизии. Были уничтожены и разбиты почти все средства связи соединения. Это означало потерю управления отходящими полками. Более того, по данным на утро 23 июня, были убиты командир 466-го полка 125-й дивизии и его заместитель по политической части. Полк был фактически обезглавлен.

По счастью, на подступах к Шяуляю еще до начала войны заняла позиции 202-я моторизованная дивизия 12-го мехкорпуса. Для разбитых на границе частей это был спасительный заслон, за которым можно было привести себя в порядок. За линию обороны мотострелков комкор Шумилов отводил потрепанные части 125-й и 48-й стрелковых дивизий. Однако даже к полудню 23 июня Шумилов писал о двух полках 125-й дивизии: «Сведений о 749 и 657 СП не имею». Так примерно за сутки немцами была полностью взломана оборона советской стрелковой дивизии, оказавшейся на направлении главного удара. Она была неплохо вооружена и еще до войны заняла усиленные отдельными дотами позиции. Однако под ударами немецких танков и артиллерии ее разбросанная на широком фронте оборона рассыпалась.

Оборона не просто пошатнулась, она именно дрогнула и рассыпалась. Утратившие связь с командованием части 125-й дивизии стали отходить неорганизованно, без четко определенных задач. Тылы и наименее стойкие подразделения самовольно ускорили отход в направлении Шяуляй, не оказав даже должной поддержки и не организовав прикрытия отходящей артиллерии 51-го корпусного артполка. Собственно, именно артиллеристы не позволили противнику разгромить отступающие части. Немцы с уважением писали об этом: «Движущийся в авангарде батальон у Ивангисная вновь сталкивается с сопротивлением артиллерии и ПТО противника. При поддержке танков противника удастся отбросить и здесь». Отстреливаясь прямой наводкой от наседавшей пехоты и танков врага, подвергаясь непрерывному воздействию немецкой авиации, артиллеристы отходили в район Кельме.

Перед рассветом 23 июня боевая группа Крюгера 1-й танковой дивизии уже готовилась атаковать Скаудвиле. В истории дивизии указывалось, что он был атакован бронегруппой: «Сопротивление противника при Скаудвиле сломали идущие вместе в голове колонны бронетранспортеры 1-й роты 113-го стрелкового полка и танки I батальона 1-го танкового полка». В 5.08 немцам удастся пройти город насквозь. Здесь ими были захвачены четыре «21-см мортиры», т. е. советские 203-мм гаубицы Б-4 образца 1931 г. Вероятно, орудия принадлежали 402-му артполку большой мощности. Так на второй день войны был открыт мрачный счет потерянных в 1941 г. советских тяжелых гаубиц.

Бомбардировщик СБ-2 ранних серий выпуска на аэродроме Митава-Платоне

Боевые группы 1-й танковой дивизии уверенно двинулись дальше вдоль шоссе на Шяуляй. Здесь их, словно охотник «на номере», ждала на позициях 9-я противотанковая артиллерийская бригада. Однако в 10.30 на командном пункте дивизии появляется сам командир XXXXI корпуса генерал Рейнгардт. Он сообщил о своем намерении сконцентрировать 6-ю и 1-ю танковые дивизии как можно теснее в направлении на Шадов (Шедуву). Причиной для такого решения стало донесение воздушной разведки. Летчики сообщили о подходе к Кедайнаю с юго-востока советской танковой дивизии. Это была, как нетрудно догадаться, 2-я танковая дивизия генерала Солянкина. Она должна была сначала столкнуться с 6-й танковой дивизией XXXXI корпуса, но само ее появление заставило насторожиться. Рейнгардт хотел встретить резерв противника плотным «кулаком». На практике это означало поворот с шоссе на Шяуляй, 1-я танковая дивизия разворачивалась на восток. Наступать на Шяуляй теперь следовало только при благоприятных обстоятельствах, чтобы там быстрым ударом захватить необходимый Люфтваффе аэродром. В качестве заслона от возможных контрударов под Скаудвиле были оставлены разведбат и мотоциклетный батальон дивизии, которым был придан 616-й батальон истребителей танков на самоходках Panzerjaeger I. Для легких танков 12-го мехкорпуса это был очень серьезный противник.

Тем не менее, по советским данным, атака немецких танков на позиции 202-й моторизованной дивизии и 9-й противотанковой бригады все же состоялась. Около полудня 23 июня немецкие танки вышли на позиции 3-го дивизиона 636-го полка 9-й ПТАБР. Силы немцев были оценены советской стороной в 50 танков. Сначала в прицеле артиллеристов полковника Полянского появились броневые автомобили. Они с легкостью поражались на дистанции до 1500 м. Следующим блюдом были танки, идентифицированные как «легкие». Их снаряды советских пушек на дистанции 1000 м уже не поражали. Попадания осколочных и фугасных гранат делали лишь вмятины на броне. Танки противника удавалось выводить из строя только попаданиями в ходовую часть. Однако на дистанциях 600–800 м броня «легких танков» уже свободно пробивалась.

Может возникнуть вопрос: «Почему же у вооруженной мощными 76-мм и 85-мм пушками бригады возникли сложности с уничтожением немецких легких танков?» Ответ обнару-

живается в июльском донесении штаба бригады, в котором было прямо сказано: «Бронебойных снарядов для 76-мм пушек образца 1936 г. за все время действий не было»¹⁰⁶. Комментарии, как говорится, излишни. Палочкой-выручалочкой были 85-мм зенитки 52-К. «85-мм дистанционная граната пробивает немецкие танки всех размеров» – так о ней отзывались даже в конце 1942 г. под Сталинградом.

Генерал-майор Франц Ландграф обсуждает обстановку с командиром 6-й мотострелковой бригады полковником Эрхардом Раусом

Однако в ЖБД 1-й танковой дивизии и XXXXI корпуса факт столкновения с противотанковой бригадой 23 июня никакого отражения не нашел. Причиной отказа от продвижения на Шяуляй вдоль шоссе было появление на горизонте советских танковых резервов. Проба

¹⁰⁶ ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1353, д. 79, л. Зоб.

на прочность советской обороны на шяуляйском направлении если все же имела место, то носила характер случайного столкновения перед поворотом на восток. Оценка противника командованием 1-й танковой дивизии на тот момент была достаточно оптимистичной: «Перед фронтом боевой группы Крюгера отступает вражеская стрелковая дивизия, частично оставляя свою тяжелую артиллерию. Перед боевой группой Вестховена противник, оставляя часть своей артиллерии, также отходит на Дубиссу»¹⁰⁷.

Следующей целью дивизии Кирхнера стал железнодорожный мост через Дубиссу. Его захват должен был обеспечить переправу танков и уверенное снабжение всей группы армий в ходе дальнейшего наступления к Ленинграду. В приказе корпусу Рейнгардта от 20 июня 1941 г. по использованию «учебного полка 800», т. е. «Бранденбурга», особо подчеркивалось: «В начале операции в полосе танковой группы в качестве важного для высшего руководства объекта обозначен железнодорожный мост Людавенай, поскольку его захват в неповрежденном состоянии важен для позднейшей организации снабжения по железной дороге»¹⁰⁸.

Этот мост действительно был впечатляющим инженерным сооружением, около 45 м высотой и 270 м длиной. Если бы его успели взорвать, то восстанавливать такой высокий мост было бы непростой задачей. Однако разведывательных данных у немцев для гарантированного захвата важного объекта было явно недостаточно. В истории 1-й танковой дивизии отмечается: «*О* железнодорожной переправе имелся лишь один плохой аэрофотоснимок. Он показывал наличие с обеих сторон моста укрепленных полевых позиций». Впрочем, внезапной атаке благоприятствовал подступавший к мосту лес. Вопреки традициям, когда диверсанты маскировались под отступающие части, «бранденбургеры» форсировали реку в стороне от моста и подошли к нему с тыла. Это не было импровизацией, в вышеупомянутом приказе оговаривалась возможность использования диверсантов «как с запада, так и – в случае удачной переправы севернее или южнее этого железнодорожного моста – с востока». С фронта «бранденбургеров» должны были поддержать две бронемашины и четыре БТР с мотопехотой из 1-й танковой дивизии. Вылазка диверсантов и атака мотопехоты последовали одновременно, в 18.10. Стратегически важный железнодорожный мост удалось захватить неповрежденным.

¹⁰⁷ NARA T315 R16 f947.

¹⁰⁸ NARA T314 R979 f1169.

Танк Pz.IV 6-й танковой дивизии во время боев под Расейняем

А где же были в это время механизированные соединения, еще 22 июня нацеленные на фланг наступающих через Таураге немцев? 28-я танковая дивизия полковника И. Д. Черняховского, совершив 50-километровый марш, к 10.00 утра 23 июня заняла исходное положение для наступления. Однако прожорливые БТ-7 соединения остались без горючего и не могли выполнять поставленную задачу. Для их заправки требовалось не менее 60–70 тонн бензина, а его на месте не было. Дивизионные склады все еще оставались в районе постоянной дислокации, в Риге, в 190 км от района сосредоточения дивизии. Начальник тыла корпуса полковник В. Я. Гринберг и начальник снабжения дивизии интендант 1-го ранга Д. И. Дергачев делали все, чтобы своевременно обеспечить части горючим. Усугублялась ситуация постоянными атаками с воздуха на высланные в Ригу колонны автоцистерн. В аналогичной ситуации немцы практиковали доставку горючего по воздуху. То же самое иногда делалось в Красной Армии во второй половине войны. Однако в реалиях 1941 г. это было практически невозможно.

Тем временем марш и сосредоточение советских танков были замечены противником. В одной из утренних записей в ЖБД 1-й танковой дивизии указывалось: «Разведка сообщает, что на левом фланге дивизии находятся вражеские танки и моторизованная артиллерия. Сформировавшееся еще накануне предположение, что там находится мотомеханизированная бригада противника, подкрепляется результатами разведки»¹⁰⁹. Пауза с заправкой могла иметь для советских танкистов поистине роковые последствия. Если бы не появление на горизонте дивизии Солянкина, немцы вполне могли атаковать и разгромить стоящие без бензина танки.

Горючее было доставлено в 28-ю танковую дивизию только к 13.00. Немалое время заняла заправка боевых машин. В итоге дивизия Черняховского продолжила движение только в 15.00. С противником танкисты столкнулись только в 22.00, когда авангардный 55-й танковый полк был обстрелян с северной опушки леса в районе Калтиненая. Полк развернулся и атаковал противника. По итогам боя было заявлено уничтожение артиллерийской батареи и до

¹⁰⁹ NARA T315 R16 fame 950.

7 противотанковых пушек противника. Собственные потери составили 13 танков. Не добившись решительного результата, полк отошел на север. С наступлением темноты дивизия была отведена на 7 км, в район Пошиле.

88-мм зенитная пушка на прямой наводке

Оценка противником действий 12-го мехкорпуса 23 июня была невысокой: «Перед фронтом [1 тд. – А.И.], очевидно, сражаются части двух мотомеханизированных бригад, предполагавшихся у Тельпая. Руководство этими бригадами, похоже, неорганизованное и вялое». В качестве бригад числились, судя по всему, 28-я и 202-я дивизии. В итоге в журнале боевых действий 1-й танковой дивизии ехидно констатировалось: «Поскольку противник использует свои моторизованные силы, находящиеся на левом фланге дивизии, нерешительно и бессвязно, и до сего момента состоялось боевое соприкосновение, похоже, только с передовыми частями, для прикрытия левого фланга хватит усиленного 1-го батальона мотоциклистов и 4-го разведбата»¹¹⁰. Впрочем, если бы Черняховский смог атаковать в первой половине дня 23 июня, его дивизию бы ждало избиение силами новейших немецких танков, почти неуязвимых для 45-мм орудия ВТ. Такие случаи в ходе Приграничного сражения тоже имели место, например под Пружинами и Бойницей.

С утра 23 июня на фронте 48-й стрелковой дивизии началось сражение за Расейняй. Ему предстояло греметь в окрестностях этого небольшого городка в течение ближайших нескольких суток. Здесь тоже не обошлось без странностей. Уже в начале дня пропали без вести командир 48-й дивизии генерал-майор Богданов, начштаба соединения и представитель из штаба корпуса батальонный комиссар Серебряков. Тогда их сочли погибшими. Сегодня нам известно, что генерал-майор П. В. Богданов попал в плен, точнее, даже добровольно сдался в плен. На построении в лагере в Сувалках он выдал немцам комиссара своей дивизии Фомина и старшего политрука Колобанова. Изучение биографии 41-летнего генерала Павла Васильевича Богданова приводит к выводу, что его предательство не было спонтанным. В начале 1938 г. он был исключен из партии и в течение нескольких месяцев находился под следствием.

¹¹⁰ NARA T315 R16 fame 951.

В конце 1938 г. он был восстановлен в партии, а в 1939 г. возглавил 48-ю стрелковую дивизию. Этот эпизод мог в какой-то степени надломить Богданова, он мог затаить обиду, а то и злобу.

В плену генерал разошелся не на шутку. Не далее как в сентябре 1941 г. Богданов написал заявление с предложением создать из военнопленных отряд для борьбы с Красной Армией. Однако до вооружения коллаборационистов германское командование тогда еще не созрело, и «Власовым» генерал Богданов не стал. В итоге он был назначен начальником контрразведки

1-й русской национальной бригады, участвовал в карательных акциях. После перехода бригады на сторону партизан Богданов был арестован 25 августа 1943 г. и передан советским властям. Он был казнен как предатель в 1950 г. Возвращаясь к утру 23 июня, необходимо отметить, что уже на следующий день (24 июня) именно 48-я дивизия попала в разведсводки для групп армий, причем была точно указана нумерация ее частей и фамилия командира соединения. Столь же подробные данные были у немцев только на разбитую под Алитусом 5-ю танковую дивизию и запертые в Брестской крепости стрелковые дивизии.

Разрушенный внутренним взрывом танк KB-1 из 2-й танковой дивизии 3-го механизированного корпуса.

Итак, в 11.30 к Расейню подошли передовые части 6-й танковой дивизии. Обе боевые группы соединения атаковали город с разных направлений. Сопротивление 48-й стрелковой дивизии было оценено немцами как «слабое». Это, впрочем, неудивительно, учитывая ее численность. К 15.00 Расейня оказывается захвачен. Потерявшие управление батальоны дивизии генерала Богданова стали в беспорядке (в донесении 11-го корпуса написано даже «панически») отходить в направлении Шяуляя. Попытка задержать их в районе м. Лиоляй не удалась. Для нормализации обстановки были даже использованы части НКВД. Из отошедших с границы пограничников были сформированы отряды по задержанию самовольно уходящих с фронта.

Тем временем 6-я танковая дивизия, так же как и ее сосед по корпусу, получает данные о сосредоточении на фланге советских танковых сил. Для нее эти сообщения разведки были более актуальными, так как боевые группы дивизии генерала Ландграфа были прямо на пути

советского контрудара. Сначала следует сообщение о двух приближающихся колоннах советских танков из Кедайнй в 10.00 с авангардом в Ильгижье (примерно в 25 км от Расейняй). Воздушная разведка сначала опровергает эту информацию, сообщая о наличии немецких моторизованных колонн на дороге Арегала – Расейняй. Действительно, в этом районе действовала 8-я танковая дивизия соседнего корпуса. Однако вскоре после этого воздушная разведка окончательно подтверждает приближение моторизованных колонн противника. Следует сказать, что это был один из немногих случаев, когда немецкая разведка загодя предупредила о подходящих советских резервах. Сплошь и рядом танки мехкорпусов падали как снег на голову.

Во второй половине дня продолжавшие наступление две боевые группы 6-й танковой дивизии вышли к Дубиссе. Группа Рауса захватывает мост через реку ниже по течению от железнодорожного моста в Лидувенае, ставшего жертвой «бранденбуржцев». В соседней группе Зекедорфа, несмотря на тяжелые условия местности, лидером наступления становятся мотоциклисты. Они же первыми сталкиваются с советскими мотомеханизированными частями, о которых старательно предупреждала разведка. Рота мотоциклетного батальона обходным путем через лес вышла к мосту через Дубиссу. Почти одновременно к тому же мосту вышел советский передовой отряд (около 40 грузовиков) из 2-й танковой дивизии. Скорее всего, это было подразделение 2-го мотострелкового полка. Типичным решением советских командиров подвижных соединений в Приграничном сражении было выбросить вперед мотострелковый полк для прикрытия развертывания танков для контрудара. Однако немцам удалось отбросить мотострелков из дивизии Солянкина и занять оборону. Обычно в подобных случаях разыгрывалось кровавое сражение за плацдарм. В данном случае силы немцев оказались чересчур слабы, всего одна рота. Прибывшие с востока на выручку мотострелкам танки 2-й танковой дивизии охватывают плацдарм с двух сторон (по 5 танков на каждом берегу). Немецкие мотоциклисты были вынуждены, понеся тяжелые потери, оставить ценный мост. Взрывать его никто не собирался – он был нужен обеим сторонам.

Та же машина с другого ракурса

Надо сказать, что Ф. И. Кузнецов в тот момент уже достаточно реалистично смотрел на перспективы оборонительных действий вверенных ему войск. Удержание линии новой границы было утопией. Нужно было готовить рубеж, за который могли зацепиться отходящие соединения. Уже 23 июня командующий фронтом приказывает начальнику инженерного управления фронта готовить оборонительные рубежи «По р. Зап. Двина, Даугавпилс и далее на восток до укрепленных районов» (имеются в виду УРы на старой границе). Оборонительный рубеж должен был соответствовать состоянию войск. Комфронта подчеркивал: «Возведение рубежей производить по принципу обороны на широком фронте, широко используя естественные препятствия для создания противотанковых районов»¹¹¹. Дивизии 8-й и 11-й армий Северо-Западного фронта могли занимать оборону только на широком фронте. Контрудар теперь становился средством прикрытия возможного отхода.

Воина в воздухе

Владея инициативой, немецкие летчики разнообразили тактику ударов по аэродромам. В Прибалтике они наносили удары даже ночью. По крайней мере, примеры таких ударов на других направлениях автору неизвестны. Возможно, это было вызвано особенностями данного театра военных действий – с белыми ночами. В истории немецкой бомбардировочной эскадры KG1 отмечалось: «В последующие дни [т. е. после 22 июня. – А.И.] продолжаются мощные удары против вражеской авиации, обе группы эскадры безостановочно атакуют аэродромы Виндау, Либау, Митау и Риги. Сначала вылеты происходят по большей части ночью, вернее в сумерках, поскольку в северных широтах в это время года ночью не темнеет по-настоящему, скорее наступают сумерки».

Первый такой удар состоялся в 2 часа 30 минут ночи 23 июня. Самолетами Люфтваффе был атакован аэродром Митава, на котором скопились машины нескольких советских авиачастей. Тяжелые потери, понесенные в дневных налетах на цели на немецкой территории, заставили командование ВВС СЗФ уже в первые сутки войны задуматься о ночных налетах. Советские бомбардировщики уже взлетали на бомбежку Кенигсберга, Клайпеды, Прикуле, Инстенбурга, когда над аэродромом Митава появились вражеские самолеты. Кто успел взлететь, пошел в направлении цели, кто-то остался догорать на взлетной полосе и на стоянке.

В результате ночного удара по Митаве было выведено из строя сразу 20 самолетов из 50-го авиаполка СБ. Из них 8 самолетов сгорели и 12 получили повреждения. По другим данным, сгорели 10 самолетов, были выведены из строя – 5. Базировавшийся на том же аэродроме 31-й авиаполк СБ потерял 1 самолет сгоревшим и еще 3 – поврежденными. Аэродром Митава был не единственным, пострадавшим от немецкого ночного налета. Согласно оперативной сводке штаба ВВС СЗФ на 8.00 23 июня: «ВВС противника в течение ночи группами до 30 самолетов атаковали аэродромы Таллин, Митава, Платонэ, Шауляй, Утена»¹¹². Эти налеты стоили ВВС Северо-Западного фронта по крайней мере 9 СБ уничтоженными и 15 СБ поврежденными на аэродромах Митава и Платонэ. Помимо потерь в Митаве на аэродроме Платонэ (6-й САД) один СБ был уничтожен и еще три СБ повреждены.

¹¹¹ СБД № 34. С. 48.

¹¹² ЦАМО РФ, ф. 221, оп. 1374, д. 11, л. 17.

Подбитый танк КВ-1

Помимо ночных налетов были и дневные, в которых немцы добивались успеха ввиду скудности советских самолетов. Летчики Зорин, Гупал и Макаров в своем письме, адресованном И. В. Сталину, сообщали: «В Плотено [Платонэ. – А.И.] 23 июня находились на маленькой площадке 33, 31, 35 и 312-й авиаполки, прилетел один самолет противника, бросил 3 бомбы и сжег наших 8 самолетов, а стоявшие на аэродроме истребители МиГ не взлетали потому, что не был отрегулирован щелчок пулемета»¹¹³. Данный эпизод косвенно подтверждается документами: по оперсводке штаба ВВС фронта, на аэродроме Платонэ 23 июня действительно находились 31 и 35 СБП. Полка с номером «33» на СЗФ не было, но зато был 31-й ИАП на МиГах, и он с 22 по 24 июня частью сил базировался в Платонэ. Не совсем понятно, что имеется в виду под «щелчок пулемета».

Скорее всего, это касается работы синхронизатора пулеметной установки истребителя. Среди недостатков вооружения МиГов в авиачастях СЗФ отмечалась поломка рычагов синхронизатора, обрывы тяг и трудности с регулировкой.

Расейняй

Путь в легенду начинался просто и буднично. Направленная утром 22 июня директива штаба Ф. И. Кузнецова на нанесение контрудара «по флангу и в тыл противнику, прорывающемуся на Таураге», медленно, но верно претворялось в жизнь. Ранним утром 23 июня начальник автобронетанкового управления Северо-Западного фронта полковник Полубояров докладывал: «Принял решение и поставил задачу Куркину: наступать из района Россиены в западном направлении до дороги Таураге – Шауляй. Дальше резкий поворот в юго-западном направлении на Таураге – Тильзит, имея границу справа (иск.) шоссе Таураге – Шауляй»¹¹⁴.

Как мы знаем, во второй половине дня 23 июня Расейняй уже был в руках немцев. Исходные позиции для контрудара были захвачены врагом. Может быть, дело в просчетах в его планировании? Выбор Полубояровым Расейняй в качестве исходных позиций для контрудара был вполне логичным. Это узел дорог, контрудар также наносился вдоль дороги. В лесистой местности это давало 2-й танковой дивизии возможность сражаться с врагом, а не с дорожными условиями. Оценка сил противника в одну танковую дивизию, наступающую вдоль Шяуляй-

¹¹³ Цит. по: Страшная цена победы. С. 258.

¹¹⁴ СБД № 34. С. 47.

ского шоссе, также логично приводила к Расейню как стартовой точке флангового удара. Более того, если бы командование 4-й танковой группы выстроило 1-ю и 6-ю танковые дивизии в затылок друг другу, как это часто делалось на других направлениях, Расейняй мог избежать захвата. Однако по стечению обстоятельств на момент написания донесения Полубоярова к городу уже продиралась по лесам 6-я танковая дивизия. Полубояров утром 23 июня направился в 12-й мехкорпус. Менять план было уже поздно. Фактически сам Расейняй стал объектом советского контрудара.

Брошенная техника 2-й танковой дивизии 3-го мехкорпуса. На переднем плане КВ-1 ранних серий, за ним видны несколько тягачей с 152-мм гаубицами М-10

Впрочем, в стане противника первые донесения ранним утром 24 июня также не вызвали бури восторга в штабах. В тылу 6-й танковой дивизии все еще продолжались стычки с мелкими группами красноармейцев, рассеянными в лесах. Сдаваться они не спешили. Из-за этого эскадрилья разведки дивизии не могла занять предназначенный для нее аэродром у Эржвилкаса. Возможности соединения самостоятельно отслеживать происходящее вокруг снизились. Боевой группе Зекедорфа удалось отбить мост через Дубиссу, мотоциклисты из К6¹¹⁵ устремились на Гринкишкис, но ответный удар Красной Армии оказался поистине устрашающим. Мотоциклисты и плацдарм были атакованы танками КВ. Быстро выяснилось, что новые советские танки «полностью неуязвимы для противотанковых средств калибром до 3,7 см». Плацдарм на Дубиссе был вновь потерян.

По немецким данным, первый КВ под Расейняем был подбит не артиллерией. Ночью 6-я рота 114-го стрелкового (моторизованного) полка также переправилась через Дубиссу и столкнулась с советскими танками на восточном берегу. Им повезло больше, чем мотоциклистам. Лейтенанту Эккарту из этой роты даже удалось связкой из пяти ручных гранат подорвать гусеницу советского тяжелого танка и затем повредить взрывом его орудие. Как указывалось в ЖБД 114-го полка: «Он наткнулся на вражескую моторизованную колонну и вывел из строя три вражеских танка, в том числе один большой. Это донесение он лично сообщает командо-

¹¹⁵ 6-го мотоциклетного батальона 6-й тд.

ванию дивизии и получает там Железный крест 1-го класса». История эта, впрочем, больше походит на рыбацкую байку. Можно также предположить, что «большим танком» был семи-метровый Т-28.

Однако все это были лишь столкновения передовых частей сторон. Главные события развернулись с началом советского контрудара. Служивший в то время в 6-й танковой дивизии полковник Ритген позднее рассказывал: «24 июня на рассвете советские танки крупными массами пересекли Дубиссу, поддержанные артиллерией. Некоторые наши солдаты были отрезаны атакой». На передовую выезжает командир дивизии генерал-майор Франц Ландграф. В Вермахте вообще считалось хорошим тоном руководить соединением с передовой. Вперед спешно выдвигаются новые 50-мм противотанковые пушки ПАК-38. В 6.00 выясняется, что и они не пробивают броню атакующих советских танков. Скорее всего, ввиду недостатка опыта огонь велся немецкими противотанкистами с чересчур большого расстояния. Вскоре немцы экспериментальным путем установят дистанции, на которых пушка ПАК-38 все же способна была поразить КВ. Утром 24 июня немцы насчитали на западном (правом) берегу Дубиссы всего 7–8 новых советских тяжелых танков. Скорее всего, часть танков КВ из 2-й танковой дивизии отстала по дороге и не была готова к бою в первой половине дня. К сожалению, никаких оперативных документов 2-й танковой дивизии в ЦАМО не сохранилось, и события приходится восстанавливать только по немецким данным.

Брошенный танк КВ-1 ранних серий с 76-мм орудием Л-11

Основная масса 2-й танковой дивизии, по немецким наблюдениям, еще находилась на восточном берегу Дубиссы юго-восточнее Каулакия. В 8.30 из 6-й танковой дивизии была направлена просьба нанести по этому району удар «штуками», но в 9.45 Люфтваффе ее отклонило. Попутно заметим, что даже на отрицательный ответ понадобился час с лишним – оперативность германских ВВС часто сильно преувеличивается. Поддержку авиации удалось выбить лично командиру XXXXI корпуса Рейнгардту, прибывшему в 6-ю танковую дивизию в 10.00 24 июня. Был выбран компромиссный вариант: «штуки» должны были в 13.00 бомбить дорогу на Гринкишкис, расчищая путь наступления группы Зекедорфа. Для противодействия совет-

ской танковой дивизии также разворачивалась на восток 269-я пехотная дивизия. Она должна была атаковать и уничтожить советские танковые части на восточном берегу Дубиссы.

По свидетельству Ритгена, на этом этапе сражения в группе Зекедорфа еще не было 88-мм зениток. Это подтверждается документами XXXXI корпуса, в его ЖБД в 6.30 24 июня отмечается: «Боевая группа Зекедорфа вынуждена перед началом собственного наступления отразить мощную танковую атаку противника. Поскольку у нее нет в достаточном количестве оборонительных средств, особенно тяжелых зениток, положение там становится угрожающим. Атаку удастся отбить, за исключением сверхтяжелых танков, которые беспрепятственно уничтожают много наших машин, тараня и давя их»¹¹⁶. То есть речь идет о том, что зениток было недостаточно, и Зекедорфу они поначалу просто не достались. 88-мм зенитки Flak 18/36, известные как «ахт-комма-ахт», получили признание в ходе гражданской войны в Испании, а в 1940 г. широко использовались против французских тяжелых танков. Одним словом, имелся и боевой опыт, и моральная готовность ставить зенитки на прямую наводку против наземных целей.

По итогам первого боя последовал приказ подтянуть к Расейняю зенитные орудия из района южнее Таураге, однако из-за плохого состояния дорог рассчитывать на их прибытие до вечера не приходилось. После 11.00 атаку трех КВ группе Зекедорфа удастся отбить за счет полевой артиллерии, поставленной на прямую наводку. Два из них немцам удастся подбить. По другим данным, артиллерия поражает первый КВ в 13.00 24 июня: от прямого попадания 150-мм снаряда он выходит из строя. До прибытия зениток 6-й танковой дивизии дается карт-бланш в использовании всех средств борьбы, в ЖБД XXXXI корпуса указывается: «Боевую группу Зекедорфа вновь атакуют крупные силы противника, для их отражения впервые разрешается использовать тяжелые метательные системы»¹¹⁷. Имеются в виду 280-мм реактивные минометы. Эффективность их против танков представляется сомнительной, рассчитывать приходилось разве что на моральный эффект. Также Ритген вспоминал: «Один из наших офицеров резерва – сегодня хорошо известный немецкий автор – потерял самообладание. Не оставившись в штабе своего полка, дивизии и корпуса, он попросту ворвался на командный пункт генерала Гепнера, чтобы сообщить «Все пропало!» Паника была явлением интернациональным.

Обращает на себя внимание тот факт, что участники боев 24 июня с немецкой стороны в один голос твердят о таране как основной тактике советских танкистов. Ритген вспоминал, что танк командира роты был протаранен КВ и опрокинулся, командир роты был ранен. В журнале боевых действий 6-й танковой дивизии относительно тактики действий новых танков отмечается: «Свое вооружение – 4,5-см, 7,5-см и 2 пулемета – они используют редко. 3,7-см и 5-см ПТО они уничтожили, просто раздавив». Как тут не вспомнить апрельский доклад в ГАБТУ о состоянии 3-го мехкорпуса. Похоже, что штатных 76,2-мм снарядов к танковым орудиям во 2-й танковой дивизии так и не появилось.

Помимо срыва наступления группы Зекедорфа на Гринкишкис, еще одним последствием вступления в бой 2-й танковой дивизии становится перехват коммуникаций группы Рауса. Последняя уже была большей частью на восточном (левом) берегу Дубиссы. Прорыв советских танков на западный (правый) берег быстро привел к ее изоляции. Уже утром 24 июня на дорогу Расейняй – плацдарм группы Рауса вышли два КВ с пехотой и оседлали ее. Однако вскоре эти две машины отошли в район действий группы Зекедорфа. Советские танкисты на тот момент вряд ли обладали достаточными разведывательными данными, чтобы целенаправленно атаковать линии снабжения группы Рауса. Части 2-й танковой дивизии двигались с востока на запад, выполняя приказ о контрударе в направлении шоссе Шяуляй – Таураге.

¹¹⁶ NARA T314 R979 f290.

¹¹⁷ NARA T314 R979 f291.

Группа танков с пехотой пошла в обход Расейня с севера, а затем по тем или иным причинам вернулась обратно.

Несмотря на обескураживающее столкновение с новыми танками противника, немцы поначалу не хотели отказываться от наступательных действий. Получив поддержку с воздуха, группа Зекендорфа попыталась перейти в наступление. Главным препятствием оказываются советские танки, в первую очередь тяжелые. Разыгрался танковый бой. Одно из классических его описаний выглядит следующим образом:

«Чтобы остановить основные силы противника, были введены в действие 114-й моторизованный полк, два артдивизиона и 100 танков 6-й танковой дивизии. Однако они встретились с батальоном тяжелых танков неизвестного ранее типа. Эти танки прошли сквозь пехоту и ворвались на артиллерийские позиции. Снаряды немецких орудий отскакивали от толстой брони танков противника. 100 немецких танков не смогли выдержать бой с 20 дредноутами противника и понесли потери. Чешские танки Pz.35 (t) были раздавлены вражескими монстрами. Такая же судьба постигла батарею 150-мм гаубиц, которая вела огонь до последней минуты. Несмотря на многочисленные попадания даже на расстоянии 200 метров, гаубицы не смогли повредить ни одного танка. Ситуация была критической. Только 88-мм зенитки смогли подбить несколько КВ и заставить остальных отступить в лес».

Нельзя не отметить, что количество тяжелых танков на поле боя возрастает. Если утром их было всего 7–8, то теперь уже 20. Скорее всего, они вводились в бой по мере прибытия, заправки или устранения мелких поломок. Танкист из 2-й танковой дивизии Д. И. Осадчий вспоминал тот бой: «Когда боевые порядки смешались, пришлось вести огонь с коротких остановок. Противник отвечал тем же, горели БТ и Т-26. Неуязвимыми оказались КВ с их мощной броневой защитой, от снарядов на их броне оставались лишь вмятины. А ведь плотность танков была так велика, что практически любой выпущенный снаряд достигал цели»¹¹⁸.

Крупный план поражения маски орудия Л-11 танка КВ-1 ранних серий

¹¹⁸ ВИЖ. 1988. № 6. С. 54.

Если восстанавливать события с опорой на немецкие документы, то картина оказывается несколько сложнее. Советская танковая атака заставляет командира 6-й танковой дивизии Ландграфа передать Зекендорфу 88-мм зенитки и танки. Составлявшие основную массу бронетехники дивизии танки 35 (t), конечно, были бесполезны против КВ, но могли вполне успешно противостоять танкам БТ, в изобилии представленным в дивизии генерала Солянкина. Во второй половине дня 24 июня боевая группа Зекендорфа переходит к обороне на подступах к Расейняю с востока. Части 2-й танковой дивизии пытаются пробиться с востока на запад через Расейняй к шоссе Таураге – Шяуляй. Можно только представить себе, как выглядела картина боя, с точки зрения штаба 3-го мехкорпуса. Расейняй уже захвачен противником, он оказывает упорное сопротивление, и выполнение боевой задачи оказывается под вопросом. В ходе трехчасового боя немцами было заявлено об уничтожении «2 52-тонных танков, а также 20 средних и легких».

Общие соображения говорят в пользу того, что в качестве «средних танков» немцами были подсчитаны Т-28. Однако, согласно данным М. Коломийца, танки Т-28 2-й танковой дивизии были сильно изношены и на ходу оставалось всего 15 машин из 27¹¹⁹. По апрельскому докладу в ГАБТУ в эксплуатации было 6 Т-28 и еще 6 – в консервации¹²⁰. По донесению 3-го мехкорпуса о боевом и численном составе от 22 июня 1941 г., в дивизии Солянкина было всего 9 Т-28¹²¹. Поэтому можно предположить, что в качестве «сверхтяжелых» выступали КВ-2, а в качестве «средних» – КВ-1. Но не исключено, что имеются в виду именно средние Т-28.

В 17.30 24 июня в район действий боевой группы Зекендорфа прибыли «ахт-комманды» и части подчиненной XXXXI корпусу артиллерии РКК. Это позволяет ей перейти в контрнаступление. Немцам удастся уничтожить еще несколько тяжелых танков. Один из них, будучи обездвижен, расстреливается 88-мм зениткой. Изучение оставшихся на поле боя подбитых советских танков дает немцам первое представление об их технических характеристиках: «При обследовании обнаруживается, что вражеские танки вооружены 7,5-см или 15,2-см орудием, примерно по 50 тонн веса, экипаж 5—6 человек, в том числе минимум 1 офицер, бронирование 80 мм, лобовое 85 мм»¹²². Из этого можно сделать вывод, что в бою участвовали танки как КВ, так и КВ-2. Это подтверждается также рапортом командира 41-го истребительно-противотанкового дивизиона дивизии Ландграфа:

«Экипаж одного русского танка дал показания, которые выслушал и записал переводчик: они рассказывали о своем 52-тонном танке. Толщина брони 85 мм, только люка 38 мм. В танке 15,2-см орудие, три 7,62-мм пулемета (в запасе еще два)».

Эти данные развеивают последние сомнения относительно КВ-2. Зная, что и собой представляли КВ-2 с точки зрения надежности, вызывает уважение сам факт их участия в бою после достаточно протяженного марша. Дело здесь явно было в большом количестве опытных водителей в дивизии Солянкина, о котором уже упоминалось выше. Помимо сведений о новой технике, пленные танкисты также сообщили немцам общую информацию о своем соединении:

«Танки, участвовавшие в сегодняшнем танковом бою, якобы принадлежат 2-й танковой дивизии, которая сформирована в 1939 году как бригада и недавно развернута в дивизию. За атаковавшей сегодня дивизией стоит пехотная дивизия, которая тоже имеет танки».

«Пехотная дивизия с танками» это, очевидно, 84-я моторизованная дивизия 3-го мехкорпуса, которая также должна была участвовать в контрударе. Теперь немцам стало известно имя противника. Это уже не была абстрактная масса боевых и вспомогательных машин с аэрофото-

¹¹⁹ фронтовая иллюстрация № 5. 2002. С. 10.

¹²⁰ ЦАМО РФ, ф. 38, оп. 11353, д. 898, л. 200.

¹²¹ ЦАМО РФ, ф. 344, оп. 5558, д. 3, л. 97.

¹²² NARA T312 R323 118.

снимков и из докладов летчиков. Но нельзя было назвать это знакомство приятным. Перехватить инициативу по-прежнему не удастся. Последняя в этот день попытка пробиться к Дубиссе предпринимается группой Зекендорфа вечером, около 19.00. Однако вновь на поле боя появляются КВ и от продвижения вперед приходится отказаться. Более того, советские тяжелые танки вновь прорываются на немецкие артиллерийские позиции. Интенсивное использование 88-мм зениток против танков приводит к израсходованию боеприпасов. Нужные снаряды немедленно доставляются на самолете.

В донесении штаба 4-й танковой группы от 18.00 24 июня с досадой отмечалось: «Атаки тяжелых танков и пехоты противника вынудили правый фланг XXXXI танкового корпуса перейти к обороне. В настоящее время этот бой еще продолжается». Таким образом, немецкое командование признавало, что советский контрудар заставил 6-ю танковую дивизию перейти к обороне.

Однако нельзя сказать, что обстановка внушала оптимизм советской стороне. П. А. Ротмистров, служивший в то время в штабе 3-го мехкорпуса, вспоминал: «К вечеру от генерала Солянкина поступило донесение о разгроме его частями 10-го моторизованного полка немцев, при этом было уничтожено до 40 танков и 40 противотанковых орудий врага. Однако и наши части тоже понесли значительные потери. Особенно пострадали полки, имевшие на вооружении легкие танки БТ и Т-26. В течение 24 июня 2-я танковая дивизия продолжала отражать атаки превосходящих сил противника, но к исходу дня начала пятиться в связи с тем, что кончилось горючее и на исходе были снаряды»¹²³. Ни о каком подвозе боеприпасов для 2-й танковой дивизии по воздуху не могло быть и речи.

В то время как гремел бой главных сил дивизии генерала Солянкина с группой Зекендорфа, еще один советский танк КВ вновь вышел на линию снабжения группы Рауса. Как написано в ЖБД немецкой 6-й стрелковой бригады (которой командовал Раус), танк «остался стоять посреди дороги как часовой». Далее немцы отмечали: «Эта дерзость импонировала; мы еще не предполагали, что он не мог двигаться дальше из-за поломки двигателя». Запросив в 19.00 поддержку «штук», подразделения группы Рауса занялись освобождением линии снабжения своими силами. Им удалось незаметно подтащить к танку на дистанцию всего 200 метров две 50-мм пушки ПАК-38 из 41-го противотанкового дивизиона. Однако их обстрел был совершенно безрезультатным. Ни один из снарядов, попавших в танк, не смог пробить его броню. Ответный огонь КВ был убийственным: он быстро согнал обе противотанковые пушки с их позиций, убив двух и ранив одного члена расчета. Артиллерия также все время держала одинокий КВ под обстрелом. Отмечались удачные попадания, но результата они не приносили.

¹²³ Ротмистров П.А. Стальная гвардия. С. 53.

Увязший в болоте танк КВ-2 с установкой МТ-1. На танке отчетливо видны боевые повреждения

Здесь самое время остановиться и задаться вопросом: «Как КВ-1 или КВ-2 оказался на дороге снабжения группы Рауса?» В разных источниках по этому поводу приводятся разные мнения. На фотографиях из района Расейняя присутствуют и КВ-1, и КВ-2. У КВ-1 с 76,2-мм пушкой был большой боекомплект. Это позволило бы одному танку выдержать длительную осаду. Однако отсутствие (или, во всяком случае, недостаток) во 2-й танковой дивизии 76,2-мм снарядов для тяжелых танков говорит в пользу того, что на дороге снабжения все же был КВ-2.

Через час после отправки заявки Люфтваффе, в 20.00 в авиационной поддержке было отказано. Раус в своих воспоминаниях саркастически замечает: «Нам было отказано, поскольку самолеты требовались буквально повсюду». На тот момент 1-й воздушный флот еще вел борьбу за господство в воздухе, нанося удары по советским аэродромам. Кроме того, усилия немецких ВВС под Расейняем были сосредоточены на главных силах 2-й танковой дивизии. Результаты этих ударов заставили командира 3-го мехкорпуса Куркина требовать вечером 24 июня: «На протяжении всех боевых действий нет нашей авиации. Пр[отивни]к все время бомбит. Прошу действия [на] Скаудвиле прикрыть»¹²⁴.

В 20.00 в 6-ю танковую дивизию прибывает еще одна батарея 88-мм зениток. Ее наконец было решено отправить для стабилизации положения группы Рауса. Прибывшую часом ранее батарею, напомню, отправили в группу Зекендорфа. Одно из прибывших орудий начали осторожно подтаскивать к одиноко стоящему советскому танку с юга. Дым от горящих на дороге грузовиков мешал танкистам целиться. Он был в какой-то мере прикрытием, давая зенитке возможность приблизиться незамеченной. 5-тонное орудие осторожно катили на руках. Наконец, для «ахт-ахт» была выбрана позиция на опушке леса, примерно в 500 м от танка. Артиллеристы начали лихорадочно готовить ее к выстрелу. Когда казалось, что подготовка орудия

¹²⁴ ВИЖ № 7, 1989. С. 25.

завершена, танк резко повернул башню и выстрелил первым. Зенитка свалилась в канаву, несколько солдат оказались убиты, другие были вынуждены отступить. На всякий случай отмечу, что потеря зенитки подтверждается документально, это не позднейшее дополнение к истории «расейняйского КВ».

Возобновление наступления боевой группы Рауса на следующий день оказывается под вопросом. Образовалась длинная колонна санитарных машин с ранеными, горючее и боеприпасы тоже невозможно было доставить. Справа и слева от дороги были заболоченные участки, и советский танк было не обойти. Все это требовало немедленного устранения препятствия. На этом обычно не акцентируется внимание, но история «расейняйского КВ» – это история борьбы с ним изолированной группы Рауса. Это не 6-я танковая дивизия пыталась восстановить контакт с группой Рауса, это сам Раус пытался освободить свои линии снабжения. Разумеется, у него были куда более ограниченные средства, чем у дивизии в целом. Отсюда и масса сложностей, которые вызвал всего один танк КВ. У генерала Ландграфа же была своя печаль в лице главных сил советской 2-й танковой дивизии. Потому даже 88-мм зенитки Раус получил в последнюю очередь.

Немецкие солдаты осматривают танк КВ-2 с установкой МТ-1

В 20.00 командир 6-й бригады Эрхард Раус прибег к последнему имевшемуся у него средству, которое он придерживал до темноты. Группа подрывников была отправлена взорвать танк. Два заряда – 15 кг под гусеницу и меньший в ствол – должны были лишить его возможности двигаться и вести огонь. Однако эта дерзкая операция не увенчалась успехом: ни гусеницу, ни ствол повредить не удалось. Это, кстати, говорит в пользу того, что на дороге стоял КВ-2.

Дело в том, что по опыту Финской войны на ствол 152-мм гаубицы надевали бронекольца. Такое кольцо могло защитить ствол от заряда взрывчатки.

Впрочем, не следует думать, что КВ занимал все мысли Рауса. На плацдарме на восточном берегу Дубиссы остался фронт на север лишь слабый заслон. Еще одной операцией Рауса тем же вечером стало восстановление контакта с группой Зекендорфа. Она тоже началась в 20.00, но в отличие от попыток совладать с КВ успешно завершилась в 23.00.

Ночь с 24 на 25 июня под Расейняем прошла беспокойно, ведущий ЖБД 114-го полка офицер писал: «На той стороне Дубиссы слышался шум множества моторов. Вели огонь вражеские 21-см мортиры. Наша корпусная артиллерия вела уничтожающий огонь по становившемуся все меньше пространству, на котором находились части окруженных вражеских танковых дивизий»¹²⁵. По штату в советской танковой дивизии 203-мм орудия отсутствовали. Скорее всего, части корпуса Куркина подчинили себе отбившийся дивизион или взвод 402-го полка большой мощности.

Увлечшись борьбой со 2-й танковой дивизией, 4-я танковая группа поставила под угрозу объект, имеющий значение для всей группы армий «Север». У захваченного с помощью «бранденбуржцев» 23 июня моста у Лидуvenая разыгралась сцена, напоминающая голливудский боевик. Поворот 1-й танковой дивизии на восток привел к тому, что захваченный мост оказался прикрыт только слабым охранением из оставленных у него частей дивизии. Все бы ничего, если бы по другую сторону фронта был пассивный и незэнергичный противник, подобный французам в 1940 г. Однако советское командование не смирилось с потерей стратегически важного моста. Около 19.00 24 июня немцы с ужасом обнаруживают несущийся на всех парах к Лидуvenаю советский бронепоезд. Скорее всего, это была инициатива снизу, так как в документах 8-й армии и фронта не обнаруживается никаких грозных приказов с требованием отбить Лидуvenай.

Охранение моста не имело никаких шансов отразить атаку бронепоезда и не могло даже просто взорвать полотно дороги – у них не было взрывчатки. На выдвижение к мосту резервов, даже моторизованных, и на вызов «штук» просто не остается времени. Как мы знаем, Люфтваффе бы только час раскачивалось – отказать или поддержать заявку. Пришлось импровизировать. С площадки у штаба XXXXI корпуса спешно поднимается в воздух связной самолет Физилер «Шторх» с взрывчаткой. Он садится у моста, и рельсы перед советским бронепоездом в последний момент удается взорвать. Вскоре к мосту подтягивается подразделение 36-й моторизованной дивизии и оборона моста усиливается. Можно сказать, что только чудом немцам удается избежать утраты важнейшего железнодорожного моста. Перед нами тот случай, когда оперативная радиосвязь существенно повлияла на ход боевых действий.

В то время как 6-я танковая дивизия вела бой с частями Солянкина, ее сосед выполнял замысловатый обходной маневр. Утром 24 июня Кирхнеру отправили приказ повернуть на юго-восток, «чтобы иметь возможность атаковать фланг противостоящего 6-й тд противника». Новой целью была дорога Восилишкис – Гринкишкис, к северо-востоку от Расейня. Это вообще было нехарактерно для действий немецких моторизованных корпусов. При отсутствии непосредственной угрозы конкретной дивизии они предпочитали нацеливать ее дальше вперед. Считалось, что лучше захватить выгодный плацдарм, нежели активно ликвидировать фланговую угрозу. В Прибалтике немцы отступили от этого правила.

Поворот прошел не без приключений. С раннего утра 24 июня 1-я танковая дивизия продолжала двигаться вперед, в общем направлении на Паневежис. Прямо на пути ее наступления накапливались части 11-й стрелковой дивизии генерал-майора Н. А. Соколова. Ее выгрузку из эшелонов у Радвилишкиса немцы, кстати, засекли воздушной разведкой. По советским данным, 24 июня успели выгрузиться два стрелковых полка и один артполк соеди-

¹²⁵ NARA T315 R351 f667.

нения. Идущая на всех парах боевая группа Крюгера врывается под Шауленаем в советскую пехоту, но легкой победы ей это не принесло. В ЖБД дивизии отмечается: «Высокие хлеба и господствующие высоты благоприятствуют вражеской обороне». Сражение было скоротечным, но упорным. «Высоты по обе стороны Мурая [под Шауленаем. – А.И.] захвачены после ожесточенных боев. Вражеская пехота, спрятавшись в хорошо оборудованных укреплениях, пропускает бронированные машины и сражается с сопровождающей их пехотой. В ходе этих боев выведены из строя 6 противотанковых пушек противника»¹²⁶. Бой группы Крюгера продолжался всю первую половину дня, позднее в качестве результата этих схваток немцы указывали: «Противник у поместья Мурай несет большие потери».

Давид и Голиаф: попытка сдвинуть с места КВ-1 с помощью танкаPz.IV

По показаниям допрошенных позднее отделом 1с (разведка) 36-й моторизованной дивизии военнопленных, картина боев с советской стороны выглядела так: «Дивизия [11 сд. – А.И.] находилась в движении к западной границе, когда накануне (23.6 —? ¹²⁷) была атакована и частично рассеяна немецкими танками. Используя для обороны пулеметы и минометы оказались неэффективны. Подтянутая артиллерия смогла на короткое время остановить наступление немецких танков, однако после вступления в бой германской артиллерии оно продолжилось»¹²⁸. Судя по всему, под «артиллерией» здесь следует понимать дивизионные 76-мм пушки. В ЖБД 1-й танковой дивизии также указывалось, что «русское 3,7-см орудие неэффективно против наших усиленных танков». Новейшие машины дивизии Кирхнера действительно были почти неуязвимы для советских 45-мм пушек. Тем не менее части генерала Соколова оказали ощутимое противодействие немецкому элитному соединению. Эта страница упорного сопротивления советских войск в Прибалтике осталась за кадром, так как 11-я стрелковая дивизия в сводках мелькала лишь эпизодически.

Тем временем по испытанному правилу: «одна боевая группа застревает, вторая продвигается», группа Зекендорфа уже к 11.00 24 июня углубилась до Байсогалы. Здесь части 11-й дивизии занять позиции не успели. Поэтому немцы лишь отражают несколько атак «разрозненных групп противника на грузовиках». Однако этот глубокий прорыв идет вразрез с планами

¹²⁶ NARA T315 R16 f942.

¹²⁷ Так в документе. – Прим. автора.

¹²⁸ NARA T314 R981 ff349—350.

командования корпуса и группы. Более того, ввиду неполучения приказа создалась опасная ситуация. В ЖБД XXXXI корпуса констатировалось: «Если бы у противника была хорошая воздушная разведка, он мог бы в настоящий момент отрезать 1-ю тд ударом во фланг и как минимум причинить ей тяжелые потери»¹²⁹. Действительно, если бы танковая дивизия Солянкина развернулась на северо-запад, то она могла пройти по тылам 1-й танковой дивизии и даже отрезать вырвавшиеся вперед части.

В середине дня сам генерал Рейнгардт прибывает на командный пункт 1-й танковой дивизии и разворачивает ее на юго-восток. В истории соединения мы находим жалобы на трудные условия маршей: «Все передвижения в этот день были бесконечно осложнены из-за дорог, проходящих через глубокие пески или болота»¹³⁰. В итоге выполнение отданного еще утром приказа задерживается до позднего вечера. На новый командный пункт в Шаукотасе штаб 1-й танковой дивизии прибывает только в 18.30. По воспоминаниям полковника Рольфа Штовеса, историографа дивизии, в районе Шаукотаса они сталкиваются с небольшими группами Т-26 и советской пехоты. Вероятно, это было охранение или разведка, высланная от 2-й танковой дивизии. Подполковник Венк приказывает прикрыть командный пункт двумя 88-мм зенитками от возможных танковых атак. Это решение нельзя не назвать поистине провидческим. Танковая группа Крюгера вступила в борьбу за Василишкис только поздним вечером, в 22.30. Сопrotивление советских частей было слабым, но так как экипажи танков через их оптику едва что-то видели, борьбу вели главным образом пехотинцы.

В итоговом донесении о действиях группы Гепнера за сутки 24 июня указывалось: «4-я танковая группа окружила в районе севернее Кедайняй – южнее Гринкискис – восточнее Расейняя крупные танковые силы противника. Они включают в себя по крайней мере одну танковую дивизию, может быть, это только части 2-й русской танковой дивизии, как говорят пленные, которая была усилена. Противник располагает здесь 40–60 танками, которые превосходят наши по вооружению и бронированию (лобовая броня 370 мм). 5-см противотанковая пушка и легкая полевая гаубица не оказывают на них никакого поражающего действия. До настоящего времени 5 таких танков было выведено из строя связками гранат и огнем из 8,8-см зенитных орудий. Противнику удалось осуществить прорыв отдельными танками через оборону 6-й танковой дивизии».

Таким образом, немцами за 24 июня были заявлены подбитыми по крайней мере 5 танков КВ из дивизии генерала Солянкина, включая подорванный утром связками гранат. В это число входит по крайней мере один танк КВ-2, экипаж которого дал показания о ТТХ своей машины. Однако отнюдь не один КВ «остановил» 4-ю танковую группу и даже XXXXI корпус. В действительности XXXXI танковый корпус был остановлен и скован силами 2-й танковой дивизии Е. Н. Солянкина и 11-й стрелковой дивизией Н. А. Соколова.

Тем временем командование 2-й танковой дивизии осознало угрозу флангу. Осадчий вспоминал: «Меня вызвали к комдиву, у которого были собраны командиры частей и боевых подразделений. Генерал-майор танковых войск Е. Н. Солянкин довел до нас, что противник, не добившись успеха на этом направлении и понеся значительные потери, главными силами обошел дивизию с северо-запада и вышел в тыл. Нам предстояло совершить маневр и нанести удар по врагу с целью обеспечения отвода частей соединения на новый рубеж. К этому времени в нем насчитывалось около 30 танков, в том числе 21 танк КВ».

В ночь с 24 на 25 июня немцы всерьез опасались прорыва советских частей из наметившегося окружения. Отказ от прорыва ночью можно считать ошибкой Солянкина. Однако мы не знаем всех обстоятельств происходившего тогда во 2-й танковой дивизии. Возможно, ночь была потрачена на приведение соединения в порядок, ремонт и заправку. Утром 25 июня бое-

¹²⁹ NARA T314 R979 f291.

¹³⁰ *Stoves R. Op.cit. S. 190.*

вые группы немецкой 1-й танковой дивизии изготовились к обороне на линии Восилискис – Гринкискис с установкой: «Эту линию необходимо удерживать против любых вражеских атак». Также по замыслу командования XXXXI корпуса 6-я танковая дивизия должна была в 6.30 перейти в наступление, вынуждая полуокруженные части Солянкина тратить силы на отражение ее атак.

Прорыв 2-й танковой дивизии начался ранним утром 25 июня. По описанию событий немецкой стороной можно сделать вывод, что Солянкин разделил свою дивизию на две группы для прорыва по двум маршрутам. Первая должна была пробиваться через Василишкис, вторая – через Жайгинис. Одна должна была обходить заболоченный лесной массив с востока, а вторая – с запада. Немцы датируют атаку первой группы 4.30 по берлинскому времени, т. е. 5.30 утра московского времени. Осадчий вспоминал: «Танки двинулись на восточную опушку леса, с ходу развернулись в боевой порядок. С обращенных к нам скатов небольшой возвышенности на удалении 300–350 м вели огонь орудия прямой наводки врага. Поливая противника огнем, танки смяли его орудия и пулеметные огневые точки, стремительно вырвались в открытое поле, заполненное вражескими танками и другой боевой техникой».

С самого начала прорыв приводит к кризису немецкой обороны. В ЖБД 1-й танковой дивизии указывалось: «Находящиеся впереди противотанковые пушки не в состоянии пробить броню танков. Сдержать вражеские танки в этот момент невозможно. Стоящим на главной дороге частям 1-го танкового полка не удастся, несмотря на активный оборонительный огонь, остановить вражеские танки»¹³¹. Кажется, достаточно сделать еще шаг и советским частям удастся прорваться в дефиле между болотами. Командир танковой группы Крюгера решает контратаковать. Его контрудар начинается при мощной огневой поддержке артиллерии. Также немецкие танки подавляют прорывающуюся вместе с танками мотопехоту 2-й танковой дивизии. Далее разыгрывается танковый бой.

Участник того боя капитан фон Фалькенберг, служивший в 7-й роте 1-го танкового полка, писал:

«Огонь, открытый ротой примерно с 800 метров, ничего не дал. Ближе и ближе подкачивали мы к противнику, но он столь же неколебимо двигался навстречу. Дистанция быстро сократилась до 50—100 метров. Бешеная стрельба не приносила видимого успеха. Русские танки катили дальше, бронебойные снаряды рикошетировали от них. Неоднократно возникала ошеломляющая ситуация: пройдя сквозь ряды 1-го танкового полка, русские танки накатывались на стрелков и пробивались в наш тыл. Танковый полк разворачивался кругом и катил на одном уровне с КВ-1 и КВ-2. При этом с кратчайшего расстояния 30–60 м удавалось подбивать их специальными снарядами. Контратакой русские силы были отброшены на 3–4 км. Затем у Василишкиса была организована оборонительная линия, которая устояла»¹³².

Под «специальными снарядами», очевидно, подразумеваются бронебойные подкалиберные снаряды. Они были способны пробить броню КВ уже с дистанции 200 м. Согласно записи в ЖБД 1-й танковой дивизии, в ходе контрудара были уничтожены «10 тяжелых русских танков». Однако главным достижением был захват господствующей высоты 139, запирающей выход в дефиле между болотами. Как гласит запись в ЖБД дивизии Кирхнера: «Новая крупная танковая атака противника захлебывается в огне нашей артиллерии, которая бьет с открытых позиций на высоте 139»¹³³. В истории соединения об этой фазе боя было сказано следующее: «Как только была захвачена высота 139, ее атаковала русская пехота, поддержанная многочисленными танками».

¹³¹ NARA T315 R16 f945.

¹³² *Stoves R. Op. cit. S. 191.*

¹³³ NARA T315 R16 f945.

2-й батальон майора Киттеля 113-го стрелкового полка, введенный там в бой, был серьезно потеснен. Высоту удержали только при поддержке батарей 73-го артиллерийского полка полковника Хольста, стрелявших прямой наводкой»¹³⁴. Однако некоторым все же удается прорваться через шквал огня. В их числе был танкист Осадчий, воспоминания которого несколько раз цитировались выше. Его танк был подбит, и он выходил из окружения по лесам пешком.

Тем временем второй группе дивизии Солянкина удается прорваться через Жайгинис на Шаукотас, к штабу 1-й танковой дивизии. Однако здесь они натываются на очереди обороняющихся штаб соединения зенитных автоматов. 20-мм и 37-мм зенитки были способны без труда поражать легкие танки Т-26 и ВТ. Бронебойными снарядами легких зениток оказываются сражены «множество танков». Однако усиление танками КВ получили обе ударных группы 2-й танковой дивизии. Это существенно изменило расклад сил. В ЖБД XXXXI корпуса имеется следующая запись: «13.00 – Мощные попытки прорыва сверхтяжелых танков у Шаукотаса (КП 1-й тд) снова делают ситуацию критической из-за возможности прорыва противника на север, а также дефицита противотанковых средств. После тяжелого боя попытка отражена»¹³⁵. Как уже было сказано выше, Венк еще предыдущим вечером приказал поставить у командного пункта дивизии две 88-мм зенитки. Без этого он был бы наверняка разгромлен. Штовес позднее вспоминал, что «Снова генерал [Кирхнер. – А.И.], его начальник штаба, офицеры, унтер-офицеры и большая часть штабных работников была вынуждена братья за свои винтовки и пистолеты-пулеметы и защищать себя от внезапной атаки русской пехоты и средних танков»¹³⁶. Так Венк проходил школу

Восточного фронта, которая ему пригодилась в ноябре 1942 г. на Чире под Сталинградом. Тогда он гальванизировал оборону рассеянной по степи 3-й румынской армии. В июне 1941 г. немцы были еще хозяевами положения. В качестве резерва под Шаукотасом для противодействия советским атакам выдвигается мотоциклетный батальон. Вскоре сюда же рокируется с левого фланга боевая группа Вестховена. На левом фланге остается лишь слабый заслон, ни о каком замкнутом окружении советской дивизии не может быть и речи.

Положение отражающей попытки прорыва дивизии Кирхнера могло быть существенно облегчено запланированным наступлением 6-й танковой дивизии. Однако этого не произошло. В ЖБД 6-й дивизии тактично указывается: «Приказ дивизии на 25.6 (не письменный) гласит: оборона». Отметим «не письменный», т. е. устное указание. Называя вещи своими именами, Ландграф проигнорировал указания сверху и решил 25 июня «зализывать раны» после боев предыдущего дня. Советской танковой дивизии были поначалу полностью развязаны руки в попытках прорваться.

Пауза была использована для уничтожения одиночного КВ, перекрывавшего дорогу к группе Рауса. Для отвлечения внимания советских танкистов была предпринята демонстративная атака на него 35 (t) танкового полка. Одновременно с другого направления были подтащены зенитки. В журнале боевых действий 6-й бригады Рауса по этому поводу есть запись: «Вражеский танк на дороге Росень – плацдарм был выведен тем временем из строя тремя зенитными 8,8-см орудиями 3-го зенитного полка, причем только 13-е попадание пробilo броню». Скорее всего, дело тут было в дистанции стрельбы. Штатно 88-мм зенитки пробивали броню КВ даже с 1000 м. Немцы были потрясены героизмом экипажа советского танка. Раус пишет: «Мы похоронили их со всеми воинскими почестями».

Примерно в 8.30 25 июня Куркин радировал в штаб фронта открытым текстом: «Помогите, окружен». В немецких источниках эта радиограмма приводится в расширенном виде:

¹³⁴ Stoves R. Op. cit. S.192–193.

¹³⁵ NARA T314 R979 f298.

¹³⁶ Initial period. S. 145.

«Мы полностью окружены, противник накрывает нас огнем гаубиц, прошу помощи». Возможно, командование 3-го мехкорпуса просило о помощи несколько раз, разным текстом. Но, так или иначе, радиограмма Куркина была принята не только в штабе фронта, но и станцией перехвата у штаба 6-й танковой дивизии.

Только после перехвата этого сообщения дивизия Ландграфа приходит в движение. В 9.30 на ее командном пункте появляется командир корпуса. Похоже, он был просто в ярости, поскольку приказывает «немедленно преследовать отступающего врага всеми силами дивизии, включая штаб». Нажим со стороны Расейняя сразу же привел к активизации попыток прорыва. В ЖБД 1-й танковой дивизии есть запись: «Напор противника на боевую группу Крюгера становится в результате [наступления 6 тд. – **А.И.**] все сильнее»¹³⁷.

Судя по всему, потерпев неудачу у высоты 139, Солянкин (или кто-то из его подчиненных) решает прорваться другим маршрутом, через дефиле болот у Саргеляя, на полпути между Василишкисом и Жайгинисом. Группа Крюгера была вынуждена вновь атаковать во избежание нового прорыва советских войск на Шаукотас. Вскоре группе Крюгера приходится перейти к обороне, в ЖБД 1-й танковой дивизии этот эпизод описывается так:

«Боевая группа Крюгера прекратила наступление у Саргеляя и отражает в течение второй половины дня 25.6 неоднократные танковые атаки противника. В ходе этих боев выясняется, что единственным эффективным средством борьбы с тяжелыми и сверхтяжелыми танками русских является 10-см пушка, которая может уничтожать их с открытой огневой позиции прямой наводкой»¹³⁸.

«10-см пушка» это орудие, известное как 10,5-см К18 – мощная длинноствольная пушка разработки 1926–1930 гг., на лафете 150-мм гаубицы. Они имелись в артиллерийских дивизионах некоторых танковых дивизий (в том числе 1-й тд), а также придавались в качестве средств усиления. Ее 15,56-кг бронебойный снаряд был способен поражать любой советский танк 1941 г., да и 1945 г.

¹³⁷ NARA T315 R16 f947.

¹³⁸ NARA T315 R16 f947.

Немецкий грузовик из 1-й танковой дивизии проезжает мимо танка КВ-2 с установкой МТ-1

Попытки прорыва второй группы 2-й танковой дивизии продолжаются в течение всего дня. В ЖБД XXXXI корпуса указывалось: «Танковые атаки на Шаукотас продолжаются с неослабевающей мощностью, и лишь в 19.30 атака боевой группы Вестховена на Жайгинис приводит к поражению противника»¹³⁹. На это же направление выходит 36-я моторизованная дивизия. Таким образом, против одной советской танковой дивизии действуют уже четыре германских дивизии.

Итоги дня подводит в ЖБД 1-й танковой дивизии следующая запись: «Попытки прорыва 2-й русской тд 3-го тк провалились и разгромлены. Боевые группы к вечеру могут доложить об уничтожении 11 сверхтяжелых и 22 средних танков. Многочисленные орудия, противотанковые пушки, грузовики и тракторы попадают в руки дивизии. Атаки стоили русским больших потерь в живой силе и ценной технике»¹⁴⁰.

Как мы видим, танки КВ (если «средние» – это КВ-1) 2-й танковой дивизии прожили в первые дни войны весьма интенсивную боевую жизнь. Значительная их часть, если не сказать «большинство», были потеряны в бою, а не брошены на обочинах дорог, как их собратья из других соединений.

Общая обстановка для дивизии Солянкина во второй половине дня 25 июня существенно осложнилась. На восточный берег Дубиссы постепенно переправились главные силы 6-й танковой дивизии. Тем не менее были предприняты атаки с целью пробиться на северо-восток. В ЖБД 6-й танковой дивизии 25 июня отмечалось: «В дальнейшем противник делает несколько попыток прорыва, весьма неприятных, поскольку эти атаки сопровождаются сверхтяжелыми танками. Система такова: два сверхтяжелых танка впереди, сзади мотострелки, на флангах легкие танки». В 1944 г. немцы применяли аналогичную тактику, названную тогда «танковый колокол»: впереди «Тигры», на флангах «Пантеры» и Pz.IV, в центре – мотопехота на грузовиках и БТР. Первооткрывателем «танкового колокола» были танкисты 2-й танковой дивизии 3-го мехкорпуса.

В документах 6-й танковой дивизии также упоминается еще один эпизод боя с обездвиженными КВ: «В лесу восточнее Пикуная два неподвижных сверхтяжелых танка, ведущих фланкирующий огонь. Их взрывают саперные части». Вероятно, эти два КВ были обездвижены ввиду выхода из строя двигателя или трансмиссии. Их экипажам оставалось лишь дорого продать свою жизнь.

В донесении о боях 4-й танковой группы за 25 июня говорится следующее:

«XXXI танковому корпусу в ходе боев с чрезвычайно ожесточенно сопротивляющимся противником в результате нового наступления через Дубиссу в течение 25 июня, 269-й пехотной, 36-й моторизованной, 1-й и 6-й танковым дивизиям удалось еще больше сузить кольцо вокруг окруженного в этом районе танкового соединения противника. До настоящего времени уничтожено более 100 танков».

Насчет «кольца» штаб Гепнера здесь выдавал желаемое за действительное. Плотного заслона на всех направлениях вокруг 2-й танковой дивизии на тот момент не было. Однако оборона фронтом на юго-восток была выстроена достаточно прочная. Те, кто не смог прорваться, были вынуждены отойти на исходные позиции. Ротмистров позднее вспоминал:

«В наступивших сумерках мы отошли в глубину леса, а затем – в расположение частей 2-й танковой дивизии, имевшей не больше десятка танков, да и то с пустыми баками. Значитель-

¹³⁹ NARA T314 R979 f298.

¹⁴⁰ NARA T315 R16 f947.

ная часть боевых машин была потеряна в бою под Скаудвиле или выведена из строя самими танкистами после того, как они израсходовали горючее и расстреляли все снаряды»¹⁴¹.

Любопытно отметить интересную аберрацию памяти: Ротмистров называет эти события боями под Скаудвилем хотя этот город вовсе не был ближайшим крупным населенным пунктом. Таковым был Расейняй. Однако Скаудвиль был целью наступления, надолго врезавшейся в память.

Агонию 2-й танковой дивизии и управления 3-го мехкорпуса Ротмистров описал следующим образом: «В дивизии я по приказанию генерала Куркина собрал совещание оставшегося в живых комсостава частей и штабов. Нужно заметить, что ни один из командиров и политработников не проявил растерянности, когда командир корпуса объявил, что мы находимся в окружении и принято решение прорываться на восток. Он приказал привести в полную негодность танки, оставшиеся без горючего, предварительно сняв с них пулеметы, распределить по подразделениям стрелковое вооружение, патроны и гранаты, принять меры по перевозке тяжелораненых и больных. Времени для этого оставалось в обрез, поскольку июньская ночь коротка, а к утру мы должны были во что бы то ни стало пересечь шоссе на Даугавпилс севернее Каунаса и углубиться в леса. Никогда мне не забыть, как танкисты со слезами на глазах расставались с танками, которые им было приказало собственными руками уничтожить»¹⁴².

Решение, надо сказать, было достаточно разумным. Несмотря на немецкие заявки на полное окружение советской дивизии, у нее еще оставался коридор для отхода строго на восток. Группа Вестховена 1-й танковой дивизии немцев была вынуждена сманеврировать на Шаукотас и полного замыкания «котла» не состоялось. На его восточной стороне остались ничем не закрытые «ворота». Советские командиры вряд ли точно знали о наличии «ворот», они действовали наудачу и им повезло. Согласно ЖБД 6-й танковой дивизии фактическое замыкание «котла», т. е. встреча с частями 1-й танковой дивизии, состоялось только утром 26 июня. Другой вопрос, что отсутствие горючего не позволяло отходить в ночь с 25 на 26 июня через «ворота» на восток с техникой. К слову сказать, Ротмистров описывает в своих мемуарах расставание танкиста с Т-34, который нужно было вывести из строя. Это не ошибка: в составе управления 3-го мехкорпуса действительно было два Т-34¹⁴³. В итоге и Куркин, и Ротмистров смогли выйти из окружения. Командиру 2-й танковой дивизии генерал-майору Егору Николаевичу Солянкину повезло меньше – он погиб. По воспоминаниям Ротмистрова, это произошло 26 июня. Однако захваченные немцами пленные утверждали, что Солянкин покончил жизнь самоубийством: «Пленные, как и те, кто был допрошен 25.6, показывают, что командир дивизии, попав в безвыходное положение, застрелился»¹⁴⁴.

¹⁴¹ Ротмистров П.А. Указ. соч. С. 54.

¹⁴² Ротмистров П.А. Указ. соч. С. 54.

¹⁴³ ЦАМО РФ, ф. 344, оп. 5558, д. 3, л. 97,

¹⁴⁴ NARA T314 R981 f349.

Разрушенный внутренним взрывом танк Т-28

Попытки силового прорыва остатков 2-й танковой дивизии в других направлениях решительного успеха не принесли, хотя и предпринимались. В ЖБД 114-го полка 6-й танковой дивизии есть такая запись: «Уже ночью 3 вражеских танка попытались прорваться во главе колонны из 30 грузовиков. Поскольку сначала их не идентифицировали как вражеские, они добрались до передовых линий, где были уничтожены. Моторизованная колонна была расстреляна»¹⁴⁵. Еще одна попытка прорыва была предпринята в полосе обороны 1-й танковой дивизии. В ЖБД соединения отмечалось: «Уже поздней ночью, а также ранним утром 26.6 начинается новая атака крупными силами вражеских танков против оборонительной линии боевой группы Крюгера. Несколькими волнами тяжелые русские танки атакуют снова и снова, и им удается частично прорваться через оборонительные линии. Оборонительные бои ведутся главным образом артиллерией, которая установлена на открытых огневых позициях на высотах»¹⁴⁶. В 4.00 утра

боевая группа Крюгера переходит в контратаку, по ее итогам немцами заявлено об уничтожении «около 50 средних и тяжелых русских танков». Здесь приходится констатировать, что «у страха глаза велики» – такого количества КВ и Т-28 во 2-й танковой дивизии явно уже не было. Тем не менее отметим «удается частично прорваться». То есть этот прорыв был в какой-то мере успешным.

Также нельзя не отметить, что ввиду скоротечности боев не все подразделения 2-й танковой дивизии успели собраться в единое целое после марша. Они растянулись на дорогах из Ионавы, обладая весьма туманными представлениями о происходящем. Так, в полосе 269-й пехотной дивизии 25 июня был взят в плен лейтенант из ремонтных подразделений танкового полка 2-й танковой дивизии. Колонна машин, в которой он находился, попала под обстрел в 11.00 у Кимонты (северо-восточнее Бятигалы). Машины двигались в Расейняй, не зная о его

¹⁴⁵ NARA T315 R351 f668.

¹⁴⁶ NARA T315 R16 ff958—959.

захвате немцами еще двумя днями ранее. Для пленного лейтенанта его колонна была обстреляна «совершенно внезапно».

Зачистку района расположения дивизии Солянкина производили совместными усилиями части 1-й и 6-й танковых дивизий. Среди пленных оказываются бойцы и командиры 48-й стрелковой дивизии. Они, скорее всего, присоединились ко 2-й танковой дивизии после отхода из Расейня. В ЖБД 1-й танковой дивизии отмечается: «Противник понес высокие потери». Ему вторит ЖБД 6-й мотострелковой бригады дивизии Ландграфа: «Противник оставил на поле боя множество убитых». Также немцы утверждали, что «все имущество этой дивизии попало в наши руки (в районе Тавтуце – Пупусинис), поскольку она под убийственным германским артиллерийским огнем бросила свои танки и орудия и, подобно безумной, бежала в болото, чтобы уйти из окружения, что основной массе, похоже, удалось»¹⁴⁷.

Несмотря на общий бравурный тон сообщения, нельзя не заметить легкой досады – «основной массе, похоже, удалось...». Район Тавтуце располагается на дороге из Расейня в Байсогалу. В ЖБД XXXXI моторизованного корпуса заявка на захваченные в ходе окружения 2-й танковой дивизии трофеи звучала следующим образом:

«Захвачены или уничтожены 186 танков (в том числе 29 сверхтяжелых) – еще 30 % от этого числа взорваны русскими в лесах или утонули в болотах – 77 орудий всех калибров, 32 ПТО, 600 автомобилей, пехотное вооружение в еще не подсчитанном количестве»¹⁴⁸.

Это было одно из первых донесений. Следует отметить, что в дивизии Солянкина было как минимум вдвое больше чем 600 автомобилей. Эта недостача может быть объяснена отсечением ее тылов 269-й пехотной дивизией. Танковый парк разбитой 2-й дивизии был также несколько больше 186 танков. На 20 июня она насчитывала 252 танка и 90 бронеавтомобилей. Если добавить «еще 30 %», получится 240 танков. Учитывая традиционное для войн всех времен завышение потерь противника, можно сделать вывод, что не все боевые машины 2-й танковой дивизии были уничтожены под Расейняем.

С советской стороны, к сожалению, нет такой развернутой оценки. 11 июля 1941 г. начальник Автобронетанкового управления Северо-Западного фронта полковник Полубояров докладывал в Москву Федоренко:

«3-й механизированный корпус (Куркин) погиб весь. Подробно доложит Кукушкин. Выведено пока и уже собрано до 400 человек остатков, вышедших из окружения [из состава] 2-й танковой дивизии (Солянкин), и один танк БТ-7»¹⁴⁹.

Любопытно также отметить, что немцами именно этот документ был, скорее всего, перехвачен. В ЖБД XXXXI корпуса есть запись: «По позднему сообщению из штаба танковой группы, был захвачен приказ штаба Ворошилова, из которого следовало, что красная 2-я тд смогла спасти после сражения у Росенье всего 1 танк»¹⁵⁰.

Однако Полубояров докладывал положение дел на 11 июля, когда уже много воды утекло. К 26 июня еще не все танки дивизии Солянкина были уничтожены. Кто-то прорвался, кто-то, наоборот, отстал. Нам еще предстоит встретиться с осколками элитного соединения Красной Армии в описании других событий на Северо-Западном фронте. Но так или иначе 2-я танковая дивизия уже сделала очень много.

¹⁴⁷ NARA T315 R f982.

¹⁴⁸ NARA T314 R979 f299, f301.

¹⁴⁹ СБД № 33. С. 13.

¹⁵⁰ NARA T314 R979 f301.

Глава 5

Ров с речной водой. Западная Двина

Двинск (Даугавпилс)

О ключевом значении того или иного населенного пункта часто можно судить по наличию в нем самом или его ближайших окрестностях старой крепости. Двинская крепость начала возводиться в начале XIX столетия и сохраняла свое значение до Первой мировой войны. Город Двинск (Даугавпилс) являлся важнейшим узлом дорог на Северо-Западном направлении. В 1941 г. через него проходила как железная дорога из Каунаса на Псков, так и удобная рокада вдоль Западной Двины из Полоцка в Ригу. Все это делало Двинск желанной целью для немецкого наступления. Командующий LVI корпусом Э. фон Манштейн позднее вспоминал: «Перед началом наступления мне задавали вопрос, думаем ли мы и за сколько времени достичь Двинска (Даугавпилс). Я отвечал, что если не удастся это сделать за 4 дня, то вряд ли нам удастся захватить мосты в неповрежденном состоянии»¹⁵¹. Возможно, именно в тот момент, когда Манштейн говорил эти слова, Двинск был крепким орешком. С осени 1940 г. в Двинской крепости дислоцировалась 23-я стрелковая дивизия РККА, с апреля 1941 г. здесь же формировался 5-й воздушно-десантный корпус. Однако 15–18 июня 23-я стрелковая дивизия покинула Двинскую крепость и начала выдвигаться к границе. В городе остались 9-я и 201-я воздушно-десантные бригады 5-го ВДК генерал-майора И. С. Безуглого.

¹⁵¹ Манштейн Э. Указ. соч. С. 189.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.